

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 4
2023

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы в электронном виде с фотопортретом и краткой биографической справкой автора. Редакция не вступает в переписку с авторами и не рецензирует присланные произведения.

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, Ю.Н. БОГДАНОВ,
Н.А. КАРТАШОВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.В. СОРОКИН,
А.П. ТОРОПЦЕВ, А.А. ТРАПЕЗНИКОВ,
В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 2767

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868–5819 «Московский Вестник», 2023, № 4

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. *Иван Голубничий*..... 5

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

Нина Шамарина

В темноте 8

Игнатий Белозерцев

Родник моей земли 45

Галина Бурденко

Рассказы 54

Евгений Хаванов

Живые пушкинские ямбы 72

Лариса Кеффель-Наумова

Два рассказа 82

Сергей Газин

Осенний хоровод 116

Элла Кузнецова

Душа желает крыльев для полёта... 126

Елена Деева

Двое в деревне..... 135

Николай Пирогов

Три рассказа 142

Лариса Кравчук

Музыкально-поэтическое пространство А.Н. Скрябина 162

Андрей Галамага	
Жить без оглядки, впрок.....	172
Елена Шершень	
Из гардемаринов – в художники	183
Евгения Гребенщикова	
Счастье – это жить в ладу с собой... ..	194
Марина Ершова	
Прольётся тёплый свет.....	203
Ирина Постоенко	
Тихий кров... Мой затерянный рай... ..	218

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иван Панин	
Роль детской художественной литературы в формировании личности.....	226
Наталия Будур	
Оставь окно открытым.....	236
Наталья Моторная	
Слово любви.....	252

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергей Еремеев	
Ты лети, бумажный змей... ..	258
Марина Дружинина	
Рассказы	266

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Когда завершается год, по традиции принято подводить итоги, осмыслять достигнутое и строить планы на будущее. Особенность нынешнего времени состоит в том, что планировать даже на самую ближайшую перспективу есть дело неблагодарное, поскольку дух перемен (дух амбивалентный и своевольный) сегодня буквально пронизывает бытие. Все планы, даже самые сдержанные, может разрушить неожиданное парадоксальное событие, зачастую противоречащее ожиданиям и бытовой логике. Поэтому самое надёжное и доступное – стоять на своём и верить в победу светлого духовного начала в человеке и в человечестве. Русская литература является носителем этого светлого начала, и задача современного писателя – сохранить преемственность по отношению к классической традиции, приумножить богатство отечественной словесности в её полноте и многообразии, подготовить почву для художественных прозрений и открытий завтрашнего дня. И самое главное – то, что вбирает в себя вышеназванные задачи, – сохранить цельность русского национального мировоззрения, на протяжении столетий объединявшего вокруг себя народы и языки, скреплявшего Российскую государственность мощными духовными скрепами.

Уже давно стало общим местом говорить о том, что современная русская, российская литература находится в кризисе, неразрывно связанном с определёнными процессами, явными и подспудными. На протяжении долгого времени преимущество в издательской и медийной сфере получали произведения, чуждые русской традиции, а в некоторых случаях откровенно враждебные ей, как по форме, так и по духу. Авторы этих произведений представляли Россию и на международных мероприятиях. В то же время, творчество писателей русского направления, так же, как и писателей наших братских национальных республик, вытеснялось на обочину «магистрального» процесса литературур-

ной и культурной жизни. Такое положение, сохранявшееся на протяжении многих лет, стало причиной серьёзных искажений в восприятии современной русской литературы как отечественным читателем, так и читателями других стран. В какой-то момент казалось, что так будет всегда.

Однако ход истории, неторопливый, но необратимый и исполненный высокой логики, изменил кажущуюся неизбежность либерального «застоя» в российской культуре. Специальная военная операция на Украине раскрепостила духовные силы народа, разбудила давние надежды, открыла новые горизонты. Задача восстановления Русского мира получила широкое воплощение в литературных произведениях всех традиционных жанров. Не может не радовать то, что освоение писателями патриотической тематики неуклонно эволюционирует от декларативных интенций, имеющих большое значение на первоначальном этапе, до серьёзного осмысления средствами художественного слова русской, российской национальной самобытности в широкой системе координат – истории, культуры, религии, общественной жизни и т.д.

Журнал «Московский Вестник» в течение прошедшего года в рамках своего формата стремился создать литературное пространство, свободное от медийных стимуляторов и «звёздных» ориентиров. Все наши авторы – современные писатели, занимающиеся литературным творчеством в соответствии с призванием, а не с побочными целями, в своих произведениях отражающие жизнь соответственно своему мировоззрению и масштабу дарования, ориентирующиеся на традицию русской классики в её, повторимся, полноте и многообразии. Восстановление нормального литературного процесса, с традиционной системой координат, в русле органичной преемственности, является одной из главных задач литературной периодики. Дальнейшему решению этой задачи мы посвятим нашу работу в грядущем году.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА,
ОЧЕРК**

Нина ШАМАРИНА

Нина Евгеньевна Шамарина – прозаик. Родилась в Подмосковье, с юности жила, училась, работала в Москве, по образованию химик-технолог. Двое детей, трое внуков. Член МГО Союза писателей России, автор книг «Двадцать семнадцать», «Синица в небе», электронных книг «Разноцветные шары желаний», «Чем пахнут звёзды», «Мыс Доброй Надежды».

Живёт в Москве.

В ТЕМНОТЕ

Повесть

Амирам возвращался с кладбища. Год прошёл с тех пор, как умерла его жена, но Амирам никак не мог к этому привыкнуть. Вот и сейчас, глядя на свои ботинки, перепачканные землёй и глиной, мысленно оправдывался перед женой и тут же одергивал себя:

– Полно, Амирам, ты же с могилы Людмилы и едешь. Нету никого дома, никто не заметит твоих грязных ботинок, кроме тебя самого.

Амирам не глядел на свое отражение на стекле двери вагона, трогал ворот зелёного вязаного женой свитера. Людмила вязать любила, приговаривая, что для хорошего человека вязать – «одно удовольствие». На полке в шкафу аккуратно сложенными лежат свитера – серый, чёрный, нарядный белый. На всех косы и ещё араны. Перед тем как взяться за новый свитер, Людмила показывала Амираму эти самые араны, которые, переключаясь с его именем, приносили в её поделки дополнительный тайный, никому, кроме них, не ведомый смысл.

У Амирама всегда отрастали длинные волосы. Иногда он схватывал их резинкой в низкий хвост, а Людмила, хохоча, заплетала его в косичку. Тогда косичек мужчины не носили, эта мода пришла лишь сейчас, когда волос у Амирама почти не осталось. Он по-прежнему стягивал их остатки резинкой. Низкий хвост пегого цвета выглядывал из-под шапки, и окружающим казалось, наверное, что волос у Амирама много, но грелась под чёрной шапкой обширная лысина. Да что ему за дело до окружающих? И какое дело окружающим до Амирама? Сидят, уткнувшись в свои телефоны. А Амираму мобильник так и не пригодился, хотя он и носил его с собой, почти им не пользуясь. Людмиле звонить с работы ни к чему: он заканчивал ровно в шесть и через десять минут уже открывал дверь своей квартиры, зачем звонить? По выходным они не расставались и телефон

опять не нужен. Но пунктуальный Амирам каждый вечер заряжал его, как когда-то заводил настенные часы, пополнял баланс.

И лишь однажды телефон мог, наверное, сослужить службу Амирану. Или не мог? В тот день ровно в три директор собрал руководителей отделов на совещание, и Амирам, явившись в зал минута в минуту, оставил трубку в ящичке стола. Когда он вернулся, на дисплее светился один пропущенный звонок с домашнего номера и один с мобильного жены. Амирам тут же перезвонил и, слушая однообразные гудки и по тому, и по другому номеру, встревожился. Придя домой в тишину квартиры и прочитав записку «увезли на скорой», поспешил в больницу, но Людмилу живой не застал. Потом в суете похорон, в оглушительной пустоте последующих дней, даже сейчас, когда прошел целый год, Амирану не давал покоя тот единственный, и, получилось, последний звонок его жены. Что она хотела ему сказать?

Сейчас Амирам придёт домой, перво-наперво почистит ботинки, потом согреет чай и, не снимая зелёного свитера, подойдет с кружкой к фотографии смеющейся жены. И заново вглядываясь в веселые глаза, будет спрашивать: «Почему ты молчала, Людмила?»

* * *

– Как ты вырос, Амка! – говорила мама, глядя Амирама по голове. За лето в пионерском лагере волосы сильно отрастали, висели прямыми блестящими прядями, делая его лицо ещё более узким и вытянутым. С такой причёской Амирам красовался весь сентябрь, несмотря на записи в дневнике и даже вызовы к директору. Шёл в парикмахерскую лишь тогда, когда противостояние с классной обещало перерасти в вызов в школу родителей.

Родители Амирама были слепыми: отец абсолютно, а мама признавалась в их дворе зрячей – у неё сохранялось пятьдесят процентов зрения. Их девятиэтажный дом назывался в округе «Дом слепых», в нём давали квартиры, тем, кто работал на

«УПП ВОС»*. Ни Амирам, ни кто-либо из его дворовых друзей не видели особой разницы между слепыми и зрячими. Их отцы так же, как любые другие, ходили на работу, а по вечерам забивали во дворе «козла», настолько быстро пересчитывая количество меток на доминошках чуткими пальцами, что никто из соседних дворов играть с ними не садился. Мама почти все оставались дома, на хозяйстве: обед, стирка, уборка. В квартире, как её сейчас вспоминал Амирам, довели чистота и порядок. Все вещи лежали и стояли строго на своих местах, будь то огромный диван в комнате родителей или стакан с карандашами на письменном столе у Амирама. И ещё – очень тихо, как будто не слепые в ней жили, а глухонемые: редко звонил телефон, едва слышно бубнило радио под потолком. Мама читала книги – свои специальные, в которых Амирам ничего не понимал. Если он не хотел делать уроки и вместо упражнений по русскому смотрел в окно, мама произносила тихо:

– Пиши, Амка, о чём думаешь?

В детстве всё это совсем не удивляло Амирама – так он жил всегда, так жили его друзья. Это потом, во взрослой жизни, когда всё делал по дому сам, по обыкновению годами не сдвигая вещи с привычных мест, методично складывая вилки в правый кармашек подставки, а ложки в левый, оценил каждодневные сложности жизни родителей. Однажды сели ужинать. Отец скупым движением взял правой рукой нож, а левая не нащупала вилки. Мама запомновала, не положила. Отец окаменел. И вдруг заверещал тонким голосом на одной ноте «и-и-и-и-и-и». Амирам замер на секунду, а потом, метнувшись к кухонному шкафчику и выхватив оттуда вилку, стал лихорадочно пихать её в руку продолжавшему кричать отцу. Мама, вскочив, прижала вилку в Амировой руке к столу и с усилием накрыла злосчастный столовый прибор отцовской рукой. Тот сразу успокоился, и лишь капли пота, выступившие на лбу, напоминали о минутной истерике.

* «УПП ВОС» – Учебно-производственное предприятие Всероссийского Общества Слепых.

Мама погладила по плечу отца, Амирама, и ужин продолжался, как ни в чём не бывало, даром что Амирама была дрожь, и он не чувствовал вкуса любимых «ёжиков».

Много лет Амирам помнил охвативший его тогда ужас, осознавая с того дня, что вещи на привычных местах для отца – не только удобство, а как маяк для заблудившегося моряка, как верёвка для альпиниста, как яркий свет в его темноте.

Диковинное его имя не находилось ни в словарях, ни святцах, куда заглядывал Амирам, надеясь уяснить, что оно означает или как переводится. Вовка из его класса с гордостью замечал, что он-де, Владимир – владеет миром, а Галка Смирнова подтверждала значение своего имени «Тишь, спокойствие» постоянно задрёмывая на уроках. Ребята дразнили Амирама «джигитом», да и сам он удивлялся: Амирам Александрович Николаев – каково?

Рассказал отец:

– Матери, с её зрением, рожать рискованно, да и я к тому времени уже в полной темноте жил («в темноте» – так они о себе говорили, разделяя темноту на «полную», «почти темноту» и «едва в темноте»). Да у неё еще какие-то болячки нашлись... Короче, чуть на тот свет вместе с тобой не отправилась. Врачиха спасла – Анна Михайловна. Но не называть же тебя Анной? – отец мелко смеялся, – вот и назвали по прежней моде, что ещё до твоего рождения утвердилась. Тогда-то, каких имён не выдумывали! Владилен – это сокращенно Владимир Ильич Ленин, Мэлс – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Ну и мы имя спасительницы нашей сократили: она – Анна Михайловна Раменская – вот и получился АМиРам. Красиво, согласись!

И ещё отец уверял, что видит иногда.

– Мне повезло, – говорил он, – я вижу свет. Если лампа горит, я вижу белое пятно, некоторые и этого не видят. И ещё, – отец понижал голос до шепота, – я маму твою вижу. От неё тоже свет исходит! Не знаю, как это объяснить. Я когда на неё смотрю, вот как на тебя сейчас (отец поворачивал к Амираму лицо), жёлтый свет различаю – мягкий, тёплый.

Лет с двенадцати летними месяцами, исключая один – в лагере, Амирам работал с отцом на комбинате. Работу ему давали несложную – собирать пластмассовые выключатели и розетки, нанизывая их отдельные детальки на маленькие винтики – но сдельную. Сидя за длинным столом рядом с дядей Васей (жил в «полной темноте»), Амирам мог едва-едва выполнить норму, в отличие от того же дяди Васи.

– Не суетись, малец, – говорил ему наставник, – спешка нужна при ловле блох. А тут точность главное и порядок.

И вот эти порядок, точность и тишину сохранял Амирам в своём доме, в своей работе и в своей жизни.

* * *

Повзрослел Амирам в одночасье. Он буквально вчера отгулял выпускной, на котором уже под утро, когда побрели все вместе встречать восход в Крылатское, увидел, как Таня, любимая одноклассница, целуется с Сережкой Соловьевым, и поклялся сам себе, что никогда не женится. А в середине июля отца сбила машина, когда он переходил Молодогвардейскую. Шёл на работу, как делал это изо дня в день, из года в год, и белую трость держал в руке, при том, что дорогу знал наизусть. Чтобы видели – идёт слепой. Но водитель не увидел. Его осудили потом, когда и мама уже угасла. Сорок дней после смерти отца она, сгорбившись, сидела на стуле, почти не ела, почти не спала. Не плакала, но как будто таяла, становилась прозрачной. Амирам тормошил её, как мог, но она лишь трогала его волосы невесомой ладонью, а на сороковой день тихо прилегла на нерастеленную постель, прямо на белое покрывало, почти сливаясь с ним, да так больше и не поднялась.

Единственная радость среди этих бед – Амираму уже исполнилось восемнадцать, детдом не грозил. В тот день, как раз и стукнуло, когда Таню обнимал Серёжка. Как давно это произошло, в прошлой жизни. Армия с его «минус шесть» над Амирамом не висела, а жаль! «Воевал» бы он сейчас с удовольствием, бил, крушил и ломал бы, своему сдержанному и незлобивому характеру вопреки.

Квартиру Амирам поменял. Не без труда купил газету по обмену, а варианты его практически не интересовали: лишь бы подальше отсюда, от этого дома, где каждый незрячий взгляд в его сторону сочувствовал, любой пыльный куст под окном помнил его родителей, всякая вещь в доме до последней тряпки для уборки хранила прикосновение материнских рук.

Так Амирам остался один на улице Авиамоторной. Работу, так же, как и квартиру, искать почти не пришлось. На той же Авиамоторной улице находился исследовательский институт. Амирама взяли в тот день, что он пришёл в отдел кадров, в КИПиА*, и работа сталась «под рост» Амирамовскому характеру. Здесь его некоторое занудство обернулось дотошностью, а точность в движениях и аккуратность, которым учил его когда-то дядя Вася, пришлись как нельзя кстати.

И потянулись монотонные месяцы и годы. В любое буднее утро Амирам в 9:25 приходил в институт. Просматривал журнал вызовов, ходил по лабораториям, что мог – исправлял на месте, приборы, требующие более сложного ремонта, уносил к себе в мастерскую. Обедал в институтской столовой, после обеда и до конца дня сидел в мастерской, отлаживая сбившиеся весы, неисправные фотоэлектрокалориметры и спектрофотометры.

После работы – домой. Ужин, книжка, телевизор. Суббота вся уходила на уборку и очереди в магазинах, воскресенье – кино, изредка театр (в институте распространяли билеты), крайне редко – друзья из прошлого. В настоящем друзей Амирам не завел, а в свой двор «Дома слепых» ни разу не заходил. Каждый вечер Амирам заводил будильник, но просыпался всегда сам, чуть-чуть раньше его звонка. Не открывая глаз, прислушивался к знакомым звукам, если слышал новые – пытался определить, откуда они исходят, представляя себя слепым непонятно зачем.

В институте, где в основном работали женщины, лаборатории полным-полны были девчонок-лаборанток. Конечно, Амирам – с длинными блестящими волосами, в чистом от-

* КИПиА – Контрольно-измерительные приборы и аппараты

утюженном синем рабочем халате, в очках с тонкой золотистой оправой – не мог остаться незамеченным. Даже некоторые суховатые учёные дамы посматривали на него с тайной надеждой, что уж говорить о лаборантках.

Особенно доставала его одна, даже оформляла ложные вызовы. Придёт Амирам, проверит – в порядке весы.

– Продолжайте работать, – скажет и пойдет себе в мастерскую, чувствуя спиной расстроенный взгляд.

Девчонка никак не могла понять, что она – целиком и полностью не во вкусе Амирама. Всего в ней чересчур: сдобные формы, грудь, вываливающаяся из белого халата, под которым у неё – единственно – нижнее белье, порывистые движения, громкий смех. Однажды Амирам увидел, как она берёт крошечные миллиграммовые гирьки аналитических микровесов рукой, а не пинцетом, что привело его в такое негодование, что ни о какой душевной тяге к этой девушке не могло быть и речи.

Нет, нельзя сказать, что Амираму не хотелось жениться. Таня давно перестала волновать, забылась и клятва, данная себе сгоряча. Уже в юности, оказавшись по своей воле в глухом одиночестве, как «в темноте», в которой жили когда-то его родители, Амирам мечтал найти родную душу, привести её в свою квартиру. Но эта «родная душа» грезилась такой же, как мама: спокойной, молчаливой, аккуратной. Должна жить по правилам Амирама, которые он выучил в своей семье, а теперь, когда жизнь перевалила за тридцать, эти правила стали частью его самого.

Как-то раз Амирам заглянул на «Новогодний вечер», который проводился в актовом зале в последний рабочий день декабря.

Из динамиков лился «медляк», обнимались пары – те же лаборантки с шоферами и механиками. Амирам, еле выдержав полчаса (слава богу, ни разу за это время не объявили «Белый танец»), сбежал домой.

Однажды, покупая «Вечёрку» в киоске, Амирам неожиданно для себя купил толстенькую непривычного формата газету «Из рук в руки». Дома полистал из интереса. Подивился тому, как

много люди продают и покупают, ищут работу, обмениваются монетами и книгами. И наравне с продажей сапог и предложением отремонтировать ванную комнату, в газете размещались объявления о поиске женщин и мужчин. Это так взбудоражило обычно невозмутимого Амирама, что он, отложив газету, прошёл по коридору туда и обратно, а потом, подойдя к кухонному окну и глядя на освещённый холл института, постоял, успокаиваясь и размышляя.

Амирам не умел мечтать. Он считал, что мечту часто путают с целью. Но достичь цели – это скучно и прагматично, а мечтать – это «в твоей душе живет ребёнок».

– Если мечтаешь прыгнуть с парашютом, что мешает тебе это сделать? Или дом, предположим, купить на берегу океана, – сказал бы Амирам, если б его спросили.

Всё возможно, рассуждал он, если поставить перед собой цель и идти к ней.

Цель становится мечтой, когда она недостижима в силу не зависящих от тебя причин – ну, например, шагать по облакам, да ещё и откусывать от них!

Говорят, добро должно быть с кулаками. Так и с мечтой: работай на свою мечту, и она обязательно сбудется – в этом Амирам был убеждён.

А вот сейчас, стоя у окна, размечтался. Представил женщину небольшого роста с тёмными короткими волосами и глубокими карими глазами, худенькую и бледную. Она ходит по кухне, читает те же книги, что и он, так же, как он, любит тишину и устаёт от большого количества шумных людей.

Вернулся, почитал объявления от женщин. Требования их к мужчинам вполне приземлённые: непьющий (наверное, это имелось в виду под словами «без вредных привычек»?), чтобы любил детей (щепетильный Амирам и здесь увидел двойной смысл: вероятно, соискательница – с детьми), непременно высок и строен, с хорошим заработком. Все эти качества у Амирама присутствовали, однако по части «хорошего заработка» он никогда не задумывался. В конце всех объявлений указывался «абонентский ящик номер ...» и замечание «фотография обязательна».

И назавтра Амирам сходил на почту, оплатил абонентский ящик на полгода. Отпущенный самому себе срок – как обещание того, что за эти полгода он найдёт такую женщину, которая так же незаметно и бесшумно, как когда-то мама, будет хозяйничать в его квартире. Зашёл в фотостудию. Фотограф долго выпытывал, какая фотография ему нужна, если не на паспорт. Потом, гаденько улыбаясь, спросил: «Для газеты знакомств?», но фотографию через три дня выдал хорошего качества и по размеру точно подходящую для конверта.

Дома Амирам ещё раз прочёл все объявления от женщин о поиске «серьёзных отношений», выделив те из них, где о детях ничего не говорилось. Потом, поколебавшись, вычеркнул объявления с возрастом претенденток до 30 лет и те, в которых искали «мужчину старше». Папочкой никому он становиться точно не хотел.

В результате осталось две подходящих Амирану дамы. Последнюю точку он поставил, оттолкнувшись от имени, и выбрал Людмилу. «Амирам и Людмила» – слышалось в этом сочетании нечто сказочное и элегантно одновременно.

Людмила писала, что отличается ровным и незлобивым характером, вдова, проживает в своей квартире.

* * *

Людмила уронила голову на стол, на белый лист, исписанный размашистым почерком её сына, и завывала в голос. Сторонний наблюдатель, если бы таковой оказался, сказал бы, что Людмила упала на стол несколько театрально, но не случилось рядом никого, кто бы мог это сказать.

Сын писал, что домой после службы не возвращается, останется в Находке, где он уже почти женился, и это означало лишь то, что Людмила снова останется одна. Это проклятое ненавистное одиночество, против которого она восставала всем своим нутром, шло с нею рука об руку всю её жизнь. Рано оставшись без матери и приехав в Москву, Людмила устроилась на ЗИЛ, получила место в общежитии. И эту свою

общажную жизнь вспоминала как самое лучшее время: в комнате на десять человек всегда кто-то дышал и двигался, кто-то всегда околачивался рядом, пусть молчком, пусть с книжкой, пусть даже спящий.

Потому как, быстро выйдя замуж, Людмила так же скоро вновь оказалась почти одна, лишь с маленьким сыном в придачу. Муж очень скоро умер от разрушенной печени, оставив Людмиле кроме ребёнка и комнаты в коммуналке муторные воспоминания о своей развесёлой жизни, так рано закончившейся.

И вот теперь, проведя два долгих года, что называется, у окошка, мечтая, как женится вернувшийся сын, «нарожает» детишек, и будет шумен и полон игрушек их дом, она получила это письмо.

Назавтра у Людмилы наступал день рождения, и это добавляло в её рыдания трагичных нот. Снова справлять свой день рождения самой с собой мерещилось невыносимым.

Избавление пришло с неожиданной стороны. Позвонила жена директора (а работала Людмила на крошечной фирмочке кладовщицей) и сказала, что они приедут, если Людмила не возражает. Людмила не возражала, не поняв, правда, кто это – они, и сколько их будет.

Утром следующего дня стол был накрыт на шестерых (по количеству тарелок в сервизе). К водочке в хрустальном графине подавались холодные закуски: грибочки собственноручной засолки (исключительно опята), маринованные огурцы, помидорчики в собственном соку, холодец (боялась, что не застынет, два раза ночью бегала проверять на балкон), селёдка под шубой и, конечно, салат «Столичный» (почти, как оливье, но с курицей, а не с колбасой).

Гостей приехало двое: жена директора Ольга и Татьяна – главный бухгалтер, Людмила смущалась и робела. Но девчонки оказались мировыми. В какой-то момент Людмила расплакалась-таки, жалуясь на одиночество. Гости уважительно помолчали, а потом Ольга вдруг сказала:

– А если жениха тебе найдём, замуж пойдёшь?

– Отчего ж не пойти, – отвечала Людмила, с силой вытирая глаза.

И через неделю этот, как представлялось Людмиле, ничего не значащий разговор, получил своё продолжение. Жена директора разворачивала перед изумлённой Людмилой брачные объявления в различных газетах, расспрашивала о том, каким должен быть жених, требовала фотографий в выигрышном ракурсе. Позже давала Людмиле читать письма от мужчин – много писем! Но Людмила никак не помогала, лишь смотрела, изумляясь, на весь этот спектакль, где главная роль выпала ей. В конце концов жена директора махнула рукой на бездействующую Людмилу и всё делала сама. Через два месяца от начала «маневров» со смешком сказала:

– Ну на свидание я за тебя не пойду, – и положила на стол фотографию: мужчина как мужчина, – не красавец, но вполне приятный. Карие глаза смотрели строго и немного устало.

– Тоже намыкался, бедный, – предположила Людмила. Прочитав в письме имя – Амирам, – спросила:

– Нерусский, что ли?

Ответить Ольга не могла, и Людмила тут же спохватилась:

– Да какая разница?

На первом свидании Амирам Людмиле не понравился: суховат, мрачен, молчалив. Правда, очень опрятен и в одежде, и в еде, что Людмиле, в общем-то, вполне импонировало.

Она смеялась его шуткам, коих почти и не произносилось, и вообще, всячески показывала расположение и симпатию, помня наставления своей «свахи» – жены директора:

– Даже если не понравится, дай жениху шанс на второе свидание, – говорила она, – пойми, что ему тоже непривычна и неловка эта ситуация.

Вот Людмила и давала шанс, и второе свидание закончилось у Амирама в квартире.

Квартира поразила высокими потолками, просторной кухней, чистотой. А утром, когда Людмила позвала Амирама завтракать:

– Мир, иди кушать, всё на столе (овсяная каша, блинчики с мёдом, бутерброды с колбасой и сыром), – застыл, не при-

тронувшись к еде, как будто сказать что-то хотел, но никак не решался.

Людмила гладила Амираму рубашку, почти не смотря на утюг (конечно, он все сам отлично делает, но и ей не трудно). И Амирам, не сводя глаз с этого самого утюга, сглотнув, про-бормотал:

– Людмила, выходи за меня, – и добавил не к месту: – Хотя на маму ты совсем не похожа.

Стали жить вместе. Суховат, мрачен и молчалив – как был, так и остался, ни второе свидание его не изменило, на даже жизнь под одной крышей. Иногда на Людмили хохоток отзывался слабой улыбкой, а так и не поймёшь за его карими, почти чёрными глазами – что на уме. Но, решила Людмила, раз замуж позвал, и живут они в его квартире, значит – так и быть тому. И почему его так те дела восхищали, которые она делала, как говорится, не глядя? Иногда тесто месит, а сама в это время анекдот рассказывает, сама же веселится, на Амирама оборачивается – какая реакция? А он на руки её глядит неотрывно, как будто и нет его здесь, в поднебесье где-то витает.

И не рассказывает ничего. Людмила-то – душа нараспашку – всю свою жизнь выложила ему на ладошку. И про детство в деревне, и про мужа непутёвого сам-себя сгубившего, и про ЗИЛ, и про то, как после «перестройки», когда завод на глазах сыпаться стал, работу никак не могла найти и впроголодь жила. Да, так многие тогда жили – чего интересного?

Всё, да не всё рассказала Людмила. О главном умолчала. О сыне. То ли обида сказывалась, что решил он по-своему, её не спросясь и даже не сказав сколь-нибудь заранее; то ли решила для себя, что сыночек – отрезанный ломоть – возможно, больше и не появится. Наездишься разве из Находки?

Так или иначе, но молчала Людмила про сына, как будто и не существовало его вовсе. В квартиру свою редко, но навещалась, пыль вытирала, за свет платила. Про квартиру Мир знал – вон и ключи на гвоздике в передней висят, не прятала. Адресом не интересовался, а Людмиле это и на руку. Как поженились, с работы она ушла. Амирам сказал, мол, хватит моей

зарплаты нам с лихвой. И как будто дверь Людмила в прошлую жизнь закрыла плотно-плотно. Там, за дверью, всё и осталось: и квартира, и работа, и сын. Писем он не писал (ящик почтовый Людмила проверяла), по телефону не звонил. Амирамка ей трубку купил сразу, как вместе жить стали, дорогую, «Эрик-сон» называется. Да трубка Людмиле без надобности: сын не звонит (номер сразу ему отправила), Мир тоже не позвонил ни разу. А ему зачем звонить? Он без Людмилы только на работу ходил, а с работы возвращался всегда без задержки – можно часы по нему проверять. Муж на порог, а у Людмилы – всё горячее. Пока он руки моет, как раз на тарелку положить. Но и ошибок не прощал. Да какие ошибки? Людмила однажды вилку на стол не положила – что в голове?! Главное, и хлеб на маленькой тарелочке, и соус в соуснике, и соль-перец – всё есть, и жаркое «По-милански» на подогретой тарелке. И нож, как полагается, с правой стороны посверкивал, а вилку выпустила из внимания. Рассказывала Амирану что-то смешное. Он, ничего не сказав, поднялся, к шкафчику подошёл да и взял вилку-то. А почему-то холодком махнуло, как от ёлки, когда её под Новый год с мороза в дом внесёшь. Обдаст прохладой самую толику, а потом нагреется ель и хвоей заблагоухает. Так и Амирам. Уж так напрягся, что вилки на месте нет, а взял её – и успокоился, как будто последний кусочек пазла на место положил. Что-то, наверное, с вилкой этой связано, Людмила решила и больше такого не допускала.

А тут – вот уж, поистине, как снег на голову – сын объявился. И не просто позвонил, а приехал. И как теперь Амирану, такому аккуратисту, про сына сказать?

На второй день, едва дождалась, когда за мужем дверь закроется, полетела к сыночку. А как же? Ломоть – отрезанный, а болит. Погостить приехал или навсегда? Ох, не нравилось Людмиле, что один пожаловал. Неспроста это.

Приехала, дверь, конечно, своим ключом открыла, неужто в звонок звонить к себе-то домой?

Матушка родная, что делается! Бутылки валяются, лужа какая-то на паркете высохла – подошвы прилипают, на газете,

на полированный журнальный столик положенной, скелеты рыбные воняют, и уж мухи над ними. Когда поспел-то? Сам спит на диване одетый, глянула – и зашлось сердце: вылитый отец его! Опухший, жёлтый. Батюшки-светы, только не это! Виктор, пусть и обидел её, но всё-таки жизнь устроил: и женился, и ребёночка завел. И что ж, что в Находке остался? И там люди живут, главное, чтоб ему хорошо. Теперь, когда в её жизни всё так ладно и неожиданно устроилось, Людмила и думать забыла, как заходила над сыновним письмом. Растворившись полностью в Амираме, считала, что невозвращение сына – аванс, залог счастья в новой жизни. Так самая больная болячка на здоровом организме отмирает, в конце концов, и на её месте нарастает ранимая и непрочная новая кожа, всё более уплотняясь.

– Может, только с возвращения с друзьями набрался? – утешала себя Людмила, хотя складывая в кулек всё: и то, что не писал, и то, что один приехал, и то, что, зная о её приезде, не встал и не прибрался, понимала, что не случайно все это. Вот чем она заплатит за свой счастливый брак: несчастьем с сыном.

* * *

Амирам дома любил сидеть: чай пить, разговаривать, книжки читать, но Людмила к путешествиям его пристрастила, до коих сама охоча, сначала в теории – по большой карте ползала, пальцем по дорогам и тропинкам водила, а как машину купили – то и к реальным. Выбрала турбазу на Чебоксарском водохранилище в посёлке со смешным названием Хыркасы. Амирам подготовился: купил ружьё для подводной охоты, две удочки, крючки, блесны. Поехали.

Путешествие началось сразу за порогом дома. Шестьсот пятьдесят километров, десять часов за рулём, но Амирану не страшно, он к однообразному труду привычный. После перестройки их КИППиА самостоятельно работать начал, и Амирам там – не последний человек. Поначалу вообще на нём все держалось, потом расширяться начали, молодёжи набрали. И при-

боры в институте по-прежнему чинили, и компьютеры стали собирать, это много денег приносило.

Людмила прихватила в дорогу большой термос с чаем для Амирама, маленький с кофе – для себя, бутерброды в фольге.

– Горячее – в обед, – сказал Амирам. Людмила не возражала. Выехали рано, и не зря: дорога пустынна, в оврагах плавает туман, солнце вспыхивает в росистой траве тут и там. Людмила болтала без умолку, смеялась. Амирам, давно привыкший к её шумливости и шуткам, улыбался, хотя привычно недоумевал: как его угораздило на такой хохотушке жениться? Совсем не похожа на маму!

В Нижнем сделали большую остановку. Город не осматривали, решили на обратном пути непременно походить-побродить по улицам, посидеть на набережной, пожалуй, даже покататься на катере. Пообедали на краю города, в небольшом кафе у дороги. Амирам заказал им обоим борщ, котлеты с картошкой, компот. Очень аппетитно выглядели пирожки с капустой, и Амирам купил и их. Вкусные, конечно, но Людмилины лучше. Дальше поехали медленнее, становилось жарко, вялая послеобеденная сытость оборачивалась сонливостью, и здесь очень пригодился Людмилины чай из термоса. Амирам даже отхлебнул кофе для бодрости, в очередной раз удивившись: как Людмила пьет эту горькую гадость?

Чем ближе к месту, тем более созвучными ему становились названия: Рыкакасы, Калайкасы, Шобашкасы... Людмила смеялась, а Амирам удовлетворённо отмечал путь на карте: ехали правильно.

Разместившись в номере и вкусно поужинав в столовой, завалились спать после дороги. Всё им нравилось: и номер хорош, несмотря на то что с двумя маленькими кроватями вместо одной большой. Конечно, Людмила не соглашалась спать в одиночестве и прижала Амирама к стене на узенькой кровати своим мягким тёплым телом, легла головой на его руку. Амирам, поворчав для порядка, накрыл её другой рукою.

Чуть свет Амирам пошёл на разведку. Погода испортилась, над водохранилищем носились тучи. Отдыхающие ещё не вы-

сыпали на берег, лишь местные рыбаки раскладывали свежий улов на продажу. С высокого берега открывался величественный вид: Волга, разлёгшаяся, как море, не видать берегов. Чёрная вода, тяжёлые волны, километрах в десяти угадывается другой берег.

«Надо туда сплавить, – подумал Амирам, – Людмиле понравится. Завтра, сегодня больно волны высоки».

Но когда Людмилу останавливали волны и прочие опасности? Загадали так: если лодочник лодку выдаст – поплывут, нет – значит, в другой раз.

Лодочник подивился:

– На тот берег? – но лодку выдал.

Амирам самолично надел на Людмилу спас-жилет, затянул застегнул все ремешки. Та, по обыкновению, хохотала:

– Мир, ты ж меня вытащишь, если что? Я плавать не умею!

«Мир» – так она его называла, и Амираму это имя очень нравилось, также как «Амка», которым когда-то окликала его мама.

Лодку Амирам тоже выбрал сам. Абсолютно сухая внутри – значит, не подтекает, без ржавчины – новая. Хороший цвет – тёмно-зелёный, хотя цвет – дело десятое. Людмила настаивала на оранжевом, Амирам почти согласился, но Людмила быстро уступила:

– Зелёный – тоже хорошо. Не хватало ещё, по пустякам спорить.

Лодочник оттолкнул лодку, прокричал что-то вдогонку, типа «осторожней», и они поплыли. Людмила попросилась на весла. Амирам сидел на носу, спиной по движению лодки. Из-за низких туч выглянуло солнце, зажегшись нимбом в волосах Людмилы, кудрявившихся на висках.

«Святая, как есть – святая!» – в который раз уверился Амирам, но вслух сказал другое:

– Ты как будто в скафандре, Людмила!

Меж тем солнце вновь скрылось за тучу, закрапал дождик. И чем дальше они удалялись от берега, тем темнее становилась вода, совсем не такая, как в городской квартире. Прозрачная вода, льющаяся из крана, кажется, не имеет никакой плотности,

а эта толща – иначе не скажешь – не просто плотная – упругая и округлая, как будто и не вода вовсе, а гибкая резина. Молчали. Амирам видел, что Людмила побаивается, да и сам, признаться, не чувствовал себя уверенно на этой небольшой в огромном просторе лодочке. Перейти на вёсла вместо Людмилы он не решился: нужно встать, рискуя опрокинуть лодку. Единственное, что Амирам позволил себе – чуть развернуться, чтобы видеть, не сносит ли их в сторону. Течение очень даже ощущалось, и волны становились всё выше и выше. Вдруг Амирам увидел нечто, что заставило бы его вскочить на ноги, не будь это так опасно. Наперерез им, по руслу Волги шла баржа! Скромная баржа-трудяга, толкаемая буксиром, стрекота которого не улавливалось в плеске и шелесте волн. «Видят ли нас с буксира? Что для них наша маленькая лодочка! Эх, почему оранжевую не взяли!» – вихрем неслись мысли в голове Амирама.

По крайней мере, спасательные жилеты на них ярко-жёлтые, должны заметить! Но нет – не видят! Кричи-не кричи – не услышат. Что делать? А волны – как в океане, и кажется Амираму – все одно – перевернутся они сейчас. Сможет ли он доплыть до берега, вытащит ли Людмилу?

– Людмила, давай назад! Греби назад! – закричал Амирам.

Нет, Людмила не справится, и Амирам, уже не заботясь о том, что перевернётся лодка (так и так – перевернётся!), шагнул на банку с вёслами. Людмила (молодец, девочка!) быстро-быстро переползла на его место. Амирам грёб изо всех сил, Людмила – посеревшая, развернувшись вполоборота к барже, кричала что-то однообразное, как мог судить Амирам по раскрытому рту, потому что голоса он не разбирал.

Ещё минуту Амирам бешено отгребал назад. И вот близко-близко и страшно медленно проплыл грязно-голубой бок сухогруза. Мимо! Мимо! Пахнуло мазутом и гречневой кашей, проползла безлюдная палуба, лишь тельняшки, развешанные на веревке, размахивали рукавами. Мимо! Исполинские волны захлёстывали воду в их маленькую лодку.

– Держись, Людмила! – зачем-то прокричал Амирам, бросив весла и вцепившись в борта лодки.

«Тыр-тыр-тыр», – как трактор тарахтел удаляющийся с баржей буксир. Амирам опять взялся за весла. Людмила, вытащив из кармана плотную панаму, стоя на коленях, черпала воду.

– Оставь, Людмила, теперь не потонем, выплывем, – прокричал Амирам, но Людмила его не слышала.

Постепенно стихал шум, истончалась тело воды. Вот уже виден песок на дне и стаи рыбок на мелководье. Лодка царапнула днищем. Амирам опустил руки, а Людмила всё черпала и черпала воду.

– Людмила, всё, всё. Приехали. Всё хорошо, – говорил Амирам, обнимая жену, силком вытаскивая её на берег, – всё хорошо, мы живы, мы доплыли.

И тут Людмила заплакала в голос, повторяя одно и то же слово «прости». За что простить-то? Амирам сам виноват, зачем согласился плыть в бурю?

Когда возвращались обратно, река успокоилась, морщилась мелкой зыбью. Амирам и Людмила словно поменялись характерами на время: Амирам, по обычаю жены, много говорил и смеялся, а Людмила нахохлилась на корме, зажав ладони между колен, и все попытки разговорить её оказались тщетны.

* * *

Из аэропорта Витька первым делом позвонил домой, послушал длинные гудки. Набрал матери на мобильный с тем же эффектом и, отстояв очередь на экспресс, поехал в Москву. Найдётся. Однако напрягся: чтобы мать пропустила его звонок – такого никогда ещё не случалось.

Мать перезвонила сама, как раз тогда, когда Виктор входил в метро.

– А у тебя не ночь разве? – спросила.

– Я в Москве, мам, через час-полтора дома буду.

– Дома? – мать помедлила, – К соседке зайди, Клаве, ключ у неё возьми. Я завтра часов в двенадцать приеду.

Вот так явишься домой! А рыдала навзрыд всего каких-то четыре года назад: «Сыночек, как же я теперь без тебя!».

Мать тут же перезвонила:

– Ты один?

– Один.

– Надолго?

– Мам, поговорим. Навсегда, наверное.

– Еды купи, дома пусто. Деньги есть у тебя?

Витька вошёл в квартиру. Он не появлялся дома шесть лет, с тех пор, как ушёл в армию. В квартире ничего не изменилось, насколько он помнил, но ощущалась какая-то заброшенность, как будто и мать не жила здесь тоже: окна наглухо закрыты, перекрыты газ и вода. Холодильник – почти пуст, лишь в морозилке болтается курица в пакете.

Виктор бросил рюкзак, открыл балконную дверь, пошарил по карманам и спустился вниз, в магазин во дворе.

Поднимаясь по лестнице обратно и позвякивая бутылками, встретил закадычного друга и одноклассника, тоже Витьку, из соседней квартиры. Обнялись, похлопывая друг друга по спине и плечам, вошли в квартиру вместе.

Через полчаса, когда охладилось пиво, засунутое в морозилку, а друг притащил жареной картошки прямо в сковородке, они накрыли какой-никакой стол, и друг Витька провозгласил «Ну, вздрогнули! За встречу!», Виктор сделал, наконец, первый глоток за сегодняшний длинный день.

Заломило зубы, и горечью омыло нёбо, холодный шар прокатился по горлу и раскрылся, как мяч-трансформер, впиваясь ставшими вмиг горячими зубцами в стенки желудка и одновременно в ткань печени, в округлость почек. Виктор содрогнулся и отпил залпом две трети из высокого стакана.

– Эх тебя скрутило, как будто спирту дёрнул, – засмеялся друг Виктор. Он пил пиво, как воду.

Витьке теперь, после первой порции, стало хорошо и тепло. Закурили.

– Мать-то где твоя? – спросил друг Виктор. – Не вижу её что-то.

– Да я не понял, говорит, завтра придет.

– А сам как? Теть Люда говорила, женился?

– Разбежались уже, – буркнул Витька, – я насовсем вернулся.

Пиво разливалось по телу тёплыми волнами, и уже плавало и размывалось в дыму и хмелю лицо друга, а дальше, как обычно, помнилось плохо. Вроде, они снова ходили в магазин, и вроде телепалась с ними какая-то девчонка, и Витьки-друга мать, соседка Клава, кричала и ругалась на них, волоком утаскивая сына.

Виктор проснулся утром, когда мало-мальски рассвело. Долго не мог понять, где он, почему так светло за окном, вроде, ещё ночь. Сообразил с трудом, что он – дома в Москве, а не в Находке, в Находке у него больше дома нет.

Поплёлся на кухню. Пива не осталось. Взглянул на часы, но ничего не понял, не вспомнив, перевёл ли он часы на московское время, и отрубился.

* * *

Дождь обрушился сразу. Минуту назад светило солнце, и вдруг, как занавес упал, накрыл остановку со всех сторон серым гулким полотном.

И одинока Людмила, словно невесть откуда взявшийся в луже обрывок бумаги.

– Нет-нет, – одёрнула себя Людмила, – отчего ж одинока? У тебя Амирам есть и Витька.

Только Амирам ничего не знает, а Витьку отдала в незнакомые руки.

Врать Амираму становилось всё труднее. Пока навещала Виктора дома, мужу даже ничего не говорила: он на работу, она – к сыну. Уберётся, холодильник заполнит и назад. Всё попевала – и там стоговить, и там. Да и не ежедневно ездила, конечно. А сын-то иногда и не видел её. Ну а если, паче чаяния, не спал – нетерпеливо морщился:

– Мам, не езд, все хорошо у меня. На работу устроюсь, дай срок. Да не пью я, мам, с чего ты взяла? Пиво же!

Примерно через два года Людмила уговорила сына поехать трудником в Высоцкий монастырь в Серпухове. Говорили, что

у иконы «Неупиваемая чаша» самые замшелые алкоголики исцеляются, даже если не верят. А уж коли в монастыре пожить, и всякий раз к иконе прикладываться, больше к пьянству возврата никогда не будет.

Людмила сделала всё честь по чести: позвонила в монастырь, попросила благословления у самого главного священника. Сам он, разумеется, не ответил, но пришла смс-ка: можно привозить, желательно трезвого, три дня оплатить за гостиницу, как паломнику, а дальше – жить и питаться бесплатно, но все послушания исполнять и трудиться во славу Божию.

Ехать уговорились во вторник. Конечно, Людмила просила и умоляла сына не пить, хотя бы с утра назначенного дня. Приехав на вокзал к условленному часу и сына не дождавшись ни через час, ни через полтора, полетела домой. Витька бодрствовал, но принял, похоже, уже изрядно.

– Давай, мам, завтра поедем, – спросил он весело, косясь на стол, на котором стояла бутылка пива, совсем-совсем недавно открытая: ещё бежали к горлышку мелкие пузырьки, ещё стекали капли по запотевшему боку.

Людмила к такому готова: алкозельцер, бутерброды, минералка. Размешивала, заставляла пить, пихала голову сына под кран. Хорошо, что уважения к матери последнее не потерял, почти не сопротивлялся. Поехали. В электричке до Серпухова спал, в автобусе по городу зло хмурился, значит, трезвел.

Охранник на входе запер в сейф паспорт, телефон и деньги на обратную дорогу («Вдруг выгонят, никого ждать не будут, сам домой поедет», – сказал он) и отвёл Виктора в небольшой домик у входа – гостиницу для паломников. Зашлось у Людмилы сердце, пока сын уходил, не оглядываясь. Как в тюрьму.

И убеждала себя: для его же блага! Но ныла душа: «Не слишком ли я с ним круто?»

И вот теперь стояла Людмила под крышей грохочущей от дождя остановки, не чувствуя ни малейшего облегчения. И сына не спасла, и перед Амирамом стыдно. А уж теперь-то как признаться? Вагон времени прошёл, и нате вам: сын у

меня, Мир, да ещё и пьющий. И деньги ему таскаю, и из милиции его вызволяю, и теперь в монастырь отвезла, с последней надеждой.

И решила Людмила: если сын за ум возьмется (ой, как хотелось в это верить!), она признается Амираму во всём. Упадёт в ноги и не встанет, пока не простит за вранье и лукавство. А ежели не простит (Людмила такое вполне допускала, при его щепетильности и педантичности в мелочах, извинит ли такое безобразие в отношениях?), уйдёт Людмила. Вернётся в свою квартиру, будет с сыном жить. Значит, судьба такая.

И не заметила Людмила, как то, что раньше за радость принимала – с сыном жить, – теперь ей наказанием обернулось.

Ещё сегодня утром, выползая из-под руки мужа, любуясь им и жалея (а Людмила жалела его, понимая, что эти несусветная тщательность и сдержанность во всём не дались ему просто так от природы, а возникли и окрепли от одиночества и бесприютности), невозможным счастьем согревалась. Она звала его «Мир» – случайно ли? Весь мир замкнулся на нём. И каждый день, как гладкая бусина в длинном-длинном янтарном ожерелье, наполнялся солнцем и блаженством.

Но чем дальше уезжала Людмила от дома, чем глубже проникали в неё заботы и тревоги сегодняшнего дня, тем всё более отдаляясь, покидало её это счастье. И вот теперь, кто она? Мать, потерявшая живого сына, стоит на пустой остановке. Шаршит по железу дождь, и кажется, что солнце никогда не выглянет.

* * *

Амирам часто задумывался, как его угораздило жениться на Людмиле? Пышная, розовощекая, с неуправляемым буйством светлых вьющихся волос – ничем, ничем абсолютно она не напоминала маму. Да, чистюля, ещё какая; но её смех, её почти неумолчное щебетание так не вязались с молчаливостью мамы и самого Амирама, что должно непременно раздражать, но – нет, не раздражало! Не сказать, что ему очень нравилось, но Амирам

так быстро привык к способности Людмилы всё делать вслух, что если она замолкала – беспокоился: здорова ли, всё ли в порядке?

И вдруг, когда они прожили вместе уже больше трёх лет, Амирам понял, в чём главная притягательность Людмилы, схожесть с его матерью. Поздним зимним вечером, когда Амирам лежал в кровати, а Людмила досматривала сериал на маленьком телевизоре на кухне, он, закрыв глаза, развлекал себя бесконечной игрой «в слепого»: пытался понять по почти неслышным звукам, что делает Людмила. Вот тихонько звякнула чашка, и с мягким шипением полилась в неё минералка. Вот резко всхлипнул кухонный диванчик – Людмила присела на него, оторопев от поворота сериального сюжета. Но вот телевизор выключен, погашен на кухне свет, и Людмила идёт к нему по тёмному коридору. И в тот самый миг, не открывая глаз, Амирам увидел её сквозь сомкнутые веки, сквозь смеженные ресницы! Жена светилась в темноте белесым светом ясно и выпукло. Он видел её! Вспомнилось не к месту «луч света в тёмном царстве», и всё стало на свои места: чистая, ясная, светлая...он сказал бы «святая», но испугался такой смелой мысли и отогнал её прочь. Об этом же говорил когда-то ему отец, видя свет, исходящий от мамы, и это свечение делало похожими таких разных, таких любимых Амирамом женщин.

Теперь, когда Людмилы не стало, когда стихли все звуки в квартире, вопреки несмолкаемому шуму улицы, соседских скандалов, утреннего чайника, Амирама вновь укрыла чёрная-чёрная бархатная темнота, наперекор дневному свету или включенной к ночи люстре. До тех пор, пока он не увидел сон.

До встречи с Людмилой Амирам снов не видел. Но Людмила так подробно и увлекательно рассказывала свои сны, что Амирам как будто ими, снами этими, от неё заразился, и нет-нет, видел какие-то неясные пятна и смутные тени.

А сегодня вдруг сон увидел, да такой отчётливый, что в первую минуту, проснувшись, не мог прийти в себя, озираясь и не понимая даже, где он находится.

* * *

Работу Виктору дали несложную. Утром, в пять часов, он должен перенести небольшой мешок с мукой для просвирок из кладовки на кухню. Загвоздка состояла лишь в том, что перед каждой из дверей нужно остановиться и прочесть молитву. И в молитве-то всего десять слов («Господи Иисусе Христе сыне Божий, спаси и помилуй мя, грешного!»), но запомнить её никак не удавалось, приходилось, придерживая мешок, тащить из кармана бумажку и читать по ней.

Скудная и редкая трапеза и неудобная кровать не доставляли ему ни облегчения, ни особых страданий. Стоя на утренней службе, он постоянно отвлекался, уносясь мыслями вон из храма и вообще далеко-далеко отсюда. А ползание после службы по прохладному кафельному полу храма среди таких же трудников, как и он, с небольшим скребком и влажной тряпкой (соскабливать воск, накапавший со свечей), приносило даже некоторое удовольствие. В течение дня набегало много разнообразных занятий: убирать с гряд морковь и свеклу, собирать опавшие яблоки, подметать дорожки. День поэтому представлялся бесконечно длинным, и через три дня казалось, что живёт он здесь по меньшей мере месяц. Странно, что работу никто не проверял, но все делали, никто не увиливал. Верно, от того, что заняться всё равно нечем, так, по меньшей мере, за работой время убить.

После службы Витька подходил к иконе «Неупиваемая чаша», долго и пристально смотрел в глаза Божьей Матери. Невзирая на толпу подле иконы, мерещилось, что глаза её смотрят на него одного. Но он не чувствовал ничего, он не верил. Многочисленные колечки, крестики, цепочки, оставленные перед иконой в благодарность за исцеление, вызывали сомнение, не в своей подлинности, конечно, а в том, как они попали сюда.

– Неужели кому-то помогает? – прикидывал он. – Наверно, специально здесь развешивают, типа, для рекламы.

Но к причастию готовился: что ж, раз согласился здесь остаться, пусть и без охоты, надо играть в их игры. Пива, правда,

очень хотелось. Постоянно пустой желудок просил пива и мяса. Есть хотелось всегда, и горстка гречневой каши, как он называл её – «по-монастырски», где вместо тушёнки изредка попадались лук и морковь, этого голода ничуть не утоляла. Никаких перекусов и чаепитий не вовремя, а те деньги, что сунула перед отъездом мать, охранник запер в сейф вместе с паспортом и телефоном. За территорией (Витька видел во вторник, когда они шли сюда с матерью) обреталась небольшая лавчонка с булками и кофе, но выходить за территорию строго-настрога запрещалось. И третье – хотелось спать. Даже не спать, а валяться в сладостном безделье, потягиваясь и жмурясь котом на солнышке.

Хорошо, что мать привела его в чувство перед тем, как сюда сдать. Поговаривали, приехавших пьяными или под дозой запирают в подвал, где те просиживают безвылазно от одной ночи до трёх суток. Подвала Виктор боялся.

Так прошла неделя. В воскресенье на Литургии исповедовался и причастился, вечером того же дня отстоял Акафист перед «Неупиваемой чашей». Этот воскресный Акафист отличался от такого же пятничного. Сегодня вокруг священника кружком стояли не только монахи, насельники и трудники монастыря, но и приехавшие сюда специально, по большей части не по своей воле, а привезённые матерями или жёнами. «Своих» – тех, кто пил и не верил ни в какое чудесное исцеление – Виктор узнавал по набычившейся позе, по упрямому взгляду, по усмешке. Но многие плакали, неумело крестились, и это повергало Витьку в большой шок, чем все тяготы здешнего житья.

Во вторник, отнеся на кухню мешок с мукой, привычно зачитав по бумажке Иисусову молитву, забрал у охранника свои вещи и сорвался домой.

Мать примчалась на следующий день. Заглядывала в глаза, как и раньше, когда еще не вышла замуж, кормила пирогами с капустой и холодцом, который, фактически, растёкся в бульон, пока она его довезла. Но откуда везла, где живёт теперь – молчала.

– Витюшка, давай я тебя грузчиком на склад устрою? – заискивающе произносила она, исподтишка оглядывая кухню на наличие пустых бутылок и примет, указывающих на вчерашний «банкет» по случаю возвращения.

– Подожди, мам, отдохну чуток, я ж в монастыре не отдыхал, работал. Да не пью, я не пью, пива бутылочку взял. Что, нельзя?

* * *

Людмила и Амирам приехали в Тулу. Почему именно в Тулу, знал Амирам, теперь он, а не Людмила, составлял всевозможные маршруты, пытался объяснить Людмиле, что хотел посмотреть в том или ином месте, но она отмахивалась со смешком: ей всё равно – куда, лишь бы с Амирамом.

Город им сначала не понравился. На тротуарах центральных улиц меняли асфальт, стояли чад и пыль, воздух дрожал обморочной зыбью. Но постепенно город разворачивал свитки улиц, растекался площадями и, наконец, раскинулся великолепным старым парком. Парку Амирам и Людмила безоговорочно поставили твёрдую пятерку. Деревья ещё зеленели по-летнему, лишь в одном месте пятно желтизны легло на зелёное полотно. Воздух, сухой и прозрачный, как это бывает лишь осенью, стоял недвижим. Скакали белки, пугая голубей, и сами пугаясь хлопанья крыльев взлетающих птиц.

Амирам и Людмила медленно брели по асфальтовой дорожке. Жена, как всегда, что-то рассказывала. Амирам слушал вполуха, упиваясь неспешной прогулкой, ласковым теплом осеннего денька. Людмила ладонь, зажатая у него под мышкой, вдруг напряглась и затвердела. Амирам огляделся. Что могло её напугать? В этой части парка почти никто не гулял, кроме них. Дети с самокатами и мамы с колясками остались на центральной площадке, немногочисленные туристы фотографировались с шахматными фигурами в человеческий рост и самоварами. Впереди на лавочке сидел парень бомжеватого вида: слишком загорелый, в резиновых шлепанцах на грязных ногах, с выцветшими космами сивых волос. Вальяжно

развалившись, безразлично посматривал вокруг соловыми глазами. Людмила, вмиг осунувшаяся и побледневшая до синевы, смотрела прямо на него, не отрываясь, часто сглатывая пересохшим горлом.

– Мамаш, прояви сочувствие, помоги на опохмел, – развязно произнес парень.

Амирам хотел вмешаться, но Людмила, выдохнув со всхлипом, бросилась бежать из парка, да так, что Амирам едва за нею попевал.

– Людмила! Остановись! Людмила! Да что с тобой?!

Поймал у самого выхода, обнял, прижал.

Людмилу трясло, она повторяла лишь:

– Не он, не он!!!

– Да кто, Людмила? Знакомый?

– Прости, Мирочка, прости. Я расскажу, чуток позже расскажу, прости!

* * *

Грибов в этом сезоне полно! Клава уж и жарила их, и солила, и сушила. А вот ещё новая мода появилась – сварить, а потом заморозить. Каждому грибу – своё: опять – солёными хороши, упругие, хрустящие; белые – те сушить, зимой суп варишь – дух стоит по всему подъезду. Уж на что Людка-соседка в поварском искусстве привереда, а всегда хвалила, говорила:

– Клавусь, даже если когда разругаемся с тобой, грибной суп у тебя есть буду.

Да с чего бы это им ругаться? Людка – баба хорошая, токмо не везёт ей. То муж умер от пьянства, то сыночек её, Витька, тоже баловаться начал. Таскает его Людмила по бабкам-знахаркам и врачам – кодирует, да толку-то! Как пил, так и пьёт. Ещё и оправдывается: я ж, мам, ей говорит, пиво пью, не водку. Я – не алкоголик.

Сама-то Людка, пока парень её в армии служил, замуж вышла, да тоже, видать, не очень удачно: ни разу мужа не привезла,

ни с кем не познакомилась. Ей, Клаве, говорила, что, наоборот, больно хорошо живут, мужик попался работающий и непьющий. Мол, боится Людмила, что сглазят. А и то верно – по-всякому бывает.

Может, и Витьку сглазил кто? Теперь вот что Людка-то удумала: в монастырь сына возит – и раз, и другой. Он там, говорит, работает, молится, вдруг завяжет? Клава знает, когда такое горе с сыночком, сама в монастырь уйдёшь или ещё куда – лишь бы у него всё хорошо. Но по правде (Людмиле-то Клава такого отродясь не скажет), поменьше нужно баловать сынка-то. Пока рос – ни по дому ничего, да и учился кое-как. Клава знает, они с её сыном, тоже Виктором, в один класс ходили. Виктор рассказывал, что Витька даже над учительницей насмешничать себе позволял. А Людмила – сколько раз ей Клава говорила, что пороть надо Витьку – губы в нитку стянет и промолчит. А уж как взрослым стал – всё ему можно, возмнил.

Клава с дачи утренней электричкой вернулась, почти месяц там провела. Раньше всё с Людкой ездили, та грибы – что собирать, что солить – большая мастерица! Но теперь Людка с мужем ездит. Рассказывала – по городам всяким, на машине. А для Клавы нет лучше, чем на даче! Правда, и дел в сентябре много: картошку выкопать, морковку, свёклу. Грибы опять же – самая для опят пора. Телефон на столе валяется, зарядить бы надо, хотя кому нужно, те и на городской позвонят. На трубку редко кто – если что случится, пока она на даче. А в этот раз случайно дома трубу-то оставила. Виктору один раз с почты позвонила, так, на всякий случай. Раньше как-то обходились без мобильных этих? Городской – он и дешевле, и привычней, Клава все номера товаров своих наизусть помнила и Людкин тоже. Да вот новый городской Людмила не дала, говорит – нету, а скорее всего, не хочет, чтобы Клава на него звонила. Что ж, её понять можно: новый муж, новые правила, не до подружек. Но вот сейчас Клава с грибами разделается, те которые до электрички набрала и свежими в Москву привезла, переберёт, сварит да Людмиле на трубку и позвонит. Узнает,

когда та домой к себе собирается, встретятся, поговорят про сыновей, про мужей, да мало ли разговоров накопилось за месяц.

* * *

Никогда Амирам не позволил бы себе копаться в телефоне Людмилы, но только не сейчас. Он не знал телефонов её подруг, вообще – кого-либо, и надеялся найти их в телефонной книге. В списке контактов нашлось всего три номера: самого Амирама, соседки Клавы (так записано – Клава-соседка) и некоего Вити, с которым Людмила общалась довольно часто. Но и тот, и другой номера недоступны. Оставаться в душераздирающей тишине квартиры без Людмилиного хохотка, без её смешливого безостановочного говора мнилось нестерпимым. Никакого маломальского дела не придумывалось, все хлопоты по похоронам, включая поминки в небольшом кафе прямо возле Хованского кладбища, Амирам оплатил специальной службе, ему ни с чем управляться не надо, но и сидеть в пустой квартире – невыносимо.

Амирам заглянул в паспорт Людмилы, посмотрел адрес регистрации, снял с гвоздика ключи и поехал в Бирюлево, непонятно на что надеясь.

Панельную девятиэтажку и квартиру Людмилы на шестом этаже Амирам нашёл достаточно быстро. Пока шёл с автобусной остановки, смотрел по сторонам, представлял, как Людмила ходила этой улицей, так же, как и он теперь, смотрела на пыльные липы, на церковь без купола, прячущуюся за деревьями прямо во дворе дома. Вот прыснула через дорогу рыжая полосатая кошка, и Амирам, чуть притормозив, вздрогнул: вдруг и Людмиле встречалась когда-нибудь именно эта кошка.

Под дверью квартиры постоял, умиряя бухающее сердце и проталкивая ком в горле. Потянулся к пуговке звонка, но застопорился и позвонил в звонок у соседней квартиры. Дверь тотчас распахнулась, женщина в фартуке и низко повязанном платке молча смотрела на Амирама.

– Клава? – спросил он наобум.

– Клава. А вы кто?

И застыв на секунду с прижатым ко рту кулаком, запричитала, заохала, закричала, когда Амирам сказал, кто он, и почему приехал.

– А Витька знает? – спросила она, утирая слезы фартуком, – и тут же без перехода засуетилась: – Проходите к нам, я с грибами разбираюсь, насили с дачи возвернулась. Хорошо, вы меня застали, чуть бы раньше... А-а-а, Людка-Людка, как же та-а-а-ак!

Амирам, держась изо всех сил, чтобы не заголосить вместе с Клавой, спросил осторожно:

– А Витька – это кто?

– Как, вы не знаете разве? – Клава вытаращила и без того круглые выпуклые глаза. – Сын Людкин непутёвый, моему Виктору дружок. В школе вместе учились. После армии женился где-то на Севере, а потом приехал и не просыхал с той поры, как папаша его покойный, лет шесть тому. Уж Людка куда его ни таскала: и на гипноз, и к бабке-знахарке, а потом в монастырь сдавать стала. Он там поживёт неделю, когда больше, приедет – не пьёт. А потом – опять. И опять Людка его везёт.

Разобраться и понять Амиразу никак не удавалось. Хотелось «разложить по полочкам» всё сказанное Клавдией, а пока возникло необъяснимое и тягучее, как деготь, чувство, что его обманули. Зачем? И кто! Людмила!

Клава затараторила споро:

– Стыдно, наверное, Людке-то перед вами. Вы – мужчина порядочный, а тут сын – алкоголик. Вы на неё не обижайтесь. Не хотела она вас в это макать. А я-то, я-то, болтушка, чужую тайну выдала!

– Могу я попросить вас Виктора найти до похорон? – спросил Амирам, едва совладав со своим голосом.

– Как же, как же! Сейчас Виктор придет с работы (мой Виктор, сын), и разыщем. Да нет, позвоню, чего ждать! Если нужно – съездим, привезём. Как же допустить, что сын мать не похоронит. О-о-о-ох, – запричитала она еще пуще, – горе-то какое-е-е-е-е!!! Лю-ю-юдка!

И тем же вечером Клава доложила Амираму по телефону, что Витька в Серпухове, в монастыре. Завтра Виктор («сыночек мой» – неизменно добавила Клава) за ним съездит.

* * *

Народу в морге больницы набралось неожиданно много. Клава обзвонила, обошла, разыскала бирюлевских соседей и подруг Людмилы с оставленной работы. Приехала даже «жена директора» (так с придыханием шепнула ему на ухо Клава), которая смотрела на Амирама с явным и неуместным интересом, и соседи из дома на Авиамоторной, где Амирам, прожив гораздо дольше Людмилы, не знал и половины собравшихся. Но на поминках в кафе осталось человек десять, не больше.

Трапеза длилась недолго, на взгляд Амирама, но ручаться не мог: что-то нарушилось в эти три дня: то казалось, полдня прошло, а на часы глянешь – всего-то час, а то, наоборот, оглянуться не успеешь – уже темно и надо ложиться в ставшую громадной и неудобной постель.

Витька, похожий на хорька мелкими чертами лица, круглыми насупленными бровями, сидел напротив Амирама. Он мало ел, водку пил неохотно, и словно неумеючи: судорога пробежала быстрой и мелкой рябью по его лицу, когда он опрокидывал в себя очередную стопку. Шевелились его губы: молился ли, спорил ли с кем-то? Но запынял очень быстро, и всё глядел исподлобья на Амирама, кривясь и оскаливаясь, тем еще больше напоминая маленького злого хищника. Подошла Клава, обняла Амирама, прощаясь.

– Витька собирайся, поедем, – прикрикнула, но Амирам сказал:

– Пусть у нас пока поживёт, – и поправился: – у меня.

* * *

Витьке постелил на кухне, сам прилёг на край ставшей ненужной большой кровати. Подумал: «Опять переезжать, как

тогда, когда не стало мамы и отца?». Послушал себя: нет, менять ничего не хотелось, хотелось, наоборот, длить порядок, установленный женою, касаться её вещей, смотреть на улицу её глазами.

Кой-как заснул, а, может, и не заснул даже, лишь глаза прикрыл, по давней своей привычке внутрь себя заглядывая. Приснилась-привиделась ему Людмила. Плыли они на лодке, как тогда, давным-давно. Струилась река прозрачной, нежно-лазоревою водою в ослепительных солнечных бликах, и ничто им не угрожало. Трепетали на ветру светлые волосы Людмилы, вился на шее голубой шелковый платок. А потом очутились они на берегу, на белом-белом песке. И заглядывая ему в глаза, жена говорила:

– Прости меня, Мир! Прости за тайну мою, прости за мой стыд. И не оставь, Мир, моего Витьку. Больше ни о чём тебя не прошу.

И поплыла по небу бело-белым облаком, синеву неба подчёркивая и оттеняя, руки раскинув. А Амирам и Витька идут по берегу под крестом её рук. Накатывают волны, смывают следы, оставленные ими.

Амирам проснулся, не успев глаза открыть, всё вспомнил: нет Людмилы, лишь спит на кухне её сын, неуловимо сходный с хорьком, хотя жизнь у него – как у крота: та же тьма.

На кухню Амирам вышел – воды глотнуть: от белого сияющего песка, который во сне сверкал-переливался, пить хотелось нестерпимо, и на зубах похрустывало, как бывает после пляжа. Старался не шуметь, чтоб Витьку не разбудить, а зря: круглый уличный фонарь освещал пустую раскладушку. Ушел Витька. Куда?

Амирам подошел к окну – в одной руке стакан, в другой – бутылка минералки. На подоконнике Людмила смеётся на портрете, ореол белокурых волос вокруг головы.

– Хорошо, Людмила, что ты меня обманула, – Амирам промолвил, – если б сразу после знакомства открылась, ничего б не сложилось у нас, не стал бы я связываться. А позже – рвался бы вместе с тобою, уверенный при этом, что ничегошеньки путного не выйдет. Ну, не верю, не верю я, что алкоголика вылечить можно! Да и не болезнь это. Распушенность душевная, темнота – одно слово, самим человеком выбранная.

Вот уж и вода закончилась в бутылке, и ноги замёрзли – босые на кафельном полу, – стоял Амирам у окна, на улицу смотрел, а ничего не видел, только трепал ветер ветви тополей, нёс, кружил опавшие листья.

– Нет, зря не сказала, Людмила! – пустой стакан на стол поставил, портрет взял, вспомнив неприятного ему человека (ни одной черточки в лице похожей, бывает же так! Как будто и не сын вовсе). – По крайней мере, привык бы я к нему. А так... зачем он мне нужен – чужой человек? И что делать? Переждать, пока рассосётся? Нет, не сумею теперь. Буду искать, найду, а дальше? Что дальше? Таскать, как ты? Нет, Людмила, не пове-ду его по жизни, как телка на верёвке. Пусть сам захочет. Сам. Иначе – всё без пользы. Или это одни отговорки, оправдание нежеланию? Темнота, темнота! Где выход?

Смотрел Амирам на серый асфальт сквозь чистые стёкла, и сам с собою спорил:

– Эх, Амирам, – говорил он, – даже порядок Людмили-на не хочешь нарушить, а сына её на помойку решил выбросить? Как от него отмахнуться? Ладно, допустим, возьмусь. А Виктор? Он – не кукла. Что ему нужно? В чём его свет? В чем его цель? А если его цель тебе не понравится? Или и нет её? Вряд ли у кого-то есть намерение – спиться к сорока годам. Значит, парень просто блуждает в темноте, не зная, где свет искать. И не поможешь. Самая шикарная яркая люстра не заменит солнце.

Но когда проклюнулся робкий пепельный рассвет, и потянулись по тротуару первые прохожие, кутаясь в плащи и куртки под мелким осенним дождичком, – определился.

«Поеду. В квартиру съезжу, нет его там – в монастырь», – пообещал то ли себе, то ли фотографии в рамке и, одевшись, нашаривая на вешалке зонт, оглянулся у порога, сызнова спросил:

– Почему ты молчала, Людмила?

И крошечная тьма обступала его, тыкался он, как слепой котёнок, и отца вспоминал: «Научи, как в темноте жить? Это ж не вилку отыскать наощупь...».

Но крепчал, расстился над ним белый дрожащий свет.

* * *

Витька ехал в монастырь. Выскочил, не дождавшись расвета, часа два по Москве плутал, а от Комсомольской – дорога привычная. Два часа на электричке, двадцать минут на автобусе, потом подняться в гору – и на месте. Когда-то давно впервые отвезла туда его мать, и прожил он там всего неделю. Но потом обвыкся, даже понравилось, стал приезжать сюда сам и оставаться подчас на месяц и больше. Ему нравились степенность и неторопливость монастырского жилья, понятность и простота. Иисусову молитву теперь он знал наизусть. Даже забывал о ней, она лилась в его мыслях, как раньше крутился какой-нибудь неотвязный мотивчик. Иногда он ловил себя на том, что проговаривает молитву шёпотом, но чаще её вообще не замечал.

Сейчас мыслей не наблюдалось никаких, кроме той, что надо всё обмыслить. Виктор усмехнулся: «масло масляное».

Безмерная тоска мраморно плитою давила на Виктора, и слёзы булькали где-то в груди. Когда приехал за ним друг Виктор и про мать рассказал, Витька даже не испугался, настолько эта новость казалась ему невероятной. В дороге они разговаривали о разном, не касаясь главного – зачем и почему они едут в Москву, и когда простились на площадке – разошлись по своим квартирам – вздохнули облегчённо оба. Не успел Витька раздеться и умыться, прибежала Клава, захлёбываясь плачем. Давясь слезами, орала на Витьку, обвиняя его в смерти матери. Приехали! Клава от горя, наверное, такое придумала.

Но назавтра, когда ехали в морг, когда мать опускали в жёлтую глинистую яму, и ветер остервенело кидал в лицо жухлые листья и холодный дождь, Клава крепко держала его за руку как маленького, и сказала другое: «Как мы, Витька, жить без матери твоей станем??? Сиротины мы, Витька!». И в эту минуту он осознал, что матери больше нет.

Машинист пробормотал «Следующая – Чехов», и Витька пробудился от горестных картин. Что скрывать, Витька от матери давно отдалился. Ещё в школе не пускал её в свою жизнь, после Находки – и того больше.

Находка! Как всё весело начиналось! Познакомились они с Наташкой на концерте в Морском клубе. Почему эта смешливая, круглолицая, темноглазая девчонка с рыжими кудряшками выбрала его из всех, на первый взгляд, одинаковой братии, Витька не задумывался, но с того вечера все увольнительные и самоволки проводил в небольшом домике в посёлке Ливадия. Свадьбу сыграли сразу по окончании срочной, в животе у Наташки уже вовсю ворочался Егорка, постукивал пяточкой по Витькиной ладони, если положить её на Наташкин живот. Жили там же, в Ливадии. Витька написал письмо матери, что останется в Находке навсегда, не сомневаясь ни одной минуты, что именно так и будет. Мечтал о кооперативе, чертил на песке пляжа расположение комнат. Только – аккуратно тогда, когда Егорка стал делать первые шажочки, и за ним – глаз да глаз, стал Витька замечать неладное: то придет с ночной, а сын со своей бабкой, Викторовой, стало быть, тещей.

– Где, – спросит, – жена моя?

– У подруги.

– Всю ночь?

– Нет, нет, только ушла.

Это в девять-то утра! И есть у Виктора подозрение, что Наташка всю ночь где-то шлялась, а как докажешь? Остается принимать на веру. Пива из холодильника бутылку вытянет, хлебнёт из горлышка и спать. Сквозь сон услышит, как Наташка к нему под бок заваливается, щекочет, за ухо прикусывает. И вроде запахи незнакомые от неё, а как сердиться? Любит!

Только дальше – больше. И ребята с работы как-то рассказали, что видели Наташку в том же Морском клубе с каким-то чуть ли каптурангом*. Виктор – в драку, что за сплетни! Написал тогда здóрово, еле доплёлся, на кровать рухнул. Но успел заметить – пустую!

Месяца полтора помаявшись, на прямой разговор Наташку вывел – «Ты что, Витюша, ты что!», но в глаза не смотрит.

* *Каптуранг* – Капитан первого ранга, воинское звание в ВМФ РФ, которое по рангу выше капитана второго ранга и ниже контр-адмирала.

А Витька опять себя пивом утешает. Помогает первое время, только потом ещё больнее. Однако втянулся, дня без пива прожить не мог.

Однажды неожиданно домой с работы вернулся – постель даже не разобрана, жены нет, Егорка (а ему, почитай, скоро три) на тещиной половине спит. Такая злость Витьку одоле-ла! За дурака его держат! Давно всё сладилось, только и ждут, наверное, когда он свалит. Так тому и быть! Дверью хотел шваркнуть напоследок, да в последнюю секунду притормозил, сына чтоб не напугать. В чём был, шагнул во влажную темноту Находки, как в чёрный омут, и уехал в Москву – как отрезал, будь, что будет.

А была темнота. Он выныривал из неё иногда, прислушивался к себе: где лучше? Там, в плотном темном беспамятстве, или здесь, где хлопочет над ним мать, где всё реже вспоминается Егорка, где не хочется сползать со старого дивана? Всё равно, ему стало всё равно, и Витька не сопротивлялся, тонул и тонул – это проще и легче. Но теперь, когда стояла перед глазами жёлтая глинистая яма, Витька понял, что всё это: монастырь, кодирование – он проделывал, точнее, позволял проделывать с собой, только для матери, для её спокойствия. А больше слушать никого не хотел – ни Клаву, которая его воспитывать пыталась, ни уж тем более – этого мужика, нового материнного мужа. На что он ему сдался!

А когда уже в гору поднимался, голову запрокинул, в тусклое небо посмотрел: расступилась тьма, далеко на востоке белым платком рассвело-забрезжило, словно женщина со светлыми волосами руки над Витькой крестом раскинула, а под ногами у Витьки – белый-белый песок.

«Господи Иисусе Христе, спаси и помилуй мя, грешного!»

Игнатий БЕЛОЗЕРЦЕВ

Игнатий Александрович Белозерцев – поэт. Родился в 1951 году в деревне Теребаево Никольского района Вологодской области, служил в Военно-Морском Флоте, капитан 1 ранга в отставке, был учителем, государственным служащим, работал в исполкоме всероссийской общественной организации. Автор семи сборников стихотворений: «Другого счастья не ищу», «Судьбы причалы», «Возвращение к истокам», «Из глубины», «Поэтов узнают по чудесам», «По адресу детства», «Урановая музыка глубин»; член Вологодского землячества в Москве. Член МГО СП России.

Живёт в Москве.

РОДНИК МОЕЙ ЗЕМЛИ

РУССКИЙ ЛЕС

Он и светел, он и тёмен,
Как душа, наш русский лес,
И укромн и огромен,
Полон сказок и чудес.

Забушует ночью грозной –
И притих, дождём умыт.
То трещит зимой морозной,
То кукушкой говорит.

Полон жизни, полон света,
Он беседует со мной.
Весь пропах зимой и летом,
Земляничкой и сосной.

Не один я здесь – нас двое.
Кто-то смотрит на меня –
Промелькнёт в тенистой хвое,
Зашуршит в траве у пня.

Что там бор смолистый прячет?
Кто скрывается во тьму?
Кто там жалобно так плачет?
Не известно никому!

СЕВЕРНЫХ УВАЛОВ ЭВЕРЕСТЫ

Северных Увалов Эвересты
Стерли в пыль однажды ледники.
Никому сегодня не известны
Косогоры Кишшеньги-реки.
Дом стоит у речки на угоре,
Окна в даль лесную устремя.
Вот отсюда и земля, и море
И берут начало для меня.
Ничего придумывать не надо –
Родина там на закате дня
Матерью стоит у палисада
И глядит на взрослого меня.
Мама мне однажды так сказала
(Я на горы с завистью глядел):
– Слава не в алмазных перевалах.
Пусть растут на Северных Увалах
Эвересты ваших добрых дел.

ЗАБЫТЫЙ ЧАСОВОЙ

Мой отчий дом в деревне над рекой
Давно мне на звонки не отвечает,
С любовью у калитки не встречает,
Не крестит вслед заботливой рукой.
Дом строил дед. Здесь была жизнь ключом.
Надёжны стены из стволов кондовых!
Таких домов теперь не сыщешь новых,
Ему ещё столетье нипочём.
Он терпеливо смотрит в даль и в стынь,
Как часовой, забытый разводящим
В краю, где нет нас больше в настоящем,
Где пыль забвения да горькая полынь.

Лесную речку и смолистый бор
Всё вспоминает богатырь былинный.
Всё ходят тени в комнатах пустынных,
И в стогах ветра слышится укор.
А в садике у дома три сосны,
Давным-давно посаженные мною,
Всё шепчутся о счастье и покое,
И навевают золотые сны.

НА ИЗГОРОДИ ДЕВОЧКА СИДЕЛА

Я брёл в полях, дорог не разбирая.
Давно уже убрали урожай.
И перелётных птиц за стаей стая
Тянулась к югу, оглашая даль.
На изгороди девочка сидела,
Совсем одна среди пустых полей.
С тех пор уже полвека пролетело,
А я всё время думаю о ней.
В фуфаечке, в резиновых сапожках,
Повязана платочком, лет семи,
Как грустный воробей, сидела крошка
От деревеньки и людей вдали.
Щемящим чувством вечного укора
Окрашен в памяти моей тот странный вид –
Посередине русского простора
На изгороди девочка сидит.
А может, в это самое мгновенье
В осенней неприкаянной глуши
Происходило таинство рожденья
Той самой, непонятной всем, души.

РОДНИК МОЕЙ ЗЕМЛИ

Родник моей земли, он вечно молод.
Бурлит себе в овражке над рекой.
Не замолкает в самый лютый холод,
Не исчезает в самый жуткий зной.
Его живой напоенный водицей,
Поёт и пляшет в избах самовар.
И у людей светлеют сразу лица,
Когда над чашкой вьётся лёгкий пар.
От родничка весёлый ручеёк
Пустился по канавке наутёк.
Беги, беги, родименький, беги,
Да чудную водичку береги!
Беги, беги, счастливого пути!
Моря и океаны впереди!
Душе моей вовек не знать остуды,
Пока бурлит и летом, и зимой
На радость нам дарованное чудо –
Родник моей земли в овражке над рекой.

СУДЬБЫ ПРИЧАЛ

Над заполярным городом
метель, пурга.
Зима его укутала
в снега, в снега.
И солнце, самоцветами
меня маня,
Не заиграет радостно
всполохом дня.
В ночи незамерзающий
парит залив.

Здесь тёплое течение,
большой прилив.
В воде китами чёрными
подводный флот.
Меня под флаг Андреевский
подлодка ждёт.
А по утрам над сопками
темным-темно.
Шальные ветры ломаются
всю ночь в окно.
Как будто в синей глубине,
где мрак и тьма,
В метели погружённые
стоят дома.
Я рос под Вологдой в лесах,
а нынче здесь.
Ведь есть Россия и во льдах,
и в тундре есть.
Я полюбил её моря
и ветры скал,
Другого счастья не ищу
и не искал.
Норд-Вест хмельные песни пел,
корабль качал.
Широты северных морей –
судьбы причал.

НА ВСПЛЫТИИ

Ну, вот и всё! На всплытие пошли.
Гремят звонки почти пасхальным звоном.
Выносит нас к поверхности Земли
Согласно с архимедовым законом.
Продуть балласт! Всё лишнее – за борт!
Уходит прочь подводная морока

С водой за борт. Мы не потащим в порт
То, от чего седеем мы до срока.
Ещё чуть-чуть – и выйдем из воды.
В удачу мы не уставали верить.
Ещё чуть-чуть – и женщин, и цветы
Подарит нам родной скалистый берег.
Ещё чуть-чуть – расступится волна.
Обнимут нас Земли живые руки,
И в наших душах воскресит она
И цвет, и вкус, и запахи, и звуки.

НА ПРИЧАЛЕ РАЗЛУКИ

На причале разлуки
Только ветер и даль.
Опускаются руки,
Обнимает печаль.
Здесь тоска валунами
И угрюмый прибой.
Здесь шторма между нами,
Между мной и тобой.
Вот и кончились сборы –
Суета, маета,
Наши вечные ссоры –
Всё не то, да не так.
Гаснут краски и звуки,
Глухота, немота.
На причале разлуки –
Пустота, пустота.
Лишь тоска валунами,
Да угрюмый прибой.
Океан между нами –
Между мной и тобой.

МЫ ВСЕ ПОКИНЕМ И ЛЕСА, И ПАШНИ

Мы все покинем и леса, и пашни,
Таков у смертных на Земле удел.
Лишь одного – быть без вести пропавшим
Я б на войне остаться не хотел.
Мне, за Россию павшему, наверно
Скостят грехи, и будет честь в раю.
Но я хотел бы, други, непременно
В победный день быть названным в строю.
Пусть знает сын, что в жирном чернозёме,
Который я, убитый, обниму,
Его отец, кореньев всяких кроме,
Живой травинкой тянется к нему.

ОТДАЙТЕ ВЕТРУ

Сгорают дни, всё превращая в пепел.
Скорбит душа, но ей неведом страх.
Из всех стихий я выбираю ветер,
Ему отдайте мой летучий прах.
Однажды ставни вылетят из петель,
И будет вечер горек и уныл.
Но скажешь ты: «Опять бродяга-ветер,
А с ним и тот, который не забыл!»
Судьбою шторм играет в чёт и нечет.
Когда ударит в борт девятый вал,
Произнеси: «Какой могучий ветер,
А с ним и тот, который обнимал!»
Или, когда пойдёшь цветущим лугом,
И ветер платье будет задирать,
Рассмейся весело, ведь это я, подруга,
Твои колени буду целовать.

Я буду рядом: в лепете осины,
И в шуме сосен, и приятным сном,
И в перекличке стаи журавлиной,
И странным стуком ночью за окном...
И будем вместе мы на белом свете.
И потому душе неведом страх.
Из всех стихий я выбираю ветер,
Ему доверьте мой летучий прах.

Галина БУРДЕНКО

Галина Львовна Бурденко – прозаик. Родилась в 1970 году в Тульской области. В 2019 году окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького (семинар прозы Е.А. Попова). Лауреат международных литературных фестивалей «Интеллигентный сезон» (г. Саки, Крым), «Степная лира» (ст. Новопокровская, Кубань), «Седьмое небо» (п. Николаевка, Крым), «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия). Стихи и рассказы публиковались в журналах и альманахах «Москва», «Веси», «Литературные знакомства», «Тула», «Великороссь», «Рукопись», «Белая скала», а также на литературных веб-сайтах и порталах Textura, «Вторник», «Артбухта», «Зарубежные задворки», «Плюмбум.пресс», «Фабрика Литературы», в сборниках «Заповедник сказок. 2017», «Поезд идёт на восток», «Загадай желание», «На восток. Антиутопии», «Ковчег Лит», «Русское восприятие». Литературно-критические статьи и рецензии публиковались в «Литературной газете», журнале «Москва», на веб-сайтах и порталах «Литературный Ежедневник», Ассоциация Просвещённого патриотизма/АП-ПА, «Топос». В 2020 году вышла её первая книга «Стоп-кадры».

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

МЁРТВЫЕ РОЗЫ. ОДНА ШТУКА – 150 РУБЛЕЙ

– Следующая станция – «Пражская».

Маша проснулась. Надо же, чуть не проехала! Устала, всю неделю то работа, то с внуком сидела. Такой славный, солнышко просто, но сил уже не хватает. Она посмотрела на свежесбритый затылок мужа, сидевшего рядом и уронившего голову на грудь, – и мужа не узнала. Как чужой. Слегка толкнула его в бок. Тот поднял голову и посмотрел совершенно чужими глазами. И лицо его было чужим и колким. Незнакомый мужчина оценивающе перевёл взгляд с Машиной отсутствующей причёски на её расплывшуюся фигуру, обтянутую бордовой китайской болоньей. Маша, обескураженная такой ситуацией, поспешила выйти из вагона. Ну вот, уже к чужим мужикам приставать начала... Пора отдохнуть!

В переходе всё было как всегда. За стеклом в белом пластике стояли розы всевозможных расцветок. Она больше других любила жёлтые с красными краями. Маша каждый раз замедляла ход, любуясь этим буйством красок. Дарят же кому-то цветы, иначе бы не торговали. И даже подарочные букеты, такие дорогие, что неделю можно жить всей семьёй, тоже кому-то дарят. На ценниках, помимо цифр, было написано, сколько времени жизни осталось цветам. Розам счёт шёл на часы, а вот хризантемы были долгожителями. Какое странное новшество! Ведь никто же не купит. Опровергая её мысли, молодой человек купил целый веник алых роз, который едва успеет вручить до начала увядания. Маша с таким удивлением посмотрела на молодого человека, что тот смутился и сказал: «Она вряд ли любит меня, только мои деньги...».

Чувство смутного беспокойства, кольнувшее Машу в вагоне, опять вернулось. У выхода из метро стоял привычный скупщик

золота, фарфора и прочего ценного барахла. На его картонке красовалась надпись «Скупка краденого». Свят-свят-свят, что же происходит? Куда смотрит милиция? Милиция смотрела прямо на Машу.

– Ваши документы! Сержант Петров, – представился молодой человек в униформе.

Маша нервно закопалась в сумке, надеясь, что паспорт именно в этой сумке, а не в какой-нибудь ещё. Слава богу, тут...

– Что же вы за скупку краденого не арестовываете?

– За какую ещё скупку? – спросил сержант, тщательно рассматривая прописку.

– Да вот же молодой человек среди бела дня скупает, а вы почему-то у меня документы проверяете, когда меня тут каждая собака знает.

– Ах этот... это наш сотрудник... гы-гы... выявляет криминальный элемент района. А вы можете идти, – ответил сержант, возвращая паспорт. Затем выдержал паузу и весело добавил: – Пока.

Ноги предательски и без повода дрожали. Навстречу шли лица неизвестных национальностей, в оранжевых жилетах, на которых наискосок было вышито слово «нелегал». Господи, это ведь не мой город! Или мой? На глаза набежали слёзы. Маша отвернулась к витрине супермаркета и увидела за стеклом Викторию Руффо, более известную как ПростоМария, та стояла и улыбалась тихой улыбкой счастливой женщины. У Маши закружилась голова, и она подняла руки к вискам, чтобы поставить голову на место. ПростоМария сделала то же самое, только у неё это получилось, как изящное «ах, и не говорите».

«Это же я! Я всегда знала, что это я, что именно так я и буду выглядеть через пятнадцать лет!» – обрадовалась Маша. В иссиня-чёрных волосах не было ни одного седого. Всё тело еле уловимо пахло, и очень хорошо пахло. Только вот костюм был не по сезону лёгким. Да пусть, пусть всё остаётся таким кошмарным, лишь бы всегда так выглядеть!

Маша увидела смешного юношу, брюки которого были короче нормы сантиметров на десять. В остальном он был вполне

милым и на кого-то похожим. «Ой, мамочки, это же мой Петя в молодости, и свитер этот зелёный турецкий я помню, как штопала», – узнала она мужа.

– Петя, ты?

Он смотрел на неё, сильно щурясь, потому что стеснялся носить очки.

– Петя, ты не узнаёшь меня?

– Кажется, узнаю. Вы Мария?

– Да, это я! Твоя Маша.

– Просто Мария.

Петя её не узнал. Зато начали узнавать старушки. Бросая свои пакетики с квашеной капустой и солёными огурцами, они окружали её кольцом. Петя незаметно слинял. Кольцо сжималось.

– Она это, она! Сколько времени на неё убили! А другие в это время деньги делали... Глянь, всё такая же фря, ничего не берёт ведьму!

Кто-то рванул из рук сумочку. Кто-то отдал ногу. Самая высокая бабка вцепилась в волосы с криком: «Парик! Говорю вам, парик!»

– Пе-тя-а-а!

Маша крикнула из последних сил...

– Да не сплю я, не сплю!

– Следующая станция – «Пражская».

Пётр поднял упавшую на грудь голову:

– Как раз наша!

Лицо мужа показалось бесконечно родным. А ведь вчера ещё думала: если бы не он, жизнь сложилась бы по-другому.

– Вставай, Петь!

– Маша, не нервируй! Я как-нибудь сам знаю, когда встать, не маленький.

– Большой, большой! – улыбалась Маша.

На выходе из вагона, толкаясь, их обогнала молодая мамаша в сапогах на шпильке, в таких Маша не могла бы даже стоять. Мамаша волочила за руку мальчика, страдающего лишним

весом. Маша готова была посочувствовать мальчику, но он показал ей язык, и сочувствие тут же испарилось.

За стеклом стояли розы всевозможных расцветок. Уж эти-то свежие, это точно, за такие-то деньги!

Пётр резко остановился и спросил:

– Помнишь, какой сегодня день?

– Какой? 7-е ноября. Красный день календаря.

– Молодец, старушка моя! Что-то ты ещё помнишь. А как брали штурмом Зимний, не забыла? Мы познакомились с тобой в этот день, сто лет назад примерно. Давай я тебе розы подарю, Маш, твои любимые – жёлтые с красным.

– Петь, да ладно тебе... – Маша от неожиданности застеснялась.

Но Пётр уже вернулся к цветочному ларьку, ожидая, когда отойдёт покупатель. Потом он долго выбирал самые красивые из красивых, а Маша вдруг представила, как они покорно опустят свои головки, оказавшись в тепле, а потом и вовсе облетят сотней грустных мотыльков, загадочных в своем желании как можно быстрее покинуть этот мир. Холодно им тут. Очень холодно.

– Петь, а давай хризантемы, а?

Пётр обернулся:

– Точно?

– Да, Петь. Символ Японии.

Пётр посмотрел на жену так, как будто первый раз увидел, и сказал продавщице, терявшей терпение:

– Ну, раз Японии – дайте три!

Хризантемы простояли до начала зимы. Дочка сколько раз приходила – столько удивлялась и делала вывод: «Потому что подарены с любовью!»

Ну да, с любовью... Когда она последний раз была-то? Её Петя и в молодости был не по этому делу. Говорят, есть мужчины для хоровода, а есть для огорода. Петя мог быть агрономом, может, даже главным, но вот хороводов у них был дефицит. В последние же годы хороводы случались пару раз в месяц. А в совсем последние – совсем перестали случаться. И никакие

намёки не помогали прояснить ситуацию. «О доме надо думать!» – отшучивался муж, когда Маша шла в очередную атаку. Постепенно тихое отчаяние и ощущение, что жизнь кончилась, вогнали Машу в депрессию. Тут-то и появился он – Карлос, приславший письмо на только что заведённый электронный адрес. На фото был невозможный красавец латинской наружности. Его рубашка лопалась по швам от игры бицепсов, улыбка в тридцать три зуба показывала, каких чудес достигла заграничная стоматология. Маша с трудом, но и с интересом разбирала русские слова, написанные латиницей. Иногда слова оставались неразгаданными, а звучали всё равно волшебным. Карлос обращался к ней «милая мучача». Эта «мучача», если только Маша правильно прочитала, не давала ей покоя, а спросить у домашних, кто это такая, Маша не решалась. Вдруг что-то неприличное?

Карлос мечтал приехать в Москву, сходить в Мавзолей и выучить язык Достоевского, потому очень радовался знакомству с Машей и хотел помочь ей деньгами, для чего ему нужен был номер счёта новой подружки. У Маши не было ни номера, ни счёта, поэтому она, как могла, тянула время и даже прочитала «Идиота». Но письма Карлоса становились всё короче. Обиделся, решила она. Потом пришло последнее письмо, довольно грубое, и Маша подумала, что латинский темперамент не для её расшатанных нервов. А всё муж – довёл до греха! Даже местные дворники стали посвистывать ей вслед. Эти-то откуда знают, чего ей не хватает? Как чувят! Всё из-за него – Пети!

И вдруг перед Новым годом новый удар – соседка доверительно сообщила, что видела Петю с другой женщиной. Они гуляли по аллее с собачкой.

Гуляли... Сначала Маша подумала, что это точно не Петя. Он не гуляет. Никогда не гулял. Раньше. А вдруг он? Соседка без очков, стало быть, зрение хорошее. Ишь, гулёна! Гуляет, значит. Со мной, значит, о доме думает, а с ней – гуляет. Маша представила рядом с мужем крашеную блондинку с тонкой талией, в сапогах на шпильке. Такую, наверное, приятно обнять, и даже можно ради прогулки пропустить футбол. На футбол он

опоздал вчера – и никакого расстройтва. И что? Как жить-то теперь дальше?

Маша сидела на кухне, не замечая, что стало совсем темно. Пришедший с работы Пётр сразу и не понял, что жена дома, включил свет на кухне – Маша зажмурилась.

– Маш, ты что это? Испугала меня. Что-то с внуком?

– Нет, всё хорошо у них. Это у нас плохо, Петя.

– У нас-то чего плохого?

– Да вот... кончилась жизнь, Петя. На вид ещё живые, а на самом деле мёртвые. Всю жизнь ждали, когда будет полегче, чтобы уж тогда зажить... А всё... кончилось всё. Хоть ложись и помирай.

– Ну и настроение у тебя, – только и смог сказать Пётр. Ему было жаль жену, но он не хотел пропустить футбол. «Спартак» играл с «Зенитом». Пётр повернулся к двери. Маша тихо спросила:

– Выгулял пёсика?

Пётр, забывший за долгие спокойные годы, что такое выяснение отношений, стал неловко спрашивать, о каком пёсике речь. Если бы Маша не была так расстроена, она наверняка почувствовала бы, как фальшиво прозвучал вопрос. Маша, погружённая в свои страдания, ничего не почувствовала и продолжала говорить много, сбивчиво и с обобщениями вроде «всегда знала», «мама была права» и «зачем только не слушала». Когда картина прояснилась, Пётр сказал о соседке:

– Нашла кого слушать! От неё трое мужей сбежало.

И добавил с укоризной:

– Между прочим, это наша дочь попросила посмотреть няню, чтобы ты, Маша, больше так не уставала. А ты...

Маша почувствовала, как ей, почти утонувшей в болоте, кинули соломинку.

– Правда, Петь?

– Конечно, правда. Но надо еще поискать. Эта вряд ли нам подойдёт. Да и дорого берёт.

«Да и бес с ним – сексом этим... лишь бы любил!» – поняла сразу же воспрянувшая духом Маша. А Пётр подумал, какая он

свинья, что решил на старости лет приударить за кандидаткой в няни. Не мог удержаться – такая она была одинокая и привлекательная. Теперь придётся другую искать, лучше постарше. Всё-таки как иногда спасает полуправда! Без иллюзий и мужику-то трудно, чего уж про женщин говорить! Слабый пол.

«Спартак» выиграл 2:1.

ОБЕЗЬЯНА, МАНДАРИН И ОРАНЖЕВЫЙ ШАРИК

Эта история произошла в те далёкие времена, когда дети не знали, что такое Рождество. Но это не значит, что Рождества не было. Дети не знали, что такое квант, а кванты ведь существовали. Даже был журнал «Квант». Его выписывали самые умные дети, в основном, мальчики.

А эта история про девочку Галю, третьеклассницу. Она жила в небольшом заводском посёлке и училась во вторую смену. Если погода позволяла, любила погулять с подругами после уроков, допоздна. Особенно если на улице зима, а во дворе замечательная ледяная горка.

Да, в те далёкие времена дети могли гулять одни, причём, без часов и телефонов. Галина мама требовала, чтобы дочь приходила домой не позже девяти. Но Галя частенько нарушала это справедливое требование и приходила в десять, оправдывая себя тем, что у неё нет часов. «И что, не у кого спросить, который час?» – возмущалась мама. «Не у кого, – оправдывалась Галя, – ни одного взрослого на улице не было». Галя говорила почти правду, взрослые в десять вечера не любили гулять. У них же не было горки. Можно было долго отлавливать случайного взрослого, чтобы узнать, что загулялась, а значит, дома ждёт не самый тёплый приём. И девочки не тратили времени на это пустое занятие, предпочитая лишний раз скатиться по льду. На корточках. Самые смелые – с разбегу на прямых ногах. Были ещё специальные виниловые плитки, такие, которыми застелен пол районной поликлиники. Они отлично скользили. Однако

плитки были не у всех, только у тех, чьи мамы работали в цехе плитки. Галина мама работала в цехе мела, поэтому у Гали плитки не было. Но и мела не было тоже. Цех зачем-то делал мел в виде порошка. Совершенно бесполезный продукт.

Вторую четверть Галя закончила на отлично, приближался Новый год, за ним – зимние каникулы. Настроение у отличницы в тот вечер было прекрасное, хотя его несколько омрачало предчувствие мамино «почему так поздно?». Галя оттягивала сей неприятный момент, обещая себе, что ещё только разик – и домой.

И тут кто-то предложил съезжать, лёжа на спине, а остальным сверху сделать тоннель, встав над проезжающим буквой «л». Веселье разгорелось с новой силой.

Все взрослые знают, что заигрываться плохо. Дети это узнают только тогда, когда получают травмы. Или по попе, такое тоже бывает.

Вот и очередной проезжающий оказался для Гали роковым. Она стояла первой, её ноги оказались задеты, и по причине этой случайной подсечки она рухнула лицом в лёд. Ещё легко отделалась, хотя во рту тут же стало солёно от крови – нижняя губа была разбита. Но даже после падения Галя не пошла домой. Теперь-то идти домой было ещё страшнее!

– Надо холодное приложить! Приложи снег! – беспокоились подруги.

В те далёкие времена снег можно было прикладывать куда хочешь. Поскольку не было ни слова «реагент», ни самого реагента. Снег был чистым, как... как снег.

Галя приложила к губе снег и убедилась, что губа от этого распухла ещё сильнее.

– Надо горячее приложить! Пойдём к батарее! – тут же откликнулись подруги.

Подъезды тогда не запирались на замки, и дети этим пользовались. То и дело бегали по лестницам туда-сюда, туда-сюда. Как архары по горам. Может, поэтому родители иногда называли детей архаровцами?

Ближайшим был именно Галин подъезд. Галя прислонилась губой к батарее, висевшей на стене. Тепло было приятным.

Правда, губа от него распухла ещё сильнее и теперь занимала пол-лица.

– Я навэннопойу. Пока! – старательно выговорила Галя и обречённо побрела на свой четвёртый этаж, в квартиру тридцать два.

Галина мама немного поругала дочь, совсем не так, как следовало. Гале пришлось потерпеть лишь жжение зелёнки. Теперь губа была не только в пол-лица, но ещё и красивого изумрудного оттенка.

В кровати Галя долго вздыхала и утешала себя мыслью, что в школу можно завтра не ходить, уроков же не будет. Она то и дело ощупывала губу в надежде, что та одумалась и возвратилась в прежние границы. Губа издевалась и, кажется, продолжала расти.

Галя не знала, как быть, уроков-то завтра нет, но есть праздник Новый год, раздача подарков и абонементов в клуб. Подарок... в нём обязательный мандарин. Абонемент на новогодней открытке... На него сдан рубль, чтобы все каникулы бесплатно ходить в клуб на мультики и детские фильмы. Придётся всё оставить. Какой-нибудь ловкий мальчик наверняка возьмёт это себе. С этими невесёлыми мыслями она заснула.

Утром Галю немного утешило то, что губа за ночь не раздулась сильнее, а даже немного спала. Хотя вид по-прежнему был не ахти. «Ничего, до свадьбы заживёт!» – такими словами её несколько дней встречали и провожали все взрослые.

Если в обычную школу можно было не идти, то в музыкальную надо было идти обязательно, потому что именно на этот день учительница по классу скрипки назначила новогодний конкурс.

Галя достала скрипку, чтобы дома повторить пьесу. Увы, синяк величиной с блюдце не позволял даже положить подбородок на подбородник, не то чтобы прижать скрипку. «Ладно, как-нибудь сыграю», – подумала Галя.

И Галя сыграла именно как-нибудь. Ей казалось, она не попала ни в одну ноту. Да ещё и на учительницу было страшно смотреть, на её чутком лице отпечатался то ли ужас от такой

игры, то ли болезненное сострадание. «Очень больно?» – спросила она. «Да нет, уже лучше», – честно ответила Галя.

Но всякий позор когда-нибудь да кончается. Галя с удивлением получила за своё третье место (участников конкурса было трое) – ёлочный оранжевый шарик и книжку про озорную обезьяну. Обезьяна была чем-то похожа на Галю. Но, пожалуй, хорошо, что тогда Гале об этом никто не сказал. Девочки-третье-классницы не любят, когда их сравнивают с обезьянами.

Шарик и книжка с поздравлением за третье место целы-невредимы и хранятся у Галиной мамы. Это же предметы гордости всей семьи. Галя и сейчас уверена, что ей незаслуженно подарили самый красивый шарик и самую интересную книжку.

Обычную школу она в тот день тоже не прогуляла. Ведь в подарок был мандарин. А уж не ходить на мультки в клуб было бы совсем глупо. Так что Галя прекрасно отметила Новый год. И если бы знала, что такое Рождество, то и его бы тоже отметила. Губа до свадьбы, конечно же, зажила. И много ещё чего успело зажить.

Р. S. Прошло сколько-то лет. С ними прошли и «те далёкие времена».

– Хочешь, я нарисую твой портрет? – спросил гость, взяв в руки салфетку.

– Конечно! – сказала Галя.

Гость недолго рисовал на салфетке, время от времени поглядывая на Галю, которая пыталась угадать причину то и дело возникающей на лице гостя плутовской улыбки. Вскоре он сказал «готово».

Галя увидела на салфетке что-то похожее на три олимпийских кольца, только среднее кольцо было с глазами и широко улыбалось.

– Чебурашка? – она переспросила только на всякий случай.

– Обезья-а-а-на! – обиженно протянул гость.

Галя не стала дуть губы, а весело рассмеялась.

«Наш человек!» – подумал гость. «Этого Малевича-Малевича надо брать!» – подумала Галя и очень быстро выскочила замуж.

МОРОЖЕНАЯ РЫБА

Зина посмотрела в зеркало. Зеркало привычно исказило идеальный внутренний образ: два запаса жира на чёрный день по бокам, живот, как на третьем месяце; и вся какая-то уже и не девочка. Тут же вспомнилось, что утром её назвали в автобусе «тётенкой». Дожила!

До субботы оставалось два дня, поэтому даже пластическая хирургия была бы бессильна, если бы на неё вдруг нашлись деньги. Зина в очередной раз открыла шкаф в поисках того платья, которое превратит её в преображённую Золушку хотя бы до полуночи. До полуночи – это даже много, до 22.00 вполне устроит. Десять лет окончания школы – это не шутка! И откуда вдруг столько? Может, не идти?

Два миленьких платьица, болтающиеся в шкафу со времён Очакова, оказались безнадёжно малы. А костюмы выглядели слишком официально, уныло, они и на работе надоели. Зина принялась к платьям. Можно подумать, пахнут нафталином, хотя никаким нафталином они пахнуть не могли, и Зина даже не знала, как он выглядит и пахнет, нафталин этот. Но это был именно запах нафталина – запах ненужности и одиночества. Может, и правда не идти?

Зина достала школьный альбом. С разворота на неё смотрела девица внешне очень похожая, но совсем не она. Глаза выпускницы сияли наивной верой в счастливое будущее.

«Ну кто там может прийти из нормальных? Все они уехали покорять мир, – думала Зина. – Если только Вадим?»

Вадим тоже уехал в своё время. Никто его не видел много лет, но все знали, что он поднялся, у него красавица-жена и двое детишек. И вдруг Вадим вернулся к матери, без денег и разведённый.

Зина встретила его у пивного ларька. Вадим всегда ей нравился, и она совершенно растерялась, увидев его с большой кружкой пива в окружении алкашей. И всё-таки она обрадовалась Вадиму и предложила сходить как-нибудь в кино. Вадим посмотрел странно. Казалось, что пить пиво с алкашами для

него в порядке вещей, а пойти в кино – что-то невероятное. Но через несколько дней он сам позвонил, и они пошли в кино. После глупой мелодрамы, над которой оба посмеялись, Вадим принял предложение выпить чашечку кофе. Зина вспомнила этот ужас... В комнате неожиданно повисла парализующая тишина, к которой Зина оказалась не готова. Вадим допил кофе, встал и ушёл. Дура! Дура в квадрате! В кубе! Надо было что-нибудь брякнуть, любой анекдот... Ну и пусть! Нужен ей этот алкаш! Но оказалось, что нужен. Не потому, что хочется его любить, а потому, что других нет. Другие давно вымерли. В Мезозой. А Вадим, пусть он уже не тот школьный Вадим, но он есть. Значит, нужно купить новое платье и пойти на встречу с классом, то есть с Вадимом.

Почему мальчиков всегда спрашивают о работе, а девочек о замужестве? Зина представила жалостливые лица одноклассниц, вышедших замуж уже по второму разу, и идти опять расхотелось... Хотя и о работе рассказывать особо нечего. Она давно стала пыткой: сиди весь день в офисе, в бухгалтерии традиционно одни женщины, которые ненавидят и друг друга, и всю эту бухгалтерию. Ей иногда казалось, что она фараон, замурованный заживо в гробнице, и впереди её ждёт целая вечность, а за стенами гробницы весна, бурлит жизнь, без неё. Бухгалтер Зинаида Евгеньевна – что может быть пошлее? Осталось только отрастить перманентные вавилоны на голове и подкрасить веки ярко-голубым... Да будь она мужчиной, никогда бы и не посмотрела в свою сторону. Да ещё за имя спасибо маме – поклоннице творчества Зинаиды Серебряковой. Зина ещё раз подошла к зеркалу и соорудила себе мину... Не похожа! Никто никогда не сравнивал её с художницей. Только с резиновой Зиной из магазина. Да и той она безоговорочно проигрывала по количеству внимания.

Зина попыталась вспомнить кого-нибудь ещё менее успешного. Вот, может, Вера? Веру считали красавицей с несложившейся личной жизнью. У неё было двое детей от двух гражданских браков, что ставило крест и на карьере, и на возможности законного замужества. Да, вот с кем не хотелось бы поменяться

местами... Веру можно было и пожалеть, но почему-то не хотелось. Казалось, в этом есть некая справедливость. Вертихвостка, еле получившая аттестат... Сама и виновата!

По дороге с работы Зина купила платье, от которого зависела её судьба. Намного проще, чем ей рисовалось в мечтах, и намного дороже, чем хотелось бы.

– Зина!

Зина увидела Веру, которую она встретила первый раз со дня выпускного, удивилась, потому что именно её недавно вспоминала. Вера почти не изменилась. Всё такая же стройная и улыбающаяся, она вела за руки двух ангелоподобных мальчиков с одинаковыми машинками в свободных руках. Девушки никогда не дружили в школе. И можно сказать, что сильно не дружили.

Вера обрадовалась Зине именно так, как радуются, когда хотят рассказать о своём успехе не очень приятным людям.

– Зин, а я замуж выхожу!

– Да? Поздравляю!

– Вообще-то я больше замуж не хотела, но надо мной стоит мужскими трусами помахать, как я и залетаю...

– Так ты опять беременна?

– А ты случайно нет?

– Нет, Вер, это я просто толстая такая.

– Да ты что? Ничего ты не толстая! – Вере стало жаль непутёвую одноклассницу. Вообще-то, Зина совсем не казалась ей плохой девчонкой, странная только, за внешностью не следит. Ну кто на неё такую посмотрит? В двадцать семь выглядит, как тётка.

– И кто же этот счастливый будущий отец? Я его знаю? – спросила Зина без особого любопытства.

– Так ты его очень хорошо знаешь – Вадим.

– Какой Вадим? – спросила Зина, мгновенно поняв, что это именно её Вадим женится на Вере.

– Да наш Вадим. Вы же с ним встречались, он говорил... Жена ушла от него, представляешь? Побогачешла.

– Да? Привет ему передавай!

– А ты разве не придёшь в субботу? Всё-таки круглая дата.

– Нет, Вер, у меня дела...

– Жаль... А я своих оборотов (она легонько потрясла за руки мальчиков) бабушке подкину и пойду. Нельзя такое пропускать.

– Конечно, нельзя, обязательно иди, – сказала Зина, посмотрев на плоский живот Веры.

Старший мальчик тем временем пытался катить свою машинку по голове младшего. Вера развела мальчиков в разные стороны и заторопилась:

– Ну, мы пошли... Пока!

– Счастливо!

Зазывала из ближайшего магазина – крупная женщина в красной, почти шотландской, юбке и в красной кепке – кричала в мегафон:

– Уважаемые покупатели! Только в нашем магазине вы можете купить самую свежую мороженую рыбу!

«Да, всё правильно, это про меня... мороженую Зину купили в магазине. Заведи себе, Зина, собачку, раз тебя больше никто не хочет любить. Или кота. А за что тебя любить? Ну за что? Ты ведь сама никого не любишь. Рыба и есть! Сухарь! Жирный толстолобик в панировке».

И только страх, что новое платье так же пропахнет нафталином, заставил пойти на юбилейную встречу. Вадим не пришёл. Но было неожиданно весело. Как в детстве.

ДВОЕ

Она

Встреча в половине седьмого, Андрей ждёт, а театр ждать не будет. Успею, ещё вагон времени. А сколько времени? Сколько?! Нет, не может быть, чтоб столько... Паника-паника... Откуда это выражение «паника-паника»? Очень мне подходит! Без макияжа? Нет, без макияжа нельзя, хотя бы реснички и губки, будет

утренний вариант. Успею за час добраться, ещё вагон времени на макияж. Так... бусики... Да кто их специально запутывает? Паника-паника! Нет, бусики отменяются, за час я их не распутаю. Так, часа у меня уже нет, придётся бежать до метро вприпрыжку! Всё... сапоги... пальто... Пуговица! Я вчера не пришила! Вот теперь паника! Что делать? Другое пальто нельзя – короткое, будет видно платье. Другое платье? Другое платье – это всё от паники. Спокойно! Главное, не торопиться теперь. Снимаем пальто, пришиваем пуговицу. А где она? Нет, она не могла никуда деться! Где она может быть? Правильно – на кухне! Да, она тут! Не торопимся, уже всё равно некуда. Ниточка... иголочка... иголочка... Иголочка не хочет. Не хочет – не надо, есть другая. И эта не хочет... Ладно, ниточку обрежем ещё раз. Бинго! Три стежка на один раз хватит с лихвой! Узел... Боже, что это за узел? Не зря мне четвёрку поставили за рукоделие в школе. Паника-паника... Сейчас мы тут подденем, тут вытянем, тут затянем... Не хочет узел... Не хочет – не надо. Никто под шарфом не увидит этот узел. Всё, отлично! Время? Нет, не надо смотреть на часы, а то опять будет паника. Придётся лететь до метро самолётом!

Он

Время идёт, а я никуда не иду. Я сижу на некрашеной скамейке и жду тебя. Твой номер недоступен, как и ты сама. Юноша слева от меня отчаялся дожидаться и отчалил. Пацан справа дождался и свалил довольный. И только я застыл, как сталагмит. Я недвижим, как изваяние, как истукан. Я памятник мужскому терпению.

Если ты не появишься прямо сейчас, мы опоздаем на спектакль. Театр раньше называли позорищем. Но позорище – это ты, любимая.

Когда ты, наконец, придёшь, через меня прорастут зелёные побеги скамейки, на них набухнут и распустятся почки, зашелестит листва, запахнет липовым цветом. Если ты успеешь, можешь нарвать липы в чай.

Ого, неужели это ты? «Кого я вижу!» – ехидничаю я, взлетая тебе навстречу.

– Я ногти не успела накрасить, – доверительно шепчешь ты.

– Значит, будешь некрашеной, как скамейка.

Твоё лицо отражает судорожную работу мысли: какая ещё скамейка?.. Нонекогдаобъяснять, мыужебежим, мчимся, летим.

ДЕСЕРТ

– «Докушайте, говорю, гражданка. Заплачено...»

– «...А дама не двигается. И конфузится докушивать». Откуда это? Я забыла. Аверченко? Тэффи? – Даша с тоской смотрела на шоколадный десерт, который оказался лишним. Пожадничала. А взять с собой неудобно: счёт оплатил Николай.

– Какие ещё тэфи?

– Ну это же цитата. Вам же нравится цитаты постить.

– Тесть мой покойный любил так говорить.

– Вон что... – сделала туманный вывод Даша.

Николай подумал, что улыбка Даши не выглядит милой.

– А что плохого в цитатах?

– В цитатах как раз всё хорошо.

«Ах ты ж, коза! Значит, я тебе не хорош, – сделал логичный вывод Николай. – Сказать тебе, что на фотографиях ты похожа на Софи Марсо, а в жизни мышь серая? Ни каблуков, ни косметики. И на сером балахоне брошь в виде серой мыши. Кто так на свидания приходит?»

Пока Николай раздумывал, сказать или не сказать, и сколько сказать, Даша решила, что допустила бестактность и попыталась исправить дело:

– А чем вы, кроме работы, интересуетесь?

– Я дом достраиваю, – обрадовался новой теме Николай. Но только он собрался поведать любимую историю про запойного печника, как Даша, прикрыв рукой зевоту, сказала:

– Да, я видела фотки. Дом, сад, сын – стандартный набор.

– А вы, Даша, чем интересуетесь? – спросил Николай, потрясённый её цинизмом.

– Я хожу на вечерние курсы. Всего понемногу – литература, английский язык, история искусств.

– И кем же вы будете после курсов?

– Это для себя, для души.

«Для себя, для души... Да тебе уже за тридцать, деточка. И только дурь в голове. И голова-то так себе, дёрганая какая-то. Надо завязывать с этими интернетными особами, хватит», – решил Николай. Грустный и спокойный он встал из-за стола. Даша вскочила с такой поспешностью, как будто только об этом и мечтала, её сомнения, есть или не есть десерт, разрешились сами собой. «Как Рекс, когда я беру мячик», – невольно сравнил Николай.

Храня молчание, словно отбившаяся от похоронной процессии семейная пара, они дошли до входа в метро и остановились.

– Вы не поедете? – спросила Даша без интереса.

– У меня машина в соседнем дворе припаркована, – ответил Николай без всякой задней мысли.

«Лучше бы не спрашивала, – огорчилась Даша. – Уже и Николаи меня не хотят до дому подвезти».

Мотор грелся. Николай пытался вспомнить автора цитаты: «Теперь дети не играют, а учатся. Они все учатся, учатся и никогда не начнут жить». Не получилось.

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – поэт. Родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре. Доктор исторических наук. Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодёжи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ЖИВЫЕ ПУШКИНСКИЕ ЯМБЫ

К 225-летию А.С. Пушкина

Вставай, страна огромная...

В. Лебедев-Кумач,
А. Александров,
июнь 1941 г.

1.

Не рошица вьетнамских пальм
И их сжигающий напалм,
И не звезда в соцветье ламп –
Коварная и злая вамп,
И не затёртый серый штамп –
Не старый, но не очень, Трамп.
И не в окопах СВО
Увидеть друга своего.
Зато не признавая рамп,
Кто выйдет нам на встречу? Ямб!
Да-да, преодолев все дамбы,
К нам в гости – пушкинские ямбы,
Сквозь все препоны и заглушки –
Знакомый голос – это Пушкин.

2.

Да, ямб идёт из Древней Греции,
Благодаря её дарам,
Давая людям разогреться
От серых невесёлых драм.
Что ямб для глаза и для слуха,
И что особенного в нём?

Два слога или же два звука
С ударным тоном на втором.
Трактаты, речи, песни, были...
Считали: лучше стиля нет.
Его по праву возлюбили
Судья, философ и поэт.

3.

Итак, крещение состоялось.
История его легка.
Его дорожка простиралась
Через границы и века.
Вот ямб в бушующем Париже.
На баррикадах всей братве
О том, что будущее ближе,
Читал поэт Эжен Потье:
*Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты – никогда.*
И тот же ямб, как тон кукушки,
Оттуда, где снега идут,
Писал наш Александр Пушкин
Во глубину сибирских руд:
*Основы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.*
Из двух миров, но ровен почерк,
Один настрой, единый ритм.
И всё до запятой и точек
О чём-то общем говорит.
Меж ними целая эпоха
Суровых и горячих лет,

Неясных «хорошо» и «плохо»
И непреклонных «да» и «нет».
Вот так-то со времён античности
На нивах театральных рамп
Формировал большие личности
Неукротимый мастер Ямб.
И на Руси его любили.
Не ставя никаких оков,
Писали небыли и были
Крылов, Державин, Батюшков.

4.

Но главным был, бесспорно, Пушкин.
Ещё у малого юнца
Был ямб подобием игрушки.
Но стал вдруг острием резца.
«Мой дядя самых честных правил...»
Так в 23, уже поэт,
Он первую строку оставил,
Закончив через 8 лет.
Начав роман с родного дяди,
Открыто, прямо и в глаза
Российскому народу глядя,
Он о России рассказал.
Он был со всеми голосами –
Кто мил и даже кто не мил.
Он ямба четырьмя стопами
Россию с ходу покорил.
И в годы юные, и в неге,
И в страсти, и в сиянье глаз
Сам Пушкин, и его Онегин,
И вся страна напересказ.
И как движенье в бальном танце
Рождает ровненькое *па*,

Так золотом протуберанца
Поэту явится стопа.
Горит у Пушкина стопа,
И мы как в глянце.
Изящны пушкинские *па*.
И жизнь как в танце.
Кому всё просто – то да сё,
Стихи, мол, хлеб не заменяют,
Увы не всех и занимают.
Но Пушкин – это *наше всё*.
Да что в истории слова?
Они, конечно, не игрушки.
Россия русскому – Москва,
Россия наша – это Пушкин.

Внимает напряжённо рампа,
А в зале тишина стоит.
От ямба, пушкинского ямба
Ну разве кто-то устоит?
Поэзия – не мир игрушки,
А цельный действенный портал.
Её-то на Руси наш Пушкин
В союзе с Ямбом утверждал.

5.

А в мире тяжкая эпоха.
Такое наше бытие.
О тех, кому отменно плохо,
И написал строку Потье:
*Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов!*
Родился революционный
Ключ всех полуголодных ртов.
А к строкам подберутся рифмы,
Хоть, впрочем, можно и без рифм.

Куда важнее рифмы ритмы,
Зовущий в наступленье ритм.
Пусть шире развернутся рампы!
Они не кружатся в огне.
Родные пушкинские ямбы,
Вы нам как пули на войне.

6.

И с ямбом песни наши льются.
Не с ним ли шла и революция?
Мы кузницы, и дух наш молод!
Куём мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь стучи, стучи!
Так ямбами, без лишних слов,
Писал за всех кузнец Шкулёв.
Наш паровоз, вперёд лети,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.
Молитва? Кто так молится?
Путейцы-комсомольцы.
А дальше? Как одна струна.
И как и чем жила страна?
Весёлым, дружным, крепким строим
Мы строим, строим, строим, строим!

7.

Ну а потом опять она –
В защиту Родины война.
И вера нам рождала верность.
Как вспоминал об этом Бернес:
Дымилась роца под горою,
А вместе с ней горел закат.

*Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.*

И приближали День Победы
Своим строчками поэты.
Без сна – от зорьки и до зорьки –
Твардовский и Василий Тёркин.
И было ль что умней и тверже?
Тонка звенящая струя.
И вот уж лютей враг повержен.
Вздохнула радостно страна.
Её простор отныне шире.
Народ со Сталиным в Кремле –
Он сохранил и место в мире,
И мир теперь на всей Земле.

8.

А то, что нужно для страны,
Ответы Ямбом нам даны:
*Не кочегары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет.
А мы монтажники-высотники
И с высоты вам шлём привет.*

А коль ответа всё же нет,
Помогут ямбы и поэт:
*Жить без любви, быть может, просто,
Но как на свете без любви прожить?*

9.

А труд людей – он истый подвиг –
По норме, а глядишь, и по две.
Как и во всём тонка струна.
Бери и радуйся, страна.
Проблемы сложные решала,
Немало родила идей.

Кого, однако, не хватало?
Порой ведущих и вождей.
Но вариант такой возможен:
Коль сами не способны дать,
То остаётся только – можем
Кого-то яростно ругать.
Возможно, строг был слишком Сталин,
Но выжила стальная нить:
Мы мощною державой стали,
Смогли её и сохранить.
Да, не какие-то там черти,
А самый верный их вассал,
Наш старый недруг мистер Черчилль
Угрозы русским рассылал.
Вот годы, кажется, Хрущёвы.
Дела решались на бегу.
По мысли вроде хорошо бы,
А выходило не в дугу.
Хватались вроде горячо,
Откуда же тогда угроза?
Трепло пустое Горбачёв
И злая ельцинская проза.
А где-то прорывалась дамба,
А где и вовсе шло хирей.
А вместо пушкинского ямба
Шёл солженицынский хорей.

10.

И вот Союза больше нет.
И что ж – сошёлся клином свет?
Страна великая распалась,
Россией, как была, осталась:
Где центр, края, где середина,
Кусок кровавый – Украина.

И что – уже не слышны музы?
И не звучат, как прежде, блюзы?
И не мелькают в танце блюзы?
И где роднящие нас узы?
Неужто так устали ямбы,
Что их не слышно через рампы?
Давно закончилась война
Вторая мировая.
Увы, но держится она
Как рана родовая.

Чему в Германии был крах,
Нацизму – самый полный швах?
А здесь без всяких яких клизм –
Оригинальный укрнацизм?
Пришли в залёжные окопы
Боевики из стран Европы.
Преодолеть вот эту вшивость
Спецоперация явилась.
Да и свои – игра не в жмурки.
Настырны внутренние турки.
Сперва сквозь шумы, гвалты
Куда ушли от нас прибалты?
По-натовски завьли
Друзья Саакашвили.
Быть может, в этом новом шоу
Молдове видится большое.
Не помнишь: где-то на опушке
Онегина рождает Пушкин?
Не кажется ль, что это корни?
И как же можно их не помнить?

11.

Он и в жару, и на морозе,
Он и в поэзии, и в прозе,
Не орден и не дифирамб –
Совсем простой трудяга Ямб.
Он говорит в строках поэта:
Россия, Пушкин и Победа.
Со свежим воздухом в груди
В тревогах постсоветских буден
Призвал: «Россия, встань, иди!»
Наш президент Владимир Путин.
Как в хмурый 41-й год
Планету вихрем закружило,
Вставал на подвиги народ
Единой и могучей силой.
Ревела яростно война.
Гремели беспрерывно пушки.
Но мощною была страна
И вместе с нами был наш Пушкин.
Мы победили. И теперь
Нам повторить предстало это.
Здесь наши коды. В них поверь –
РОССИЯ, ПУШКИН и ПОБЕДА.

Лариса КЕФФЕЛЬ-НАУМОВА

Лариса Алексеевна Кеффель (творческий псевдоним – Лариса Кеффель-Наумова) – прозаик. Окончила Московский государственный университет культуры (МГУКИ). Профессия – библиограф. Работала в должности заведующей сектором читального зала в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы. Окончила Курсы литературного мастерства писателя А.В. Воронцова.

Публикуется в периодических и сетевых изданиях Москвы и Санкт-Петербурга. В 2023 г. в московском издательстве «Фелисион» вышла первая книга рассказов и стихов «И небо – в чашечке цветка». Является участником литературной лаборатории «Красная строка» при ЛИТО «Точки»; Арт-клуба «Притяжение» Ларисы Прашкивской-Фелисион. Член МГО СП России.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

НА ИЗЛЁТЕ ЛЕТА*

Памяти Ф.Г. Раневской

Шум моря зависит от того, в какую сторону ветер. Бывает, что очень сильно шумит, если ветер с юга или запада. А бывает – совсем тихо, если ветра нет или он с материка.

Саша лежал на кровати поверх покрывала, читал Евтушенко и слушал тихий, убаюкивающий ропот с близкого залива. Туда-сюда. Набежала волна. Откатила назад, шлифуя камни и песок. Лизнула туфли неосторожных отдыхающих, слишком близко подошедших к воде, на обратном пути прихватив с собой всё, что попадалось.

*Солёные брызги блестят на заборе.
Калитка уже на запоре.*

*И море,
дымясь и вздымаясь, и дамбы долбя,
солёное солнце всосало в себя.
Любимая, спи...*

*Мою душу не мучай.
Уже засыпают и горы, и степь.
И пёс наш хромучий,
лохмато-дремучий,
ложится и лижет солёную цепь.*

* Рассказ имеет документальную основу. Автор выражает искреннюю благодарность д.т.н., профессору ВолгТУ Александру Алексеичу Барону и д.т.н., профессору ВолгТУ Виктору Фёдоровичу Каблову за помощь и предоставление материалов для рассказа.

*И море – всем топотом,
и ветви – всем ропотом,
и всем своим опытом –
нёс на цети,
а я тебе – шёпотом,
потом – полушёпотом,
потом – уже молча:
«Любимая, спи...»*

Он с удовольствием втянул в себя воздух: пахло высохшей хвоей, немного морской тиной. Посмотрел на штамп библиотеки. Стихи размещались как раз на 17-й странице. Шурочка. Милая Шурочка с прозрачно-зелёными, как море, глазами... Улыбнулся чему-то, в чём сам себе боялся признаться. Ну всё! Хватит валяться! У него же были планы на вечер!

Саша закончил заряжать плёнку и повесил на шею фотоаппарат, натянул кеды, захватил дождевик от ветра – всё же август и вечерами уже довольно свежо. Собравшись, он оглядел их далёкое от комфортабельного жилище. Свою кровать, на которой валялся с книжкой после обеда, он застелил, вещи убрал в шкаф. Закрыв окно. Погода здесь переменчивая. Может и шторм налететь. Вроде всё в порядке. Затворив дверь домика, легко сбежал по ступенькам крыльца. На скамейке, как и ожидал, он увидел маму, увлечённо разговаривающую с соседкой. Ещё читая книгу, из окна комнаты он различил журчание её ровного голоса. Пошёл. Поздоровался.

– Я пойду, пофотографирую.

– Конечно, походи, Саша. Ты спал. Я уже хотела тебя будить. Погода чудесная, что в доме торчать?

Мама что-то втолковывала женщине о медицине и правильном питании. Весьма дородная особа, слушая советы доктора, удивлённо ахала и качала большим шиньоном, в народе называемом «пчелиный улей».

Он попрощался и с ходу взял третью скорость. Обернулся на бегу и помахал маме рукой. Всё это он проделал с радостным чувством свободы, какой-то клокочущей в нём и готовой

вылиться через край наружу весёлой энергетике. Наконец-то он может делать «что душеньке угодно»! Это было любимое выражение бабушки. Сейчас его душенька как раз жаждала запечатлеть живописные окрестности Репино, побродить у моря.

Этот выпускной год выдался для него несколько напряжённым, но удачным. Экзамены в институт были позади. В это год отменили льготы для медалистов, но всё было преодолено – Александр стал студентом Политеха. К своему поступлению он относился довольно равнодушно, просто выполнял мамину просьбу – получить надёжную специальность. Без труда он сдал все экзамены на пятёрки, прошёл и уже планировал, как проведёт оставшееся до начала первого семестра время, но не тут-то было. Его сразу вычислил и взял в оборот институтский комитет комсомола. За отличное умение фотографировать, о чём говорилось в его характеристике, Александра направили до середины августа в поездки по колхозам, снимать, как студенты работают на полях. Когда он наконец, вернувшись и сбросив тяжёлые резиновые сапоги, проявил плёнки, напечатал кучу фотографий и отнёс в ректорат хронику студенческих подвигов в битве за урожай, до начала занятий оставалось ещё немного времени, а тут его матери, врачу медсанчасти тракторного завода, дали путёвку в Ленинград. Путёвка была на двоих, и мать взяла Сашу с собой. Три дня они провели в экскурсиях по городу, а на оставшиеся дни их ожидал деревянный домик в Репино на берегу Финского залива, удобства во дворе.

Воздух чист и прозрачен. Приятно было наполнять им молодые лёгкие. Он шёл по дорожке парка к морю и наслаждался. В голове ещё сменяли друг друга, как яркие вспышки, кадры залов Эрмитажа, каскады фонтанов Петергофа, экскурсии по городу, катание на парходике по каналам Невы. Разведённые мосты. Завораживающая красота летнего Ленинграда вливали в него новые силы, порядком истраченные на колхозных полях, дарила новые эмоции, сказочные виды. Он только и делал, что останавливался, выбирал удачные ракурсы и фотографировал маму в элегантном бежевом платье с длинными рукавами, толпу на Невском, Литейном, аллее Летнего сада, трагическую кра-

соту старых невских дворов-колодцев, где словно наваждение, морок, вот сейчас выскочит с тёмной лестницы Раскольников или блеснут вдруг в перекрестьях узких окон полные боли глаза Сони Мармеладовой, улочки и переулки, где, казалось, ещё витал дух Пушкина, Гоголя, Ивана Гончарова; Пётр Великий на вздыбленном коне был на своём посту. Саша щёлкал затвором фотоаппарата «Зенит-ЗМ» – «зеркалки», как его по-свойски называли в среде фотографов. Саша купил его себе сам, в магазине. За это решил контрольную продавщице магазина «Культтовары», студентке-заочнице. Несколько готовых плёнок лежали и ждали проявки. Около недели у него останется, когда они вернутся домой. Поваляется на пляже. Прочтёт, если получится, нашумевший роман Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва». Та самая большеглазая Шурочка из районной библиотеки, которая в последнее время слишком часто занимала его мысли, в обход строгих правил выдавала ему журналы из читального зала на ночь и на выходной. Он такое проделывал не раз и всегда возвращал вовремя. Александр считался в библиотеке очень аккуратным и дисциплинированным читателем. Ему доверяли. И в этот раз он с нежностью вспомнил о Шурочке, и сердце учащённо забилося.

Фотография стала его страстью с 11 лет. С тех пор это увлечение ему не надоело, а наоборот, захватывало его всё больше. Он живо интересовался новинками фототехники, сам экспериментировал, часто просто отщёлкивал пленку, людей на улице, утреннюю очередь на троллейбус, необъятную ширь реки и бескрайнюю даль степей. Его фотопейзажи занимали призовые места на конкурсах, и он чувствовал себя уже опытным профессионалом. Саша прикидывал, прищурив тёмные пытливые глаза, откуда начать. Как бы снять нечто оригинальное, как для этого понадобится выстроить перспективу. Ему хотелось изобразить залив вогнутым, как линза. Нет! Лучше гладким, как тарелка! Или попробовать сделать панорамный снимок? Ради удачного кадра он был готов сейчас залезть на сосну или встать на голову. Этот радостный юноша, новоиспечённый студент, козликком скачущий по дорожке, выглядел ещё угло-

ватым, несколько непропорциональным, вытянутым. Узкая, долговязая фигура, продолговатое лицо, будто его зажали однажды легонько в тиски и потянули в противоположные стороны. Однако всё обещало, что скоро он превратится в лебедя, как это бывает у мальчишек. Остаточная подростковость скрашивалась высоким лбом, переходящим в прямой нос, как у древних греков. Недаром в классе у него было прозвище «Македонский». Общее выражение серьёзного, умного, наверное, красивого в будущем лица, с внимательным взглядом, смягчал подбородок с пикантной ямочкой, за что он был любим одноклассницами. Шапка тёмных кудрявых волос, которые ворошил сейчас балтийский ветерок, дувший с близкого взморья, довершала его внешность.

Воздух слоился в дымке лучей, посылаемых в этот душистый эфир начинающим склоняться к закату солнцем. Казалось, его можно потрогать. Кусты расцветших бордовых и жёлто-розовых георгинов в цветниках около домиков, мимо которых он почти летел, покачивали решётчатыми головками. Асфальтовая дорожка блестела кварцем, тоже желая участвовать в этой картине. Александр азартно, предвкушая удовольствие от фотосъёмки, нёсся аршинными шагами по дорожке к выходу с территории, где сквозь деревья мерцала водная гладь, когда неожиданно его окликнула женщина в небольшой соломенной шляпке-канотье и громадных тёмных очках. По инерции проскочив мимо, он боковым зрением всё же успел зафиксировать, как она с усилием поднялась со скамейки и потихоньку, в полшага, направилась прямо к нему. Ошибки быть не могло. Никто другой на дорожке в поле зрения не наблюдался. Пришлось экстренно тормознуть на полном ходу, подняв пыль, как настоящий скакун.

– М-м-молодуй человек! П-подождуте! Из-звинюте! Скажите, пожалуйста, а как мне дойти до Комарово? Я что-то заблудилась...

Она немного задыхалась, видимо от волнения, в мольбе, с растерянным видом протягивая к нему руки. Говорила она низковатым голосом, немного растягивая слова, чуть заикалась.

Александр вгляделся внимательнее. Да это, кажется, актриса Фаина Раневская? Ну вот та, что «Муля, не нервируй меня»?

– Фаина Георгиевна, это вы?

– Вот чёрт, – ответила она. – Такие огромные очки надела, чтобы никто не узнал, и всё зря! Так вы мне подскажите, как пройти до Комарово?

– Конечно. Да я вас провожу, это минутах в сорока отсюда. Пойдёмте! Ах, да. Прошу прощения. Я забыл представиться. Александр Граф, Саша. – И он наклонил голову и даже щёлкнул кедами, как заправский гусар.

– Настоящий граф? – вскричала в восторге Раневская.

– Ну, может, когда-то и был настоящим. А после революции сословия, дворянские звания отменили. Просто фамилия.

– Спасибо большое, Саша! Вы мой спаситель! Я ужасно плохо ориентируюсь. А Анна Андреевна, наверное, волнуется, что меня долго нет. Она мне хотела сегодня почитать отрывки из своей пьесы... Необычной философской пьесы... А я вот пошла погулять и заблудилась.

Видимо, она говорила об оставленной где-то подруге.

Саша повёл свою случайную знакомую вдоль берега в сторону Комарово по пешеходной дорожке, которая проложена вдоль всего побережья, от Солнечного до Чёрной речки. По ней ходили пешком и ездили на велосипедах между всеми пансионатами, которые расположены чуть дальше от берега, в глубине, за шоссе, по направлению к Дому творчества. Вдоль дороги росли громадные сосны. Толщина некоторых в обхвате доходила до метра. Ольха шуршала мелкими чёрными шишками, покачивала начинавшими краснеть гроздьями низкорослая рябина. Мелькали тёмная бархатная хвоя ели и светлая зелень берёзы. Птицы здесь водились в основном лесные. Их трудно разглядеть, но хорошо слышно. Щebet этих птах по утрам создавал очень приятный фон. На расспросы о себе Александр вкратце поведал ей, что только-только поступил в институт и в оставшиеся дни отдыхает здесь с мамой.

– Ваша матушка должна гордиться вами. Такой симпатичный и умный сын, – гудела Раневская. – Я сама в технике

плохо разбираюсь. Я была на домашнем обучении. Математику не понимала и вообще не переносила обучение в учреждении, хотя отец и был попечителем гимназии. Терпеть не могла, не любила ничего делать, что меня бы сковывало, требовало соблюдения правил. Запаха класса, неудобных парт. Сразу наваливалась какая-то тоска, переходящая в страх. Любила всегда лето, вот как сейчас, – и она развела руки ладонями вверх, обернувшись к морю, к горизонту, – когда не надо было заниматься, много читала и ходила во все театры, которые приезжали к нам в город.

– А как же вы стали актрисой?

– О, молодой человек! – Раневская хохотнула. – Это долгая история. Пожалуй, сорока минут нам может и не хватить. Жизнь научила...

Она задумалась, улыбнулась чему-то с нежностью. Из её груди вырвался прерывистый вздох, почти стон...

– И моя педагог и подруга Павла Леонтьевна Вульф. Вы слышали об этой актрисе?

Саша покачал отрицательно головой.

– Странное имя – Павла! – Саша никогда не слышал, чтобы в России так кого-то называли.

– От «Паула», видимо. Она из семьи обрусевших немецких дворян.

– А может, это дань Возрождению? Это ведь итальянское имя?

Предположение Саши привело Раневскую в восторг.

– Бог мой! Возрождение! Данте, Петрарка, Боккаччо – в ваши столь юные годы? В школе вроде этого не проходят?

– Библиотекарша посоветовала, Шурочка, – и Саша неожиданно для себя покраснел.

– Понятно. Александр и Александра. – Раневская понимающе покачала головой. – Да, так вот о Павле Леонтьевне... Он учила меня, неуклюжую, сценическому движению, правильной речи. Мне нужно было как-то избавиться от моего южного таганрогского говорка и провинциальной угловатости. Ну а артистизма у меня с избытком хватало, и я на ходу схватывала

персонажей. Я страшно любила с детства передразнивать всех, копировать горничных, дворников, извозчиков, точильщиков, старьёвщиков.

И действительно, не напрягаясь, естественно, лишь немного добавляя в свое экспрессивное повествование изобразительных жестов, мимики, она будто дополняла его, раскрашивала, проигрывала всё, о чём говорила.

– Фаина Георгиевна! А как вы вообще оказались довольно далеко от Комарово?

– А как-то незаметно. Я пошла погулять и поучить роль. Пьеса одна очень интересная. Дали почитать. Видимо, потеряла ориентир. Со мной такое случается. – Она благодарно и по-детски радостно выпалила: – Мне всегда везло на людей. Встретила вот вас. Вы знаете, я всегда переписываю роль от руки с печатного экземпляра в свою тетрадку. Мне так легче запоминать. И когда гуляю, заглядываю в тетрадку и учу роль. – И, чтобы подтвердить свою правдивость, полезла в карманы необъятной юбки и извлекла оттуда измятую тетрадь в клеточку, исписанную неровным почерком. – Я страшно боюсь забыть текст. Просто панически.

Саша улыбнулся, представляя, как с Раневской случается этакий конфуз и она замирает на сцене с открытым ртом.

– Сейчас в театре нет суфлёра, как раньше, и рассчитывать приходится только на свою память. А она с возрастом, увы, подводит всё чаще.

– А что вы в таком случае делаете? – Саша с интересом слушал её рассказ, который был немного похож на выступление. Она нашла слушателя, зрителя.

– Что, что... Импровизирую, разумеется.

– И никто не замечает? – иронично удивился Саша.

– Слава богу, публика не замечает. Иногда я только подаю реплику – и уже аплодисменты. Публика всегда была добра ко мне. И вы знаете, иногда неважно себя чувствую и, кажется, не смогу выйти на сцену, выдержать три акта. Плетусь после второго звонка. Сажу за сценой на стуле и проговариваю про себя первые слова, чтобы не забыть. Руки мои холодны как лёд, и я

завидую всем, кто стоит в кулисах и не должен сейчас выходить на сцену. – Она вздохнула. – Ради кого всё это? Ради публики! Знаете, молодой человек, вот Горький говорил, что талант – это вера в себя. А вы как думаете?

– Не знаю, но наверное. Если не веришь в себя, в то, что можешь лучше других, то нечего и начинать.

– Да? Ну, это максимализм молодости. – Раневская разочарованно махнула на него рукой. – А мне кажется, что только недовольство собой, постоянная неуверенность, сомнения, копание в своём нутре, каторжная работа делают талант. Неважно, кто ты – актёр, музыкант, писатель или художник. Интуитивное нащупывание истины, как по вехам, когда пробираешься по трясине. У посредственностей напрочь отсутствуют такого рода сомнения и волнения.

Минуту подумав, Саша согласился.

– А действительно, ведь «...и опыт – сын ошибок трудных, и гений – парадоксов друг».

– Вы любите Пушкина?

– Да. Очень.

– Я боготворю Александра Сергеевича! Вот я Анне Андреевне сегодня расскажу, какого чудного мальчика я встретила! А вы на него даже чем-то похожи, только рост высокий. – Раневская отстранилась немного и сбоку, задумчиво и с забрезжившим искренним интересом посмотрела на Сашу. – А вы не хотели бы пойти в актёры?

– Я?! – Саша засмеялся, но про себя подумал: а почему бы нет? Эта мысль казалась теперь ему не такой уж невероятной, как полчаса назад. Невозможно было не подпасть под обаяние этой великой актрисы, и ему захотелось хоть на минуту очутиться в этом её выдуманном, призрачном мире театра.

– Мне кажется, что после стольких лет на сцене, прекрасных спектаклей вы уже привыкли, уверены в себе и знаете, как правильно играть.

– Милый юноша! К этому нельзя привыкнуть, да и не нужно привыкать. – Она посмотрела на него глазами мудрой собаки, блестящими и печальными, немного навывкате. – Ты должен вы-

давить из себя страх по капле. – Он вздохнула. – Я почти всегда создавала роли вопреки и всё время была жутко недовольна собой. Павла Леонтьевна меня предупреждала: «Как только понравишься себе – всё, ты уже не творец, а ничто, каботин».

– Каботин?

Видя, что Саше неизвестно это слово, она терпеливо пояснила:

– Каботин – странное слово, правда? Так когда-то называли странствующих комедиантов. А теперь это означает стремление к артистической славе, блеску, наглость, уверенность в себе у актёра, без особых на то оснований. И таких, увы, тьмы и тьмы! – И она не только объяснила, но и мимикой показала, кто такой этот каботин – надутый самовлюблённый болван. – Ну а к третьему акту тыходишь в раж и уже играла бы и играла, но... конец.

– А как вы справляетесь с эйфорией? – Саша выразился, пожалуй, чересчур современным языком.

– С чем, простите?!

– Ну, с возбуждением после спектакля?

Раневская пожала плечами.

– Не думаете ли вы, мой юный друг, что я выпиваю, придя домой, четвертинку? Это банально. Гуляю по улицам, около реки. Иногда до утра. Смотрю, как разгружают хлеб.

– Простите?

– Я живу на Котельнической набережной, окна во двор, и рано утром слышу, как в булочную привозят тёплый хлеб и двор заполняет хлебный дух. Грузчики гремят деревянными подносами, матерятся. Иногда очень загогулисто, витиевато. А вечером, если нет спектакля, лежу на подоконнике, глазею, как толпа покидает через выход во дворе зал после сеанса, шумно переговариваясь. Знаете, был в Москве такой кинотеатр «Знамя»? Сейчас переделали в «Иллюзион». Там теперь показывают старые фильмы, часто – мировые шедевры. Вот он в моём доме. Среди публики попадаются интересные персонажи, но чаще всего пустой трёп. Как будто то, что они два часа молчали, дает им право трещать без умолку. Прорвало!

Она попросила Сашу:

– Давайте пройдем к самой воде. Окислимся!

– Почему «окислимся»?

– А, да это есть у меня в одной неоконченной пьесе такое выражение. Окислиться – значит надыхаться воздухом в лесу.

Они сошли с пешеходной дорожки на песчаный берег. По нему были разбросаны гранитные валуны, размером от футбольного мяча до бурого медведя. В некоторых местах они были сложены в длинные гряды, уходящие далеко в воду. Раньше это местечко называлось Куоккале и всё это осталось ещё от финских рыбаков, сто лет назад сложивших причалы для рыбацких лодок. Песок цвета тёмного янтаря, у самой воды он приобретал коричневый оттенок. На берегу им часто попадались ракушки моллюсков, выброшенные на берег волной.

– Бедные несчастливцы! – сокрушалась Раневская. – Им не повезло пожить. – Она брала их своими руками без маникюра и бросала в набегающие волны.

– Да они уже мёртвые!

Молодой скепсис Саша возмутил её.

– А может, какие-то ещё живые? – возразила она. – Вы думаете, что вы всезнайка? Так послушайте человека намного старше вас! Счастливого случая ещё никто не отменял. – Немного пройдя, она увидела крохотную рыбёшку и, подняв её, забросила далеко в волны. – Вот и моя золотая рыбка уплыла. Ничего я у неё не попросила. Только живи, Рыбка.

Сашу умиляла эта простота, естественность, некоторая даже детскость эмоций Раневской. Она совсем не стеснялась своих душевных порывов. Ему казалось, что такие известные актрисы, как она, ездят на машине с шофёром, никогда не ходят по улицам, а уж тем более не плутают в одиночестве по берегу залива.

– Я люблю зверьё, но больше всего собак. У них глаза человечьи, всё понимающие. – Раневская обернулась к нему. – И страдают они так же, как люди. А вот преданности такой я у людей не встречала. Вы знаете, что гениальная Марина Цветаева говорила о собаках? У собак душа – это подарок. А от людей она присутствия души требует. Люди для неё делились на тех, у

которых есть душа, равновеликие ей, и тех, которые пусты, без души. Семья Цветаевых жила в Москве в Трёхпрудном переулке, и напротив в полуподвале была типография. Марина отнесла туда свою первую тетрадку стихов. Отдала то ли наборщику, то ли корректору. Сама не помнила – кому. «Вечерний альбом». Однажды к ним в дверь позвонили. Марина открыла. На пороге стоял буйноволосый, очень крупный господин. Цветаева была субтильным существом и выглядела лет на 12–14. «Здравствуй, девочка! А где я могу увидеть Марину Ивановну Цветаеву?» – «Это я», – пролепетала Марина смущённо. Волошин вдруг обрушился перед ней всей своей массой на колени, так, что страшно испугал Марину, она подумала: «Сумасшедший!» – и прогремел, воздев руки в экстазе: «Девочка, ты не знаешь, кто ты!!!» – Раневская с грустью покачала головой. – Макс Волошин имел такую душевную способность – всегда появляться вовремя. Помню, он возник на пороге у нас с Павлой Леонтьевной, когда мы буквально замерзали, голодали, и очень помог. – Она улыбнулась воспоминаниям.

– Вы знали Волошина? – в изумлении воскликнул Саша. Он неплохо рисовал, и им показывали в художественной школе акварели Волошина. Для него это были великие имена, а для неё – друзья, знакомые... Удивительная женщина!

– Я знала их обоих, – печально вздохнула Раневская. – Марина, Марина... Голая душа.

Она переходила от темы к теме легко. От собак к Цветаевой, от той к Волошину. Она заговаривала, очаровывала, завораживала, будто слушатель смотрел действие. Видимо, актёры всегда что-то представляют или тренируются, проверяют, пробуют на вас, не пропало ли ещё притяжение личности. Их актёрское притяжение.

Они присели на берегу на перевёрнутые вверх дном деревянные лодки. Мимо пробежали стайками дети в сопровождении вожатых. В округе располагалось много пионерских лагерей, заборы которых были выкрашены в яркие цвета масляной краской.

– А на Волге в детстве мы под такими лодками прятались от дождя, – вдруг произнёс Саша, оглядывая лодку.

– Шептались, наверное, о каких-нибудь мальчишеских тайнах, вражеских бандах из соседнего двора? А? – Раневская шутливо погрозила ему пальцем.

– Откуда вы знаете?

– Я же тоже была ребёнком и выросла у моря, – легонько пихнула его локтем Фаина Георгиевна. – Целоваться под ними тоже хорошо.

Саша смутился. Хулиганистость Раневской была чрезвычайно заразительной и очень её молодила. Она фонтанировала остротами, балансировала на грани, на краю, но даже «сильные» словечки звучали в её устах безобидно, мило, как шутка, эмоция, каприз, реплика из пьесы.

Раневская злорадно усмехнулась, глядя на пионеров в панамках.

– Дети меня донимали с «Мулей».

– Я тоже люблю этот фильм, – признался Саша.

– Как? И ты, Брут?

– И я.

– В Ташкенте, давно, со мной приключилась неприятная история. Так вот, меня вели по улице в милицию и даже там мальчишки бежали за мной и кричали: «Мулю, Мулю ведут!». Пришлось их послать... В общем, далеко. – Она махнула в сторону моря и засмеялась.

– А почему вас вели в милицию? Что вы сделали?

– Молодой человек, проживите сначала с моё, и если вы ни разу не попадёте в нашу доблестную милицию, то вы или умный, или мудрый.

– Почему «умный» или «мудрый»? – Саша, как зачарованный, слушал её. Морщил лоб, тщетно сясь разгадать очередную её шараду, но понимал, что всё равно ошибётся.

– Всё очень просто, мой юный друг! Умный всегда выпутается, а с мудрым ничего подобного не произойдёт. – И она продекламировала вполне патетически: – «От сумы и от тюрьмы...»
Помните, да?

Посидев немного, они продолжили свой путь. Раневская часто с тревогой оглядывалась по сторонам.

– Молодой человек! А вы меня туда ведёте? Вы знаете дорогу? А то заведёте в тёмный лес.

Было в ней что-то забавное. Естественное и непосредственное. Как в ребёнке. Несмотря на преклонный возраст, она в своей светло-серой, скорее даже серо-жемчужного цвета, парусиновой паре – широкой юбке с большими карманами и пиджаке – смотрелась в вечернем свете как немного нескладная и сутулая гимназистка-переросток.

Саша успокаивал её.

– В тёмный лес завести вас не получится. Здесь лишь небольшая полоска сосен, ольха, дюны.

– Жаль. А я так надеялась! – Раневская, разочарованно вздрившись на дюны, заросшие осокой и шиповником, немного успокоилась.

Без интереса взглянула на тонущее в море солнце, розовеющую, переходящую в сиреневую и далее в синий оттенок гаснущую даль и на чаек, к вечеру шумно разрезавших воздух и пикирующих, казалось, прямо тебе на голову. Раневская отмахивалась от них и тут же хотела их кормить:

– А у вас хлебушка нет?

Чайки нахально расхаживали очень близко от её ног, кричали и попрошайничали. Видно было, что привыкли к людям.

– К сожалению, нет, – улыбался Саша.

– Да? Вы знаете, ко мне прилетают на окно голуби. Тоже нахальные, но у них это скорее от глупости, от бесхитростности.

Саша пожал плечами. Ну, то голуби. Сравнили. Чайки – хищники.

– Я к морю почему-то равнодушна, а ведь я родилась в Таганроге. – Она задумалась, глядя на зацветший залив, зелёные, покрытые ряской, колышущиеся волны. – А лес, зелень люблю. У нас не было лесов. Степь. Но город был зелёный.

Она обернулась назад и воскликнула в восхищении, глядя на корявые сосны, которые цеплялись корнями за песок, как осьминоги щупальцами:

– Смотрите, какие стволы сосен огненно-рыжие! Как здесь живописно! А я тоже пишу иногда. Только мне больше нравит-

ся писать грустную природу. Голые деревья, осень, дождь... Вы любите Решина? Были уже в усадьбе? Очень интересное место. Он прожил там последние лет тридцать жизни и умер там. Похоронен прямо в своем парке.

– Солнце заходит в море. Это оно так окрашивает сосны.

– Какой одурающе вкусный здесь воздух! – вдохнула она. – Глоток воздуха. Не вздох, а глоток. Русский язык удивительный! Передаёт оттенки наслаждения! Хотела пойти окислиться, вот и окисляюсь.

– Это хвоя, нагретая на солнце, испаряет эфирные масла. Очень полезно для лёгких, – пояснил серьёзно Саша.

– Всё у вас имеет научное объяснение. Что полезно, а что вредно, – усмехнулась она. – Если не перестанете, годам к сорока превратитесь в зануду.

– У меня мама врач. Привык, – оправдывался Саша.

– Тогда понятно... А я всю жизнь дымила. Алёша – внук Павлы Леонтьевны, он и мне как внук – за это прозвал меня Фуфа. Я однажды чуть не спалила квартиру. А вот после кончины Павлы Леонтьевны бросила. А курила пятьдесят лет. Представляете?

– Забавное имя... – улыбнулся Саша. – А насчёт курения... Вот так сразу и бросили? И не хочется?

– Да. Вот так. Как-то не хочется. Но папиросы держу дома. На всякий случай. Я курила крепкие – «Беломорканал». А вы курите?

– Нет.

– И правильно. Видно, что вы ещё очень чистый мальчик.

– Значит, вы родились в Таганроге, там же, где и Чехов? – вспомнил Саша недавние билеты по литературе.

– Да, вот представьте. И я даже лечила зубы у его племянника, – похвасталась актриса. – А вы очень начитанный мальчик. Вы только не подумайте, что если провинция, то ничего интересного не было. Однажды у нас в концертном зале выступал сам Скрябин. Гений, гений! Вы слышали Скрябина? Его «Поэму огня» или его «Мечты»? Нет? И царь Александр Первый провёл у нас свои последние дни. Вот так-то, мой милый мальчик.

«Мальчик» – она часто повторяла, смаковала это слово. Будто прочитав его мысли, она вдруг рассказала:

– А знаете, однажды в Москве я увидела в пролётке Станиславского, и бежала за ним, и кричала в восторге: «Мальчик мой дорогой!» А он привстал, обернулся назад и кланялся мне с пролётки.

– А почему вы его так назвали? – странность её эмоций удивила Сашу.

– Потому что я бредила театром. Они представлялись нам, начинающим актерам, корифеями, небожителями!

– Но почему «мальчик»? – не унимался Саша.

– Потому что мы были молоды. Мимолетная встреча эта случилась году в шестнадцатом. И я была так молода, – грустно ответила она. – Да, так о чём мы говорили, мой молодой добровольный провожатый? – сама себя оборвала Раневская. – Ах да! Что я много лет живу над хлебом и зрелищами. Иногда это раздражает, иногда развлекает.

Саша засмеялся её остроумию и подал ей руку, помогая перейти ручеёк. Очень много мелких речушек и ручейков впадало в залив. Вода в них какого-то ржавого цвета, потому что вытекали они из торфяных болот, но чистая и холодная. Их можно перейти вброд босиком или перепрыгнуть.

– Вы хотели рассказать мне о новой пьесе, которую вы разучивали, – напомнил он, пытаясь вернуть её к теме. – Как она называется? – Саша представлял, как потом расскажет об этой встрече матери, друзьям. – О чём эта пьеса?

Ему хотелось узнать от Раневской что-то новое, неизвестное ещё никому. Путь до Комарово был неблизкий, и ничего нет лучше, чем разговорить Раневскую, всенародно любимую и известную, несколько эксцентричную женщину. А кто, как не сама актриса, лучше расскажет о своей пьесе?

– Ах да. О пьесе! Это необыкновенная пьеса. Чудная история. Я в неё влюблена.

Раневская будто искала луну на небе. Не найдя её, она вздохнула и крепко ухватилась за локоть Александра. От их шагов шуршали песчинки. Навстречу попадались отдыхающие.

Двое из них узнали Раневскую, поздоровались вежливо. Не подходя вплотную, восклицали что-то вроде:

– Очень любим вас... Вы наша любимая актриса... Хорошего отдыха!

Человек на отдыхе. Неприлично беспокоить. Раневская любезно раскланивалась, благодарила.

– Знаете, молодой человек... Я ведь сама не имела детей, не была замужем, – она хмыкнула, будто какой-то весёлой шутке, словно сама смеялась над своей дурацкой судьбой. – Вернее, я была всю жизнь замужем за театром.

«Разве она ни разу не любила? Кругом, наверное, было столько великих актёров и режиссёров!» – удивился Александр молодым удивлением, когда ещё странно, что кто-то может не любить и не быть счастливым. Но спросить об этом не решился. Он посчитал этот вопрос бестактным. Раневская, мягко говоря, внешними данными не поражала, но красоту заменяло своеобразное обаяние, оригинальность мышления, юмор, несколько, правда, саркастический, с перчинкой, великолепное владение искусством слова, жеста, мимикой, разнообразие и насыщенность и даже перенасыщенность её личности. Саша подумал, что этой женщине лучше на язычок не попадаться.

Она полезла в тетрадку.

– Так вот. Эта пьеса была переделана из романа «Долгие годы» Жозефины Лоренс. Пьеса Хелен и Ноа Лири. А сценарий американки... Как бишь её... Винья Дельмар. Винья, Ноа... У американцев странные имена, вы не находите? – пожала она плечами. – Хотя, наверное, наши имена им тоже кажутся странными, – милостиво простила она американцев.

– Нет. Я ни о ком из них не слышал.

– Да в общем банальная пьеска.

– Как? Вы же сказали, что влюблены в неё?

– Дело в том...

Вечерело, но даже в августе, как отблеск белых ночей, в этих местах долго светло, темнеет очень поздно, медленно смеркается. Определить время человеку не местному, из другой области, на глазок невозможно. Нужно было успеть к ужину, однако

Раневская шла тяжело, быстро уставала и время от времени присаживалась отдохнуть на большие гранитные валуны, разбросанные по всему берегу, но предварительно просила Александра проверить, не холодные ли они.

– Вроде тёплый, – проверял он, – но не рекомендую на нём сидеть слишком долго.

Саша уже понял, что с такими остановками они будут долго добираться до Комарово.

В этот раз, усевшись, поёрзав и найдя наконец удобное положение, она, удовлетворённо вздохнув, на минуту замолчала, устремив глаза в закатное море.

Вся её фигура – профиль сидящей на камне женщины с выбившимися кое-где из-под шляпки прядками волос – напоминала скульптуру, но присущая ей природная живость не дала долго созерцать её в состоянии покоя.

– Дело в том, молодой человек, что пьеса эта о пожилой паре, и я, когда читаю роль, то проживаю целую жизнь, и мне кажется, что она была полной, прожитой до доньшка, до края, – заговорила она.

– А на самом деле? – не удержался всё-таки дерзкий мальчишка.

– А на самом деле... – Она призадумалась, затем притворно весело продолжила, глядя на залив: – Так нескладно получалось. Если любили меня, не любила я. А кого я любила – всё наоборот. Понимаете? Так в жизни часто бывает. – Раневская пронизательно взглянула на Александра. – Но любовь меня всё-таки посетила. – Она помолчала. – Даже, представьте, не однажды!

Она, наконец, кряхтя, встала с камня. Прошли несколько шагов в молчании. Раневская вдруг фыркнула, будто вспомнив что-то забавное.

– Вы удивитесь, молодой человек, но в молодости я даже получала приглашения на свидание. Одно было уморительно. Мой ухажёр прислал мне через службу записку: «Артистке в зелёной кофточке» – место, время и тут же угроза: «Попробуй только не прийти!».

Они оба засмеялись.

– И вы пошли?

Раневская отрицательно покачала головой.

– Жаль, что не сохранила это шедевр, – она вытащила из рукава платочек и вытерла глаза. – Всё-таки не так уж часто меня приглашали на свидание.

Отсмеявшись, Раневская продолжила:

– Так вот... Пьеса эта, о которой вы спрашивали, она о чёрствости детей к родителям. Вот вы же любите свою мамушку?

– Да. Очень, – удивился Александр перемене темы.

– Берегите её, молодой человек. Мама у нас одна. Никогда не предавайте её и не отказывайтесь от неё, – прочувствовано, с трагическими нотками в голосе произнесла Раневская. – Обещаете?

– Обещаю! – клятвенно заверил её Саша.

«При чём тут мать? Странная, она, право. Пожилая уже», – заметил он про себя.

Раневская прочитала его мысли. Он понял это по выражению её глаз. Они будто говорили: «Куда же девалась моя жизнь?.. Вот и этот юноша считает меня, наверное, совсем старухой...»

– Слышите, какая-то птица поёт? – Раневская опять остановилась. Стала вертеть головой, пытаясь увидеть птицу.

Саша неопределенно пожал плечами. Он не увлекался орнитологией. Дорожка, по которой они шли, петляла, то удаляясь, то приближаясь почти к самой кромке моря.

– Вот что я вам скажу, Александр, – она, прерывисто дышала, тяжело ступая и держась за его руку. Шутка ли – протопать от Комарово и теперь обратно! – Я рада, что вас встретила.

– И я очень рад. Мне слушать вас так интересно, – вежливо поддакнул Александр.

– Да? Спасибо, мой мальчик! Так вот о пьесе... – Она думала, как начать рассказ. – Речь в ней идёт о семье Куперов. Их дети – сволочи! – возмущённо вдруг воскликнула она трубным басом.

– Почему? – Саша был невольно очарован её манерой говорить, ему всё больше нравилась её ребячливость, смешливость

и откровенность, граничившая с нахальством. Он, ещё совсем юный мальчик из провинции, конечно, робел перед ней, но Раневская, как опытная актриса, чувствовала, понимала его смущение и подбадривала, располагала его к себе, казалась простой и доступной, и скоро Саша совсем забыл, что они познакомились всего час с небольшим назад.

– А кто же они ещё? Ни один из них не хочет брать родителей к себе. Отца забирает дочь, далеко в Калифорнию, а мать, меня, – она остановилась, в сильном возмущении приложив руку к вздымавшейся груди, – ждёт вообще женский приют для престарелых!

– Почему это случилось? Где старики до этого жили?

– Дома, где же ещё? Но они задолжали банку, и дом у них отбирают. Детки за обедом у родителей узнают об этом. Что тут начинается! Отпрыски не стесняются в выражениях, будто двое стариков – это старые, отжившие своё башмаки, а не их родители. И вот эту пару, нежно любящих друг друга мужа и жену, проживших пятьдесят лет вместе, бессердечно разлучают навсегда их собственные дети! Отца, как я уже сказала, увозит к себе дочь, у которой для матери не находится места даже в чулане. – Голос актрисы срывается, губы гневно кривятся. – Но Люси – так зовут мать – боится одного: чтобы отец не узнал о том, где на самом деле она проведёт остаток дней. Она умоляет сына не рассказывать отцу, что она будет находиться в приюте – «это будет первая в моей жизни тайна от твоего отца». Я в принципе никогда не имела семьи, а сейчас, когда читаю роль, мне кажется, что я всё знаю и понимаю, и я прожила с этим человеком действительно пятьдесят лет.

– А кто же будет играть отца?

– Как кто? Плятт, разумеется. Он прекрасный актёр и, что ещё более важно, прекрасный порядочный человек, – резюмировала она. – Но иногда, – она засмеялась, – он бывает страшным хулиганом. И я тоже это в нём люблю. Я и сама мастерица на актёрские шутки и розыгрыши. Такова уж наша природа. Зашёл он как-то в моё купе, когда мы ехали на гастроли. Абсолютно голый, с мыльницей на причинном месте.

Саша поперхнулся и не знал, что сказать. Вот как, значит развлекаются знаменитые актёры!

Когда она рассказывала что-то комическое, то в её тёмных, с острым взглядом, немного навывкате глазах загорались весёлые озорные искорки.

– Вам не смешно? Вы ещё скромный мальчик, а я такое несу.

Так, разговаривая, они вышли наконец к Дому творчества Комарово.

– Ну вот вы меня и привели к дому отдыха имени Анны Карениной.

– Почему Анны Карениной? – удивился Саша.

– А здесь же недалеко железная дорога. Очень удобно бросаться под поезд, – пошутила Раневская.

На лавочке, недалеко от входа, сидела грузная величественная женщина и тревожно смотрела на дорогу.

– Фаина! – воскликнула она, радостно всплеснув руками, когда они подошли ближе. – Вы где так долго пропадали? Я вся изволновалась! Вас больше трёх часов не было!

– Да я заблудилась, Анна Андреевна, немного. Но вот молодой человек мне помог и довёл меня домой. Знакомьтесь. Моего спасителя зовут Александр! Он любит Пушкина. И похож на него. Нет, правда? Похож? – теребила она подругу.

Незнакомка величественно встала со скамейки и легко потрепала Александра по волосам.

– Спасибо, молодой человек. Вы помогли сегодня самой великой Раневской.

Раневская улыбнулась:

– Вот, дорогой мой провожатый! Вам повезло сегодня познакомиться с Анной Андреевной Ахматовой.

Александр ахнул. Он сразу и не понял, что встречавшая их женщина была сама Анна Ахматова. В то время фотографии Ахматовой практически не появлялись в прессе, поэтому Александр представлял её по-прежнему тоненькой стройной девушкой, какой изображал её Альтман в начале века и какой она ему запомнилась на известном линейном рисунке Модильяни.

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...*

Он очень любил эти строчки поэта Гумилёва. Муж её, который написал ей эти стихи, был расстрелян, сын перенёс репрессии, и, кажется, они не общались. Лев Гумилёв был изумительным историком, и Саша слушал один раз его лекцию, когда тот приезжал в их город. В сущности, эти две одинокие, гениальные женщины столько воспоминаний в себе носят, дружили с великими актёрами, талантливыми драматургами, поэтами, писателями, определившими историю театра, литературы, – а в простой, обыденной жизни тоже, похоже, кроме себя самих и друг друга никому не нужны, как те двое в спектакле, о котором только что рассказывала ему, присаживаясь на прибрежные валуны, Раневская.

Александр неожиданно для себя низко склонился и поцеловал Ахматовой руку. Она не смутилась, а внимательно и царственно взглянула Саше в глаза.

– Какой вы милый юноша!

– Не хочется отпускать вас, но ваша матушка, наверное, уже беспокоится. Кланяйтесь ей и передайте, что у неё чудный сын! – как можно нежнее пробасила напоследок Фаина Георгиевна и подала ему на прощанье руку. – Благодарю-ю-ю вас, мальчик мой!

Женщины направились к зданию Дома творчества, потом обернулись, послав ему воздушные поцелуи вслед и помахав руками.

Пока Александр бежал обратно, он, находясь в совершенном смятении чувств, решил, что завтра же придёт сюда пораньше и опять увидится, а может быть, и прогуляется с двумя гениальными подругами. Но утром это уже не показалось ему такой хорошей идеей. Что он скажет? Что хочет увидеть актрису Раневскую? Возможно, у неё дела, и его визит покажется неделикатным, навязчивым. Потом он долго корил себя за то, что

не сделал фото этих знаменитых женщин. Это было бы, конечно, уникальное фото, оно подтвердило бы правдивость его рассказа, но в тот момент это казалось ему неудобным и могло бы разрушить возникшее между ними доверие. За всё время прогулки он так и не расчехлил свой прекрасный, новый, суперсовременный фотоаппарат, боясь «спугнуть» Раневскую.

Он ввалился, задыхаясь в домик, где застал встревоженную мать.

– Ну, слава богу! Саша! Ты где был? Я уже начала беспокоиться! – она вопросительно смотрела на него, ожидая вразумительных объяснений.

– Мама! Я видел сейчас Раневскую и Ахматову! Представляешь? Живых!

...Саша всё-таки посмотрел её в этой роли. «Милый мой! Единственный мой! Я всегда была счастлива с тобой. Очень счастлива, Барк. Каждый час. Каждую минуту. Все эти пятьдесят лет. Правда, Барк, я очень счастлива, что была твоей женой. Я всегда, всегда так гордилась тобой, мой дорогой!.. Прощай!» И понял, почему Раневская говорила ему о матери и отчего её часто нескладные, несчастные, смешные героини так нравятся зрителям, вырастают в память, остаются в ней и цепляют нас больше, чем высокий слог и прекрасная внешность холодных театральных красавиц. Она не играла. Она – по Станиславскому – перевоплощалась, страдала по-настоящему, жила, проживала свои крохотные роли – Мули, Мачехи, Маргариты Львовны, аккомпаниаторши. Ей надо было в это короткое время эпизода втиснуть целую жизнь, и она этого добивалась. А уж такой материал, Люси Купер, – это просто подарок судьбы! Гораздо позже, где-то в конце 90-х, когда многое из того, о чём раньше, в советское время, умалчивали, стало известным, Саша прочитал в журнале «Искусство кино», что американский писатель Драйзер вышел из длительной депрессии и запоя, увидев её в «Мечте» Ромма.

Саша вырвался в Москву и штурмовал билетную кассу Театра Моссовета. Билетов не было. Тогда он в отчаянии позвонил Раневской домой. В тот памятный вечер она оставила ему свой московский номер.

– Фаина Георгиевна? Здравствуйте!

– Здравствуйте, а с кем я говорю? – продудел голос в трубке, не сказать чтобы дружелюбно.

– Вам звонит тот Саша, который помог вам дойти от Репино до Комарово, где вас ждала Анна Андреевна Ахматова. Моя фамилия Граф! Вы меня ещё помните? – боясь, что она, не дослушав, положит трубку, выпалил он.

– Саша? Конечно, помню!

– Я приехал в Москву, чтобы посмотреть спектакль, о котором вы мне рассказывали во время нашей прогулки у моря, а билетов нет. Завтра я уезжаю. Помогите, если...

– Конечно, конечно, мальчик мой! Зайдите в билетную кассу. Я позвоню. Там для вас оставят билет.

Так он попал на спектакль. Купил букет гвоздик недалеко от театра и сидел в партере.

В ту их единственную прогулку у моря Раневская рассказала ему ещё одну из бесчисленных происходивших с нею на сцене забавных театральных историй. Играя в провинциальной антрепризе, она часто сама придумывала себе, так сказать, вводные коротенькие роли. «Я прихожу к бывшей своей барыне, которая теперь, при красных, торгует пирожками. Голод не тётка, и, надеясь на благодарность, я с ходу говорю ей то, что той хочется слышать, что, мол, по городу летает аэроплан, а в нём сидят большевики и кидают сверху записки. В листовках написано: „Помогите, не знаем, что надо делать“. Барыня радуется, в зале – хохот. Я получаю свой пирожок. Барыня выходит на минуту из комнаты, а я быстро прячу стоящий рядом, на комод, будильник под пальто. Будильник вдруг звонит на мне в тот момент, когда я прощаюсь с бывшей моей хозяйкой. Я пытаюсь что-то громко рассказывать, чтобы заглушить его звон, ору что есть сил, подпрыгиваю, топаю ногами, но будильник продолжает звенеть. Поняв, что скрыть кражу не удастся, я вынимаю его из-за пазухи, кладу обратно на комод и плачу, стоя спиной к публике; зрители в зале хлопают, а я молча медленно ухожу. И знаете, мой мальчик? Во время звона будильника, моей растерянности и отчаянья застигнутой врасплох воровки зрители не

смеялись. Они меня жалели. Как же это было дорого для меня как для актрисы! Это сострадание зрителя».

Александр смотрел и думал, утирая набухающие в глазах слёзы, что в конце жизни Фаине Раневской, этой недопонятой, недооцененной актрисе, несказанно повезло. Как раз попалась пьеса, которая раскрывала её трагикомическое дарование. Смотревшие в этот вечер вместе с ним финал спектакля зрители тоже совсем не смеялись. «Дальше – тишина...» – произносил диктор, и звенящая тишина стояла в зале. А потом оглушительные овации...

Когда, протиснувшись к сцене, он протянул Раневской цветы и крикнул что есть сил, пытаясь перекрыть своим голосом аплодисменты: «Фаина Георгиевна!» – та узнала его.

– Мальчик мой! Милый мой мальчик! Спасибо! Спасибо! Благодарю-ю-ю-ю-ю! – и всё махала ему гвоздиками, выходя на поклоны.

Зрители встали со своих мест. Зал рукоплескал им с Пляттом, и долго не смолкали крики «Браво! Браво!».

Он решил зайти к ней за кулисы. На лестнице, около гримёрных, он застал переполох. Раневская упала. Подбежали молодые артисты.... Саша слышал, как она им сказала своим басом: «Ну чего стоите, поднимайте, народные артистки на дороге не валяются!» Потом Саша вместе с ними напросился её провожать до дома. В знаменитую высотку на Котельнической. В арку во двор дома нужно было зайти между «Хлебом» и «зрелищами». Шумная компания поклонников, в которой вместе с Сашей была пара студентов театральных вузов и молодые актёры Театра Моссовета, довела Раневскую до двери. Она зашла в квартиру, усталая, с ворохом цветов. Обернулась к ним.

– Наконец я дома. Спасибо, молодые мои друзья! Очень устала. Сейчас спать.

Помахала рукой и скрылась в глубинах комнат.

Они тихонько захлопнули дверь.

На обратном пути некоторые из провожатых принялись ловить такси, кто-то пошёл пешком, а Саша ещё долго ехал по ночной Москве на автобусе и метро, добираясь на окраину

города к знакомым, у которых он остановился, и в ушах у него звучало: «Дальше – тишина...». Какая она всё-таки гениальная актриса! А тогда, во время их прогулки, она переживала, что не умеет играть любовь, сетовала, что раньше не играла таких ролей. Не предлагали. Ерунда. Она может сыграть всё!

Послезавтра, когда он вернётся в Волгоград, на вокзале обязательно купит маме цветы.

* * *

Саша ещё не мог предположить, как причудливо развернётся его судьба: будучи студентом, он начнёт работать корреспондентом в редакции информации и спорта на волгоградском телевидении, позже и в других редакциях; поступит во ВГИК, на операторский, и будет учиться в одно время с Тарковским, Михалковым, Шукшиным и Аринбасаровой. Неужели это Раневская приворожила, околдовала его, чуть приоткрыв ему тогда дверь в этот иллюзорный параллельный мир, побороть искушение войти в который было с тех пор уже невозможно?

АВДОТЬЯ-ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Кузьма с ужасом смотрел на шишку и тёмное пятно вокруг неё, с каждым днём разраставшееся на его руке. Это была смерть. Сибирка.

Люди шарахались от него. Один пожалел, посоветовал:

– Поезжай-ка ты, милоч, к Авдотье, целительнице, что в Бутырках живёт. Она вылечит.

– Травница, что ли? Знахарка? – с сомнением спросил Кузя.

– Нет. Молитвой исцеляет.

– Какой ещё молитвой? Я же коммунист.

– Ну смотри, – прищурился мужик. – Тебе помирать-то!

Собрался Кузьма. До Бутырок было недалеко. Глухая деревня в полях. Ни тебе леса, ни тебе речки, и станция далеко.

Доехав, к председателше не пошёл, а у старушки на краю села справился, где здесь живёт Авдотья-целительница. Бабушка махнула куда-то рукой.

– Коммунист, небось? – И ушла в дом.

Пошёл по направлению, стараясь, чтобы не замечали. Другую старуху, что стояла на крыльце низенького домика, увидел.

– Где бы мне Авдотью отыскать?

– Мигалину?

– Да бабушка у вас исцеляет.

– Ну! Мигалина Авдотья Емельяновна.

– Ну вот... её. – Кузьму прошиб пот. Ведь если узнают в партячейке, то, пожалуй, выгонят из коммунистов или ещё чего хуже... – Какая изба-то хоть у них?

– Старая. В вётлах, – ответила бабка и тоже почему-то ушла с крыльца в избу, затворив скрипучую дверь.

Намучился Кузьма, пока нашёл. Дело было уж к вечеру.

Постучал. Начал брехать страшный кобель. Из сеней вышла с миской маленькая благообразная худая старушка, с тёмными провалами глаз, вся в мелких морщинках, в повойнике, чистом тёмном сарафане, подпоясанном по тому месту, где была хилая грудь, верёвочным пояском.

Она подошла к кобелю. Вылила в миску остатки картофельного супа.

– Не бреши, Мурзилка. Будеть. Свои.

Сторожевой пёс довольно завилал обрубок хвоста и сунул морду в похлёбку. Ладно конура сколочена. Должно, хозяин ставил.

– Авдотья Емельяновна? Я к тебе, – затравленно произнёс Кузьма.

– Заходи, – без каких-либо признаков недовольствия ответила бабушка.

Наклонившись под низкой притолокой, зашёл в сени. Стянул сапоги. По скрипучим половицам вошёл в избу.

На лавке в избе сидели два старика. Оглянулся на Авдотью.

– Это нищие странники, – сказала она. – Садись, мил человек. Вечерять будем.

В избе было чисто. Полы намыты. Коник и лавки покрыты тряпичными половичками. В углу божница. Стол большой, скоблённый добела. На трёх окнах нарядные занавески с цветами задёрнуты. На столе деревянная солонка. От света керосинки на крюке под потолком расходились тёплые круги по избе.

Авдотья подхватила рогачом и, подложив деревянный каток, выкатила чугуна из печки с горячей ещё картошкой. Каждый брал и чистил сам. Печка белёная. С полатей глядели четверо ребят.

– Баушка, дай хлебца! – ныли они.

– Вот я вас! Вот матери всё скажу, приедет. – Она выставляла вперёд фартук и грозно била по нему сухоньким кулачком, вроде как по тверди.

Дети её не боялись и через какое-то время начинали опять:

– Баушка, дай хлебца!

– Слезайте вечерять.

Ребята скатились, хихикая, толкая друг дружку на широкие доски пола избы. Забрались на лавку, мал мала меньше.

Потоптавшись, присел к столу. Взял из чугуна картошку. Покидал из руки в руку, чтобы остыла. Пальцами чистил от кожуры.

– А чьи ребята? – спросил Кузьма.

– Внучата. Дочь в Москве. Табак на базар повезла.

Кузьма пожалел, что ничего не принёс Авдотье. Сахару пострелятам или хлеба. Знакомец, что послал его к Авдотье, наказал ничего не носить: никаких подарков, даже, мол, и не думай. Она ничего не возьмёт.

После ужина самовар поспел, уже при свете самодельной керосинки-маргаски посмотрела она распухшую тёмную руку Кузьмы.

– На заре разбужу. Молиться будем вместе. Креститься надо, Кузьма. В Бога-то веруешь? Креститься будешь? – заглянула, казалось, ему в самую душу добрыми глазами «баушка».

– Буду! – сразу почему-то согласился Кузя.

Странники и Кузьма расположились на ночлег на лавках. В свете от лампадки тихо плели истории, что где слышно, какие чудеса.

– А вот давеча слышали. Ехала баба с ярмарки. Задремала. Едет и едет. А недалеко было. Очнулась. Перекрестилась. «Господи! Что это я больно долго еду?» А лошадь с телегой стоит уж по брюхо в болоте. Вот так. Господь спас. Крестное знамение демонов отогнало.

Из темноты мерцали любопытные глаза ребят.

Под их голоса Кузьма скоро провалился в сон...

– Эй, вставай, болезный. Заря уж.

Кузьма вышел на двор. Было ещё совсем темно. Звёзды над непокрытой частью двора. Рожок луны бледнел в небе. Даже кочет в курятнике ещё только принаравливался, прочищал горло, да не кукарекал.

Бабушка встала на колени перед иконами и Кузьме сказала: «И ты вставай! Вот такую молитву за мной повторяй!» Молитва была коротенькая, и Кузьма сразу запомнил. Сквозь низкое окошко увидел, что розовеет рассвет.

Он повторял за Авдотьей и крестился, когда она крестилась. Икон было три: Спас, Богородица Казанская, Николай Угодник в углу на вышитых рушниках. Лампадка тепло моргала. Сам не знал Кузьма, как всё повторял. Крестился. Клад поклоны.

Поднимаясь с колен, он вздрогнул от обалделого крика кочета. С других дворов стали наперегонки отвечать, и скоро вся деревня наполнилась задиристыми петушиными криками.

Авдотья подоила корову Нежку, подложила ей из вязанки, что ребята, пропалывая огород, давеча нарвали, поветели со свекольник. Травы эти корова хорошо ела. Сена-то где напа-сёшься? Сено сушили и берегли в зиму. Кликнула Марусю. Из четверых внучат Маруся – старшая. Помощница. Семь годков на Рождество Богородицы будет. Та привычно погнала Нежку в Усово. В бутырское стадо их коровёнку не брали. Распорядился председатель. Овец выгоняли в колхозное стадо. Да курам с гусями высыпала из чугуна картофельные очистки. Немного погода позвала Кузьму. Указала на разлатую корзину. Притащил корзинку с сухим навозом. Авдотья растопила печь, раздула лучинки. Подбросила навозу. Дров в Бутырках отродясь не водилось. Навоз да торф и то разрешали копать ограниченно.

Каждому давали делянку. Копали, сушили, складывали там же, на делянке, кирпичиками, где копали. Когда высохнет, домой везли. Дочь ходила, копала. Авдотья уже старая. Не могла. А внучата малы. Потопнут ещё на болотах.

Мальчонка, бритый наголо, сторожил гусей. Те норовили зайти в соседскую пшеницу. Он прутом гнал их обратно.

– Как звать-то тебя? – Кузьма остановился около.

– Колька.

– А батя где?

– На заработках, – важно ответил.

– Далеко?

– Далече. – Мальчишка подтёр нос рукавом домотканой рубашонки. – Сперва в той стороне солнце встаёт. А опосля уж к нам.

– Значит, ты тут за хозяина, – пошутил Кузьма.

– Знамо дело. Окромя меня все бабы.

– Пишет батька-то?

– Пишет. Посылку прислал. Мне солдатиков-красноармейцев и свисток.

– Ну раз ты тут старшой будешь, покажи, где у вас коса?

– А вон, в сених.

Колька припустил, сверкая голыми пятками, в сени. Вытащил косу, точильный камень.

Кузьма, чтобы скоротать время до обеда, наточил косу, покосил луговину. Малый забыл про гусей. Крутился рядом.

– Дядя Кузьма! А ты лечиться пришёл?

– Да. Вот рука болит.

– Покажи.

Кузьма размотал тряпку, показал.

– Бабушка отмолит, – уверенно махнул Колька рукой. – Она коров подымает. Корова жвачку не жуёт – заболела, значит. А бабушка пошепчет, и полегчает бурёнке. Она всех болезных лечит.

Кузьма улыбнулся. Чудно!

Хозяйским глазом Кузя сразу приметил, что мужика нет, а на погляд всё справно. Огород большой. Метров пятьдесят. Поса-

жена полоска конопли. Верёвки из неё вить. А то чем связывать-то? Росла свёкла, картошка, огурцы, редька, а чуть подалее виднелся клин проса и пшеницы.

Колька убежал играть в лапту на улицу на перекрёсток. Дорога вела на Выселки и Тютчево.

– Где же хозяин-то ваш? – взопрев, вытирая лоб рукавом, спросил Кузьма Авдотью, зачерпнув кружкой, привязанной на цепи, испить из ведра, висящего на верёвке.

– Сам помер как год. А семью зятя раскулачили. Зять на Дальний Восток подался. Бурильщиком. Вот дочка одна с четырьмя и осталась. С колхозу выгнали.

– Плохо дело. Как же вы таперича? – Кузьма замер с кружкой в руке.

– Господь милостив. Управил. В хозяйство батрачить пошла.

– А за что раскулачили-то?

– А у зятева деда ещё до революции мельница была – крупорушенка. Давно уж развалилась. Знать, за то, что кулачье семья. Говорила я ей – не ходи за него замуж, и сам был против. Вожжами дочку отходил. Всё равно пошла. А раскулачивали так. Пришли к им в дом. Ходики взяли. Задник с лавки утащили. Крышу на крыльце раскрыли. Больше у ей ничаво не было. Власть. Никуды не денисся! – Бабка насупилась. – А дочка опосля всё сидела за печкой в одежде все ночи, ждала, что придуть забирать. Как их?.. Чекисты.

– Не пришли?

– Нет. Верно, не доехали. Деревня-то наша глухая. Господь помог. Отвёл беду. – И она перекрестилась. – Господи, спаси, сохрани и помилуй нас грешных!

Пообедали пустой похлёбкой. Авдотья принесла из амбара чёрный большой кирпич хлеба, отрезала всем по кусочку.

На вечерней заре тоже молились, поужинали картошкой. Самовар Кузьма помогал ставить. На следующее утро бабушка его побудила. Третью зарю помолились.

Как позавтракали, опять картошкой, плеснула ему в кружку молочка. На дорожку. Здоровый, белый с чёрными пятнами кот тут как тут, тёрся об ноги.

– Ты чяво здесь клянчишь, Пушок? А ну иди отсель. Я тебе потом налью. Бродяжить. А как исть садиться, к столу, прине-сётъ его незнамо откуда.

Кот мяукнул недовольно и гордо отошёл, свернулся клубком в углу у прялки.

– Куделю мне не путай.

Проводила Кузьму.

– Ступай, мил человек! Господь исцелить! Жив будешь.

Кузя топал через поля. Вот ведь досада. Если узнают – за-смеют. Ни тебе травы не прикладывала, ни мази. Эх! Зря только время потратил.

Разморило его, зашёл он подальше и заснул в разнотравье.

Пробудился уже ближе к вечеру. Румяный масляный блин солнца уже наполовину съели луга. Сухо стрекотали кузнечики. Должно, к ясной погоде. Кузьма лежал и думал, что надо ехать в райцентр. Туды, слышно, новый дохтур знающий с самой Ряза-ни приехал. Есть хотелось. Живот подвело. Закормила Авдотья своей картошкой. Голодно живут. Хлебца нет досыта. Ребяты вон зелёные с голодухи. Дёрнул травинку рукой, той, на кото-рой была сибирка. Боли не почувствовал. Удивился, размотал тряпку и взглянул на руку. Рука была белая, чистая. Опухоль пропала, и шишки больше не было. Кузьма сел. Пощупал руку. Погладил, ещё не веря своим глазам. Опомнившись, истово перекрестился три раза на заходящее солнце и долго ошалело и счастливо плакал.

...Осенью Авдотья прислали с оказией яблоки и бочонок мёда. Кто прислал, не сказали. Сказали только, мол, за исцеле-ние благодарность.

– Ну и слава тебе, Господи, помог Владыка наш! – Пере-крестилась и покликкала: – Колькя, Танькя, Манькя, Мар-футка!

Из избы высыпали как горошины ребята в длинных линиялых рубашонках.

– Снесите в погреб. Да не лазьте туды!

Двое стащили с телеги и поволокли холщовый мешок с ябло-ками, а ещё двое – бочонок.

– Ну, благодарствую, мил человек! А то сойди, испей водицы! Издаля, видать?

– Не. Мне ещё на Выселки, в магазин надо поспеть.

Возница посмотрел пристально на Авдотью.

– А ты, слышно, ето... Исцеляешь? Нешто и вправду?

– Не я. Господь исцеляет.

– Ну-ну! Прощевай, однако.

Мужик покрутил головой, натянул поводья, и лошадь потрусил по колее на проезжую дорогу, что вела на Выселки.

Авдотья проводила его взглядом. Оглянулась на ребячий гомон.

– Да не уроните вы, ироды! – незло прикрикнула она вслед внучатам и озабоченно засемила за ними к погребу в углу двора.

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – поэт. Член МГО Союза писателей России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 16 книг стихотворений. Награждён орденами «За вклад в литературу России XXI века» и «Золотая осень» им. С.А. Есенина, а также медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!», «Лев Котюков» и др. Лауреат премий МОО СП России им. Ярослава Смелякова, Евгения Зубова и «Золотое перо Москвии». Кавалер Золотой Есенинской медали.

Живёт в Москве.

ОСЕННИЙ ХОРОВОД

ГРОЗА В МОСКВЕ

Гроза идёт в атаку строем
И наступает, как гора –
Стихия лупит градобоем
И ливень льёт, как из ведра...

И каждый рад, и успокоен –
Спадает жуткая жара...
А город – реками затоплен,
Увы, спастись всем пора!..

Разряды молний с резким треском
Перекрывают шум дождя,
И гром с раскатистым довеском
Грохочет следом, не шутя...

* * *

Отшумело лето грозовое,
Улетели гуси на юга́ –
Плачет осень... Небо ледяное
Собирает новые снега.

Разбиваю лёд твоих сомнений
И гоню печали из души...
Я не жду ни слёз, ни откровений, –
Помолчать хочу с тобой в тиши.

На душе спокойно и уютно.
Мы танцуем, медленно кружась.
Целовать готов ежеминутно, –
Греет кровь ночной любовный джаз.

* * *

Падают листья берёзок
Золотом звонким в лесу –
Много здесь стёжек-дорожек,
Всюду я вижу красу!

Я поднимусь на пригорок,
Небо горит синевой –
Миг единенья мне дорог,
Ветер поёт надо мной.

Спелый боярышник жарко
Манит меня сквозь кусты:
– Не уходи без подарка
Мимо моей красоты!

Мой туюсок не громоздок –
Бога возблагодарю!
Слушаю шелест берёзок,
Сердцем молитву творю.

РАЗНОЦВЕТЬЕ

Пожелтели листья клёна,
Раскраснелся виноград.
Дуб всю ещё зелёный –
Знать, не страшен листопад!

Сердце любит разноцветье,
Ценит Божью доброту –
Щедро время бабьелетья
Дарит людям красоту!

ОСЕННЯЯ КАРТИНКА

Очень милую картинку
Я увидел как-то раз –
Клён любезничал с рябинкой,
Не спускал с девчонки глаз.

И багряною листвою
Шелестел о чём-то ей,
Зарываясь с головою
В грозди вспыхнувших огней.

Как она воспламенилась,
Кисти выпростав свои! –
Сердце радостно забилося
У меня от их любви.

ОСЕННИЙ ХОРОВОД

Ветер кружит листьями,
Будто бы шутя,
Ветреными мыслями
Озорно крутя.

Круговертью золота
Празднично блестя,
Веселит без повода
Ветер, как дитя!..

Льётся с неба солнышко,
Добротой горя,
Светит счастьем ведрышко,
Людам свет даря.

Паутинки нитями
По ветру летят,
Мыслями и листьями
Переполнен сад.

* * *

Пусть падают листья багряные,
Пусть птицы кричат перелётные, –
Прошли времена берестяные –
Мчат кони вперёд искромётные...

И плотность пространств уменьшается,
Дорога зовёт непроезжая,
Где жизнь никогда не кончается, –
Где вечна надежда безбрежная!..

ПАУТИНКИ ОСЕНИ

Паутинки желаний приветствуют нас!
Ветерок утешает нам сердце, –
Золотую листвою, вовлекая в свой вальс...
Никуда от любви нам не деться!..

И любви золотой не бывает сильней, –
Нет сильнее любовных желаний!..
Заискрятся глаза от игривых огней,
От безумного солнца мечтаний!

И жалей, не жалей – будешь вечно любить,
И желать бесконечного лета, –
Так устроена жизнь – чтобы с радостью жить –
В ожидании вечного света!

* * *

Есть золото радостных встреч...
И горькая медь расставаний...
И если любовь не сберечь, –
Не надо душе заклинаний.

Медь золотом не зазвонит
И чудом любви не встревожит...
Коль сердце в тоске не болит,
То встреча уже не поможет.

* * *

А осенью хочется лета
И нежной любви золотой,
Звнящего свежего ветра
В горячей крови огневой.

Уносится юность куда-то...
Бесстрастное время не ждёт –
Кленовое падает злато
И грустную песню поёт.

А хочется, хочется лета!..
И новых весёлых огней, –
И сердцу лучистого света –
Высоких небесных морей...

ПЕСНЯ ВЕТРА

Ветер носится кругами
В вихре времени живом,
То бросается снегами,
То шумит в ночи дождём.

В песне ветра бесконечной
То затишье, то порыв –
Это голос жизни вечной,
Если слышишь, значит, жив!

НОЧЬ С ГРОЗОЙ

Как плетью хлещет дождь по чёрному стеклу..
Куда пойдёшь, коль за окошком ночь?..
И до рассвета не разгонишь криком мглу, –
Банальность жизни не прогонишь прочь.

Не уходи!.. Отри, прошу, печальную слезу..
И посветлеет утром небосвод!
И пережди, мой друг, нависшую грозу, –
А дальше Бог в дорогу поведёт.

* * *

Переполняла сердце грусть
Холодной сыростью промозглой,
И я на грани мрачных чувств
Шагал один в ночи беззвёздной.

Был оглушён чугунной мглой
Пред морозящую завесой,
Что встала серою стеной
До самой лунности белесой.

Преграды волею круша,
Я шёл вперёд на свет дрожащий,
Жила надеждою душа –
И таял сумрак леденящий.

И свет заполнил грусть мою,
И звёздный мир открылся чудный –
У самой бездны на краю
Растаял в сердце мрак чугунный.

ДОЖДЛИВОЕ УТРО

Ветер брызгает каплями
С мокрых зонтов на лица –
Ходим по лужам – цаплями, –
Жаба в ботинках злится...

Жалко ботинки новые –
Переступаем лужи,
Малые и здоровые –
Прыгаем неуклюже...

ОСЕННИЕ СЛЁЗЫ

Тучи плачут без конца,
Нет от горя спасу..
В сизых лохмах без лица
Хмурая гримаса.

Край небес им нипочём, –
Проползут пониже –
Льют и льют седым дождём,
Хлюпая по жиже.

Стынут тучи от тоски,
Стонут в злой печали –
Ветер рвёт их на куски,
Чтобы замолчали.

Отчего же нынче жизнь,
Так слезой богата?
Разругалось лето вдрызг
С осенью когда-то...

ОСЕНЬЮ

Северной стужей наполнено небо,
Буйные ветры в холодных слезах...
Дайте вина! Дайте тёплого хлеба, –
И обогрейте любовью в глазах!

Не омрачайте печалью души,
Не оскверняйте уныньем сердца, –
Выпьем! – и станет нам чуточку лучше,
Сгоним улыбкой хмарь неба с лица!

НОЯБРЬСКИЙ СНЕГ

Зима является во сне,
Деревья снегом укрывая...
Уходит осень в тишине,
О нас на время забывая.

И мы к утру уже не спим,
И рады свежемому безмолвью...
В снежинках сказочных парим,
Любуясь белокрылой новью.

Пропала скука из груди,
Не оставляя сожалений...
Мы забываем про дожди –
И жаждем новых впечатлений.

Как будто бы по волшебству
Зима пришла сегодня ночью,
И мы пошли смотреть Москву,
Чтоб чудеса узреть воочью.

Заснула осень в тишине,
Укрывшись белым одеялом...
С тобой идём мы, как во сне,
Под снегопадом небывалым!

ЗИМНЯЯ МЕЛОДИЯ

Вновь кружится и падает снег,
В белый мир приглашая чудесный.
Сердцем кровь убыстряет свой бег,
Оживляя мой космос телесный.

В белых шапках еловая рать
Наступает на снежную крепость –
Здесь мальчишкам вольготно играть,
Здесь рождается сила и смелость.

Русский дух там, где крепкий мороз –
В красоте белоснежных угодий...
Хороводы весёлых берёз
Начинаются с зимних мелодий.

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – поэт. Член МГО Союза писателей России. Автор 6 книг. Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «Цветаевские костры» им. М.И. Цветаевой, «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей

Александрович», «За Победу!», а также Дипломом «Победитель конкурса “Путешествие в страну чудес”» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия». Кавалер Золотой Есенинской медали.

Живёт в Москве.

ДУША ЖЕЛАЕТ КРЫЛЬЕВ ДЛЯ ПОЛЁТА...

НЕ ПЕЧАЛЬСЯ

В минорных звуках летних дней последних
Ловлю ладошками любви лучи –
Хочу прикосновений тёплых, нежных
Божественно сияющей Свечи.

Чтоб зазвучали в сердце звуки вальса,
И в танце листья, золотом горя,
Звенели тихо мне, мол, не печалься,
А покружись под песни сентября!

Любовь незрима, но меж нас витает,
И согревает каждую ладонь,
Живую памятью в сердцах пылает,
Не остывая, как святой огонь.

Она не грех нам, а большая радость,
И не награда, а всей жизни суть.
Дарована нам Богом эта благость –
Ведёт вперёд, указывая путь.

С ЛЮБОВЬЮ К БОГУ

Куда ни глянь, ни кинь свой взор –
Кругом любви живой источник...
Весь мир – божественный узор,
Им вдохновляется художник.

Любой цветок, любой листок –
Явление чуда совершенства!
Нам мироздания исток
Несёт надежду на блаженство.

Дана нам с детства благодать!
Хранить её? Или разрушить?
Идти за правдой или лгать?..
Рассудок – или сердце слушать?

И мы живём – то свет, то тьма...
Любовь зовёт нас в путь-дорогу, –
Она – дар свыше! И сама
Ведёт нас, приближая к Богу.

СОСЕНКА

Радует красками осень,
Яркостью сочной дыша...
Кроны колючие сосен
Иглы роняют, шурша.

Сосенке хочется тоже
Дивной раскраской блеснуть,
Но быть собою дороже –
В ней дышит хвойная суть!

Дёвица будет зелёной
Даже и в холод, и в зной,
И остаётся влюблённой
В свой сарафан вековой.

Множество шишек приметных,
В буром окрасе кора –
Солнышко светит приветно
Сосенке прямо с утра...

ОСЕННЯЯ ПАЛИТРА

В огнях живой палитры дивной гаммы
Деревьев кроны создают букет,
И не найти нигде достойной рамы,
Чтоб разместить в ней осени портрет.

Так много чувств, и благодати, и света
Нам осень безмятежная дала,
Что не находишь разумом ответа –
Откуда это всё она взяла?

И мы грустим порою в царстве красок,
Но тёплым светом полнятся сердца, –
Открыты души – им не нужно масок,
Чтоб жить любовью щедрого Творца.

ПРОЩАЯСЬ С ЛЕТОМ

Под лунным взглядом –
Думы о хорошем...
Цветным нарядом,
В разноцветье схожем
С Жар-птицей яркой, –
Блещет осени парад.

Прощанье с летом
Саксофон итожит...
Под лунным светом
Будто грусть ничтожит,
И плавно в парке
Кружит пёстрый листопад.

Пылает осень
В русле позитива...
Сквер не причёсан,
Но везде – красиво!
Сонатой лунной
Полнится моя душа.

Брожу по парку
В предзакатных ласках
И клёны жарко
Горят в багряных красках –
О, как же чудно
Осень наша хороша!

РАССВЕТНЫЙ ЛУЧ

Рассветный луч, неся добро
И темень ночи растворяя,
В объятиях природы тая,
В росу влетает серебро.

Я вижу сказку за окном:
Поют плакучие берёзы,
И в неге пробуждаясь, розы
Ведут беседу со шмелём.

Природа, сколько ж в ней любви!..
Одевшись по последней моде,
Спешит к нам осень, колобродя,
Даря всем праздники свои.

Заводит ветер разговор,
И листья солнцем зажигая,
В осеннем вальсе увлекая,
Танцует чудо-фантазёр.

ЛИСТОПАД

Как мило листья в воздухе для нас
Фигурный исполняют вальс –
Вдруг переходят с ветром на кадрили,
Легко меняя танца стиль.

И вот уже танцуют классно твист,
Где каждый лист – большой артист,
А в роке-н-ролле, словно акробат,
Он повертеться очень рад.

Какое чудо – этот листопад!
Не оторвать от действия взгляд,
Заворожил мне душу хоровод,
Готова бабочкой – на взлёт!

ЗОЛОТАЯ РАПСОДИЯ

Осень разыгралась сарафанная...
И на то имеет все права –
Расцвела в узорах радость пряная,
Золотится в росписях канва.

Зашуршала листьями мелодия,
Восхищая пёстрою волной,
Чтоб надолго осени рапсодия
Задержалась в памяти живой.

МАЖОРНЫЙ ЛИСТОПАД

Отдавшись вихрю и живой мечте,
Взлетает, унесённый ветром,
Листочек клёна, сделав фуэте
С листком берёзоньки дуэтом.

Порхают, будто бабочки, вдвоём,
Куда лететь, совсем не зная...
Но, видно, не жалеют ни о чём,
Себя свободой ублажая.

Красуется в одежде расписной,
Танцует, восхищая взоры,
Осенний листопад наш золотой,
Являясь, как всегда, в мажоре.

Я в этом вихре чудно-заводном
Готова закружиться в вальсе –
В кленовом платье ярком кружевном
Хочу ловить восторг и счастье!

ЗАКАТНАЯ ВУАЛЬ

Небесная вуаль – лучей теченье,
Закат лиловый кажется вином...
И речки необычное свечение
Зовёт испить отрады перед сном.

Над горизонтом вязь багряных перьев
Кольшет в небе лунный ветерок...
Ты дышишь красотой, в чудо веря,
И чувствуешь любви живой поток!

Душа желает крыльев для полёта,
И сердце пишет новые стихи –
И вот звучит, летит восьмая нота
Через вуаль в небесные верхи...

ПАУТИНКА ЛЮБВИ

Осенний удивителен полёт
Легчайшей тонкой паутинки,
Как будто ей движение даёт
Поэт под маской невидимки.

Она, спускаясь на мою ладонь,
Рисует в воздухе картину:
Любви живой пылающий огонь –
Страстей, несущихся в пучину.

И сохнет порыжевшая трава...
А солнечный глинтвейн украдкой
Не уступает летние права
Своей изысканностью сладкой.

И чайных роз вздыхают лепестки,
Горя любовью огневою...
А паутинка у моей руки,
Конечно, прислана тобою!

ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ

Зачем, зачем я так скучаю,
И меряю шагами осень?..
Я о любви большой мечтаю,
В которой мир многоголосен.

Звенят осенние монетки,
Слетая с веток на тропинки.
Синички здесь всегда нередки,
Щебечут что-то без запинки...

В моих мечтаньях стихотворных
Я слышу музыку живую.
Под хоровод берёз узорных
Я оживаю. И ликую!..

ОСЕННИЕ СТИХИ

Хмурый дождь лил с самого утра,
Стая туч весь день кружила –
Сумрачна осенняя пора,
Холодна её объятий сила...

Ветер дул порывами в лицо,
Но изгнал сердечные печали –
Разорвал ненастных дум кольцо,
Чтоб они навечно замолчали.

Засветились солнцем облака,
Отражаясь в лужах кораблями,
И бежала к ним моя строка,
Чтобы стать осенними стихами.

Елена ДЕЕВА

Елена Анатольевна Деева – прозаик. Член МГО СП России. Родилась в Москве. Фотохудожник, историк, филолог. Автор прозы для детей и взрослых, журнальных публикаций в сборниках и периодической печати. Почётный работник общего образования Российской Федерации (2007). Награды: медали «За доблестный труд» (2007, 2015); за вклад в военную литературу и патриотические традиции Отечества: медаль «Герой Советского Союза писатель Владимир Карпов», медаль «Генералиссимус А.В. Суворов»; за верность отечественной литературе медали: «И.А. Бунин», «М.Ю. Лермонтов»; серебряная медаль Союза художников России.

Живёт в Москве.

ДВОЕ В ДЕРЕВНЕ

Рассказ

С утра, не переставая, лил дождь. Думала, совсем не поеду. Но сегодня годовщина деда. Как же его не навестить! Могилку наладить, цветы положить. Дождалась, наконец, просвета в облаках и помчалась на вокзал.

От станции до деревни всего-то двадцать минут ходу – но только не в такую погоду. Иду по большаку, перескакиваю лужи, сапожки вязнут в глинистой жиже. И несть конца и краю мучениям. Наконец – вот она, деревня!

Иду, оглядываюсь по сторонам: что ни дом, то сирота. Ни души! Не то что раньше: с утра до вечера улица оглашалась весёлыми криками ребятишек, мальчишки на велосипедах носились сломя голову, сигналили – требовали дать дорогу. Парни с девушками лихо мчались на мопедах, и куры с кудахтаньем шарахались в разные стороны. Бабки сидели на лавках, то и дело осаживали: «Сашка, отстань от брата!», «Ванюшка, слезь ссазже! Сколько тебе говорить, паршивец этакий!», «Любка, иди обедать, папка пришёл!».

А вот и морщинистая ветла с огромным дуплом, в котором мы частенько прятались. Около ветлы – разлапистая лужа. Помню, в ней постоянно барахтались соседские гуси. Мы их дразнили, а они, как матросы, вразвалочку шлёпали за нами и шипели. Хорошее было время, беззаботное.

На окраине деревни я остановилась возле старого коровника. Его пустые глазницы окон жалобно уставились на меня, словно просили помощи. Щербатые ворота еле-еле отворились, и я оказалась на той самой ферме, где когда-то девчонкой пропадала целыми днями: помогала дояркам.

Но сейчас коровник выглядит как после артобстрела: полу-разрушенные стены и кровля, заколоченные почерневшими досками проёмы окон. Подвешенные к дырявому потолку прожжавевшие абажуры ламп раскачивались и скрипели на сквоз-

няке. Ломаные трубы, как арматуры долгостроя, торчали со всех сторон. Настил между стойлами прогнил и стонал под ногами. Голуби, напуганные моим появлением, метались по коровнику, громко возмущались.

А ведь только недавно здесь суетились доярки, мычали коровы в ожидании дойки, пахло навозом. Доярки сталкивали «ценное удобрение» в желоба, по которым оно стекало в огромную, неисчерпаемую яму. Однажды в неё попал пьяный конюх Витька, еле вытянули испуганного бедолагу из тягучей трясины. Пить, правда, не бросил, но обходил «заветное место» стороной.

Мой дед, председатель колхоза-миллионера, день и ночь работал, только и думал, что о своём хозяйстве. Справедливый был, умел ободрить добрым словом, помочь. Любили его в колхозе и поддерживали.

Сердце щемило от нахлынувших воспоминаний.

...Мне десять лет, живу в Москве и с нетерпением каждый год жду лета, когда мать отвезёт меня в деревню к деду. Я, рыжая веснушчатая девчонка, в жёлтом сарафанчике и красных сандалиях, бежала по пыльной дороге к скотному двору. Скоро вечерняя дойка. В ладонках у меня – ломоть ещё тёплого чёрного хлеба для своего друга, коня Гордого. Я каждый день бегаю его навещать.

Конь и вправду хорош: высокий, серый в «яблоках». Голова высоко поставлена. Не просто конь – мечта! Ему восемь лет. Породы – орловский рысак. «Конь нрава доброго», – говорил про него дед. Действительно, Гордый – спокойный и снисходительный, особенно к детям, нежно относился ко мне. Пять лет своей жизни Гордый отдал ипподрому: каждодневные утомительные тренировки, спортивный азарт, горечь поражений и радость побед. Но однажды – травма... и всё!

Дед купил его, списанного по болезни, для сельских работ. Коня подлечили, откормили, слишком уж, по словам заведующей фермой Дарьи Марковны, «сухолодыый» был. Гордый долго «приходил в себя». Во снах он мчался мимо трибун ипподрома, подставив шалому ветру упругую грудь.

Я так любила лошадей, что готова была говорить о них день и ночь. Я вырезала картинки из газет, журналов, рисовала их, мечтала стать наездницей. У меня была «своя настоящая конюшня». Дед нарезал мне палки разных размеров, я скакала на них по двору, подгоняя хворостиной. Они фыркали, ржали, били копытами. Каждый «конь» имел свою кличку. Я задавала им сена и на верёвочке водила на водопой. Это было здорово!

Пастухи пасли на Гордом колхозных коров. Я бегала за ними в надежде, что меня покатают на этом сказочном коне. Но... дед и главный конюх Витька запрещали использовать колхозное имущество «не по назначению».

Я целыми днями канючила и уговорила-таки пастухов дать мне прокатиться на Гордом. Посадили меня на коня, а сами улеглись на травку, разморённые полуденным солнцем. Гордый сразу почувствовал, кто сидит на его широкой спине, и, как бы я не толкала его ногами, он плёлся еле-еле. «Нужна хворостинка», – подумала я. Слезла с коня, подняла с обочины дороги подходящий прутик и хотела залезть на Гордого снова, но не тут-то было! Он оказался для меня таким высоченным, что сделать это было ну просто невозможно.

Я стала искать холмик, чтобы с него хоть как-то взобраться на лошадь. Не нашла. Зато вдали увидела бежавшего ко мне конюха Витьку, он что-то кричал и размахивал руками. Я попыталась запрыгнуть на Гордого, и, как в фильме «Неуловимые мстители» («Погоня, погоня, погоня, погоня!..»), ускакать от Витьки. Но не успела: конюх «пленил» меня. Честно говоря, я думала, что он отстегает меня хворостиной, а досталось пастухам. Витька обложил их матом и пригрозил, что доложит председателю. Не знаю, что было за это пастухам, но дед молчал! Пронесло.

Как-то шли мы с дедом по деревне, видим: у колодца Витюха остервенело лупит Гордого, а тот вырывается, храпит. Я так истошно закричала, что и дед, и Витька, и конь встали как вкопанные.

– За что ж, ты его, так, родимого? – очнувшись от моего вопля, спросил дед.

– Сбросил, меня, падла! – ответил Витька.
– Нечего спьяну к нему лезть.
– А работать ты за меня будешь?
– Работать!.. Это конь работает, а от тебя, скажи, какая польза? Иди домой, проспись, в правлении поговорим. А коня оставь, сам на конюшню отведу.

Витька ругнулся, и, еле держась на ногах, поплёлся в сторону своего дома.

Дед махнул рукой:

– Мужуку сорок лет, ни семьи, ни детей. В голове одна канитель – нажраться. Никому покоя не даёт. Скотину, и ту замучил.

Гордый подошёл ко мне, уткнулся тёплыми мягкими губами в плечо и замер, моргая повлажневшими глазами. Потом, как бы застыдившись, стал благодарно фыркать и мотать головой.

– Ишь ты, спасибо тебе говорит, внученька, – улыбаясь, сказал дед.

Я была счастлива, казалось, что и веснушки радостно прыгали на моём лице.

Дед взял под уздцы Гордого, и мы, не торопясь, пошли к конюшне.

С того дня до конца лета я с Гордым виделась каждый день. Он узнавал меня, как только я входила в конюшню, тихо ржал и мотал пушистой гривой.

Конюха Витьку «проработали» на правлении колхоза за постоянные пьянки и перевели сторожем в местный клуб.

Через два года деда не стало, меня в деревню больше не привозили, дом продали. Я скучала по деду и Гордому, часто плакала в подушку.

Настали годы «перестройки». Колхозы исчезали один за другим, имущество распродавалось.

...Яркий свет в проёме дверей очертил мужскую и женскую фигуры. Головы их насторожённо поворачивались в разные стороны, оглядывая потревоженный кем-то коровник.

– Ах ты, батюшки! Никак ты, Женечка? – всплеснула руками женщина, и подошла поближе. Ну, конечно, это же доярка Дарья, Дарья Марковна. Только теперь передо мной была старуха

с одутловатым лицом и съехавшим с головы цветастым платком. Под байковым халатом торчала мятая ночная сорочка, калоши надеты на босу ногу. А помню Дарью молодой, красивой хохотушкой и певуньей.

Рядом с Дарьей покачивался мужик, заросший щетиной, в засаленном коричневом пиджаке и синих тренировочных штанах с вытянутыми коленками. Узнать нетрудно – конюх Витька. Он щерился беззубым ртом, прижимал скрюченными пальцами сигарету.

– Ну, вот, с приездом тебя, дочка! – продолжала причитать Дарья. – Долгонько ж ты не была в родных краях. Не чаяла свидеться. Гляжу в окно, кой-то, думаю, в коровник прошастал? И бегом с Витюхой сюда. Надолго ли к нам?

– Нет, Дарья Марковна, ненадолго. К деду на могилку зайти надо, прибраться. Столько лет не была!

– А у нас-то видишь, Женечка, как всё повернулось. Ни колхоза тебе, ни работы, ни людей. Из молодёжи – одни мы с Витькой и остались, – хихикнула Дарья. – Тебе-то, поди, годков двадцать стукнуло?

– Двадцать один.

– Работаешь?

– Учусь и работаю.

– Кем будешь?

– Ветеринаром. Дед так хотел.

– Дед твой хороший был. Народ его добром поминает, – присипел Витька, поднимая указательный палец.

– Дарья Марковна, а что с Гордым?

– Вспомнила? Скучал по тебе конь-то, долго скучал. А как хозяйство колхозное делить начали, так Гордый безработным стал, прям как наш Витюха, – и ткнула мужика локтём в бок.

Витька хохотнул, пульнул окурок в сторону и произнёс деловито:

– Продали тваво Гордого татарам-соседям. На колбасу продали, – тут же осёкся, и стал чесать затылок.

– Ой, дурило! – Дарья со всего маха отвесила ему увесистую затрещину.

– Ну, ты чё, Марковна! – отпрынул в сторону мужичок.

– А ничё, допреж думай, тады языком мели. Как был непутёвым, так и остался. – Марковна пошлёпала Витьку по плечу, подмигнула мне, дескать, чего с него взять, какой-никакой, а мой.

Витька расплылся в улыбке:

– Пошли к нам, Евгенья батьковна, отметим свиданьице.

– Спасибо, не могу. Пока дойду до могилы, темнеть станет, а мне к электричке успеть бы.

Добраться до деревенского кладбища оказалось делом непростым – дорога заросла травой по колено. Еле нащупала тропинку, уныло приведшую меня к могиле деда.

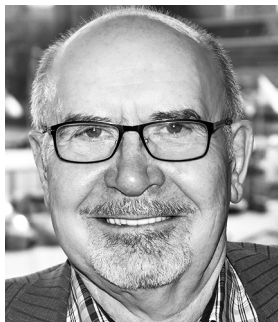
Пока я приводила её в порядок, дед от меня не отступал. В последнее время он часто болел и лежал на кровати – долго и безнадёжно. Как и все старики, он ворчал, насупив брови, иногда смеялся, утробно кашлял. Я положила на холмик цветы, выпрямилась. Дед исчез, оставляя вместо себя покой деревенского кладбища.

Это был особый покой, несравнимый с городским, где назойливо каркают вороны, покой, напоённый щебетанием ласточек и стрижей, ласкающих небо упругими крыльями.

Жара спала. Подул лёгкий ветерок, от которого ветки деревьев затрепетали, зашуршали, напоминая мне, что вечер не за горами. Пора возвращаться.

Солнце уже было готово свалиться в пылающий горизонт, но присело на крышу ветхого дома, и слушало, как оттуда доносилось надрывное пение Витьки и Дарьи Марковны.

Николай ПИРОГОВ

Николай Леонидович Пирогов – прозаик, публицист. Член МГО Союза писателей России. Родился в 1937 г. в г. Москве. По образованию инженер-строитель, закончил МИИТ в 1959 г. 18 лет работал в Якутии, ветеран алмазодобывающей промышленности «первой волны». Писать начал ещё в школе, складывая написанное «в стол». Первая официальная публикация – в газете «Правда» в 1970 г. Доктор экономических наук, профессор, Почётный работник сферы высшего образования РФ. Выпустил 10 книг повестей, рассказов и пьес. Публиковался в журналах «Наш современник», «Форум», в «Литературной газете». Неоднократный победитель конкурсов, проводимых Московской городской организацией Союза писателей России. На общественных началах курирует творческое объединение «Родные голоса» в Калининградской области. В настоящее время работает советником ректора Национального института бизнеса в г. Москве.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА

БУДЕМ ЗНАКОМЫ: УШАКОВ...

Московская больница, небольшая палата на двух человек. Один полулежит, вернее – почти сидит на кровати. Второй только вошёл: «Ну что, давайте знакомиться. Я Ушаков Виктор Семёнович». Моложавый, на вид лет шестидесяти мужчина, весёлый, уверенный, протянул руку соседу. – «Алексей» – растерянно, но приветливо с готовностью ответил шёпотом тот. Приподнялся на кровати, оторвав голову от трёх больших подушек. Рука мускулистая, массивная, да и сам Алексей крупный, складный, голова круглая, лысая («Как у Котовского», – подумал Ушаков), средних лет, выглядел случайно попавшим в эту палату.

Виктор Семёнович, пожимая его руку, слегка насмешливо спросил: «А отчество-то у вас есть? Мы же, вроде, не в Америке. Это там что к профессору, что к конгрессмену обращаются по имени. Я, кстати, профессор, доктор наук. А у нас в России традиции и порядки не те. До революции в деревне, например, хозяина, будь ему хоть восемнадцать лет, всегда называли Иван Агафоныч или ещё как...» – «Алексеевич», – ответил сосед совсем тихо. – «Ну, вот, ясно – Алексей Алексеевич. Ну, а с чем лежите-то?» – Виктор Семёнович не любил панибратства и всегда предпочитал даже с людьми намного моложе себя общаться на «вы». Кроме случаев, когда разница в возрасте была настолько велика, что на «вы» называть человека выглядело унизительно-насмешливо.

Алексей Алексеевич, как казалось Виктору Семёновичу, был моложе его лет на десять, не больше. Решил всё же уточнить его возраст. Сосед ответил сразу на оба вопроса: «Лёгкое мне удалили. Рак. Это вторая операция. Сначала – часть, оказалось – мало, а вот теперь целиком левое лёгкое. Шесть часов оперировали. Профессор сказал: очень сложная была операция.

Вчера привезли из реанимации. Трое суток там держали. Ну, а лет мне сорок семь. В день операции исполнилось. Вон видите цветы на подоконнике – жена и дети поздравили».

Видно было, как он устал, рассказывая о себе. Прикрыл глаза и, медленно поднимая правую руку, вытер вспотевший лоб. Виктор Семёнович трудности соседа не оценил. У него самого были операции в жизни не легче. Но мужик должен быть бойцом, а иначе что же он за мужик. Поразил его возраст Алексея. Удивился, даже присвистнул: «Алексей Алексеевич, да у меня младший сын такой же, а старшему – уже за пятьдесят». – «А сколько вам-то лет?» – прошептал Алексей. – «Семьдесят пять». – «Да-а, не дашь вам столько». Виктор Семёнович знал, что выглядел он моложе своих лет. Он заслужил это. Всю жизнь мучил своё тело физическими упражнениями, занимался закаливанием. Иногда, смеясь, говорил приятелям: «Я как Наполеон», а когда на него смотрели, ожидая разъяснения, продолжал: «Тот говорил, что делает со своим телом всё, что захочет». «Мучил» – говорить так было не совсем правильно. Ему нравилось то, что великий физиолог И. Павлов называл мышечной радостью: упражнения делал с удовольствием. В молодости выполнил похода, без большого напряжения разрядные нормативы по многим видам спорта. Как-то подсчитал, оказалось – больше десятка.

За свою уже долгую жизнь у него почти всё, за что брался, получалось и получалось неплохо. Работал руководителем и достиг уровня, который бы по-современному назывался топ-менеджерским. Защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Причем писать докторскую не планировал, не хотел, но однажды в одной дружеской компании, когда сказал об этом, одна из женщин вдруг заявила, что так все говорят, кто не может, у кого кишка тонка. Посчитал это оскорблением и ответил обидчице громко, чтобы все слышали: «Запомни, я через три года – доктор». В срок уложился, из опубликованной ранее монографии сделал диссертацию и успешно её защитил. Написал множество научных и публицистических статей. Потянуло заняться литературным творчеством – и это получилось

неплохо: выпустил несколько книг рассказов и повестей. И читатели, и профессионалы оценили их достаточно высоко. Ко всем этим достоинствам у Виктора Семёновича было еще одно: он умел не хуже профессионала выполнить любую ремонтную или строительную работу. Как говорится, руки у него были приделаны куда надо. Эти его способности и характер выковали соответствующий: уверенный в себе, нетерпеливый, не желающий понимать и презирающий чужие слабости, не жалеющий ни себя, ни других в достижении цели.

У больных времени свободного много, да и общая беда сплачивает, поэтому даже неразговорчивых людей тянет пообщаться. К тому же Виктор Семёнович, чувствуя себя немного писателем, старался поближе познакомиться с соседом: пригодится характер для будущих книг.

Алексей Алексеевич, уже отошедший от тяжёлой операции, охотно и с гордостью рассказывал о своей семье: «Один сын учится в институте, другой – офицер, закончил училище». На слове «офицер» сделал ударение и с гордостью посмотрел на соседа. Виктор Семёнович бросил небрежно: «А у меня один сын – полковник, другой – генерал» и тут же пояснил: «генеральный директор производственной фирмы». Алексей Алексеевич как-то сразу заметно сник и спустя минут пять спросил: «А сколько там платят?» – «Ему?» – «Да нет, работаю».

Виктор Семёнович от сына знал, что зарплата у рабочих в его фирме тысяч пятнадцать-двадцать в месяц, но, сам не понимая почему, видно, чувствуя несправедливость этой суммы, увеличил её вдвое: «По-моему, тысяч тридцать, но точно я не знаю». Алексей Алексеевич ответил сразу: «Да, по нашим временам немного». – «Алексей Алексеевич, а у вас-то как жизнь складывалась?» – «Сейчас я в РЖД охранником».

Виктор Семёнович, чтобы как-то сгладить неловкость, заметил: «Что ж, неплохо, железные дороги – крупная организация». – «Крупная? Как сказать, вы знаете, у них остались в собственности одни рельсы. Всё остальное растащили по разным компаниям». – «Да ну, вот не знал я этого. А до РЖД чем занимались?» – «Я военный, ракетчик. Закончил училище – и

начали гонять по пусковым установкам. Только как-то обустроишься, привыкнешь, служба наладится, а тут оказывается, что и ракету, и шахту по договору с американцами надо ликвидировать. Посылают на другое место. Это в девяностые... Должности не растут, и звания тоже».

«Да, – подумал Виктор Семёнович, – хорошо, если сосед дослужился до майора. Спрашивать неудобно, сам бы сказал, если б хотел».

В их маленькую палату вошло сразу четыре человека, и разговор прекратился. Это были родные Алексея: два сына, жена и невестка. Алексей преобразился. До этого скованный, напряжённый, он просто сиял. Встал с кровати, чмокнул в щёку невестку, невысокого роста миловидную круглолицую блондинку, пожал руки и полуобнял сыновей – крепких парней, похожих на отца, как грибы-боровички, выросшие рядом: плотные, плечистые, с такими же, как у него, круглыми лысыми головами. Шагнул к жене, она – к нему. Обнялись, всем телом прижались друг к другу, Алексей положил голову на её плечо и закрыл глаза, она ласково и нежно гладила его спину. Стояли этак долго. Дети без удивления поглядывали на них и вынимали тем временем из полиэтиленовых пакетов продукты и какие-то вещи.

Алексей вдруг покачнулся, жена сразу среагировала – аккуратно посадила его, опустила голову на подушки, помогла поднять ноги на кровать. Села рядом: «Алёшенька, отдохни, тебе силы надо экономить». Алексей Алексеевич лежал недолго. Вскоре оторвался от подушек, сел на кровати, лицо его порозовело, в глазах вновь появился блеск. Сыновья и невестка подошли поближе. Виктор Семёнович посчитал себя лишним среди них и поспешил в коридор, предварительно освободив от вещей свой прикроватный стул.

Через полчаса возвратился. Посетители как раз собирались уходить. Алексея Алексеевича трудно было узнать: говорить стал громче, увереннее, на ногах держался крепко, без поддержки. Тот же белый бандаж стягивал грудь, но плечи как будто развернулись и стали шире. В тот день он вообще стал ставить рекорды. Во-первых, до этого совсем не ходивший, проводил

свою семью до лифта, а это – метров сто пятьдесят. Появились у него какие-то дела, стал подолгу отсутствовать в палате. Хирург, сделавший ему операцию, дважды не застав его на месте, удивлялся (с нотками восхищения, ведь это результат его работы): «Надо же, без одного легкого, день как из реанимации, а бегаёт, как лось!»

Инициатором бесед в палате стал уже Алексей Алексеевич. Расспрашивал соседа о его жизни, о работе. Виктор Семёнович не любил болтать попусту, отвечал односложно. А когда вопросы стали касаться последних двадцати российских лет, начал потихоньку звереть. Жевать многократно пережеванную словесную жвачку у него не было никакого желания.

«Демократы развалили армию, это факт – утверждал Алексей Алексеевич, – а вы, Виталий Семёнович, были ведь недалеко от руководства, как же это вы допустили-то?»

«И это он, военный, говорит мне, штатскому», – подумал Виктор Семёнович, а вслух зло ответил: «Вас разваливали, а вы, как оловянные солдатики, брали под козырёк и бегали по пусковым установкам. Вы же присягали служить Советскому Союзу? Как же быть с офицерской честью-то?»

Алексей Алексеевич как-то испуганно посмотрел на Виктора Семёновича. Такой ярости от него он не ожидал. Хотел всего лишь поболтать на эту тему, как случилось у него уже не раз.

«Да, конечно, все виноваты», – начал он, как бы извиняясь. Но Виктор Семёнович уже «завёлся»: «Все, говоришь, виноваты?! А кто стрелял из танков по Белому дому?! Я, что ли? Ишь ты – все виноваты! Такую страну раздербанили!» И уже мысленно, про себя: «Господи, чего я с ним связался? Нашел с кем спорить. Чего он знает-то и понимает?»

Алексей Алексеевич тоже решил закончить спор мирно. Дело-то ведь ясное, он обсуждал ситуацию и в армии, и в стране со своими сослуживцами не раз и не два. Да какой толк от этих обсуждений? К тому же он очень устал. Лоб покрылся потом, руки, лежавшие вдоль тела, мелко дрожали. Тихим голосом, почти шёпотом, сказал: «Жалко только, что лучшие годы прошли зря».

Виктор Семёнович ещё не остыл: «Какие лучшие годы? Вся жизнь коту под хвост! Всё, что сделали – растащено всякими!..» Алексей, уже совсем без сил, шептал еле слышно: «Вы правы. Это так, но мы сделали главное...» Виктор Семёнович напрягся, слушая, подумал: «Это чего же мы сделали главное? Интересно...»

Алексей, отдохнув, после паузы продолжил: «Мы детей вырастили...», и замолчал, говорить дальше ему, очевидно, было уже не по силам. Эту песню Виктор Семёнович слышал уже не раз. Так рассуждали неудачники. Ничего не добившись в жизни, как о главной своей заслуге, о большом достижении, нередко с апломбом, говорили примерно так: «Хороших детей вырастили: они у нас здоровые, не наркоманы, не алкоголики». На это обычно он возражал: «А почему они должны быть наркоманами, алкоголиками или больными? Почему? Выросли обычные нормальные дети. Так и должно быть у нормальных родителей».

Понимая, что делает глупость, Алексей ведь тяжело больной человек, но не в силах сдержаться, возмущённо втолковывал ему: «Детей выращивают и животные. И делают это лучше нас, людей. Всему научат, что сами умеют. А у нас и это не всегда получается. Так чем мы лучше животных? Скажи еще, что семьи хорошие создаём».

Последняя фраза явно была лишней. Не надо было так говорить. Алексей побелел, закрыл глаза и повернул голову к стене, давая понять, что общаться далее не намерен. Спустя какое-то время он внезапно поднялся и, не глядя на соседа, молча вышел в коридор. «Погулять решил – подумал Виктор Семёнович, – пускай походит, проветрится».

Отсутствовал Алексей недолго. Открыв дверь палаты, вдруг зашатался и стал валиться на бок. Виктор Семёнович еле успел его подхватить, уложил в кровать: «Алексей, что с тобой? Что?» Алексей молчал и смотрел куда-то в сторону. Мышцы на его лице разгладились, и оно стало похоже на маску. Виктор Семёнович заглянул в его глаза и удивился – они не выражали ничего, подумал: «Птичьи глаза», выскочил в коридор к дежурной сестре: «Вызывайте врача, соседу плохо».

Буквально через минуту у постели Алексея сгрудилось несколько докторов. Коротко посоветовавшись, они тотчас отправили соседа в реанимацию. На вопрос Виктора Семёновича, что случилось, прямо отвечать не захотели, дескать, разберёмся, выясним. Но последний, выходявший из палаты, всё же сказал: – «Инсульт. И понять не можем, от чего. Всё было так хорошо. Мужик здоровый, поправлялся быстро – и вот на тебе, пойми от чего и почему».

У Виктора Семёновича вдруг защемило сердце, лег на кровать, в глазах потемнело. Сомнений у него не было, он единственный знал, отчего и почему с соседом могла случиться такая беда.

ИТАЛЬЯНЦЫ-«ЮМОРИСТЫ»

Строительство нового здания межбанковской валютной биржи застопорилось. Подрядчик – итальянская фирма, выросшая с нуля на заказах московского правительства и опекаемая руководителями городского строительного комплекса, вела себя нагло: опротестовывала проектные решения фундаментов, разработанные авторитетным российским институтом, не затрудняя себя серьёзными обоснованиями.

Проводились нескончаемые совещания, экспертизы, давались заключения. Но дело не двигалось. Наконец, было принято решение съездить в командировку в г. Милан, место дислокации фирмы-подрядчика, чтобы в спокойных условиях, используя всю техническую документацию, имеющуюся в распоряжении итальянцев, придти к согласованному решению.

Поехали трое: Василий Петрович – глава делегации и с ним два крупных авторитета в области оснований и фундаментов. С самого начала переговоров в Италии дело не заладилось. Итальянцы упорно не хотели признавать очевидные истины, учитывать наш отечественный опыт фундаментостроения, наши строительные нормы. На переговорах они были неизменно вежливы, вроде бы внешне доброжелательны, но вот русского

радушия, искренности не было и в помине. В общем, дело шло к окончательному разрыву.

И вот на второй день, когда итальянцы предложили совместный ужин, наши с радостью согласились, рассчитывая, что основополагающий российский принцип науки управления и лучшее средство сплочения коллектива – коллективная пьянка, – сработает и в данном случае без осечек.

Меж собой договорились, что надо подпоить этих итальяншек, узнать подноготную их упёртости и склонить к согласию. Задача была сложная. Все трое наших – профессора и доктора наук, закалённые жизнью, за их плечами – многие десятки таких банкетов, и умения договариваться им было не занимать. Дело осложнялось одним обстоятельством, правда, весьма существенным: все они были немолоды. Если Василию Петровичу было немного за шестьдесят, то двум остальным – хорошо за семьдесят. Но это были бойцы, согласные ради достижения успеха даже поступиться своим здоровьем. Противник же имел явное преимущество: итальянцы в среднем были моложе наших лет на двадцать.

Начался банкет. Но вот незадача. Итальянцы говорили много тостов о нашей дружбе, о том, как они любят и уважают российских коллег, но, ужасное дело, практически ничего не пили. Так, мочили губы и ставили рюмки на стол. Никакой борьбы, кто кого перепьёт, не получалось, намеченный план срывался. Правильно говорят, что затащить лошадь в воду можно, но заставить её пить – нельзя. Это мысленно говорил себе Василий Петрович, про себя проклиная итальянцев.

Да, всё пропало. Только время зря потратили. Правда, немного утешало то, что банкет оплатили хозяева. Но это было очень слабое утешение. Российская сторона губы в рюмках не мочила и пила так, как положено. Полновесных стопок пять хорошего коньяку выпил каждый член делегации, и поэтому готовность к тесному общению была с российской стороны стопроцентная.

Зная, что Василий Петрович неплохо рассказывает анекдоты, пожилые профессора тихими голосами уговаривали его использовать последнее оружие – смех. Юмор очень сближает

людей, это все знают. Итальянцы, сидящие за столом, хорошо говорили по-русски. Однако с ними находилась и переводчица – так, на всякий случай. Но работы у нее практически не было.

Василий Петрович согласился: надо попробовать. Всё равно никаких других вариантов нет. Действительно, может, удастся рассмешить итальянцев, а там глядишь – пить начнут, может быть, до чего-нибудь и договоримся. Очень важно выбрать первый анекдот. Это как первый выстрел на охоте. Если он удачный, то после него всё пойдёт как надо.

Лихорадочно думал, с чего начать. И тут ему вспомнился очень неплохой анекдот, слышанный года два назад. И он решил: «Господа, а давайте я вам расскажу анекдот». Господа оживились, их ведь тоже немного угнетала напряжённая атмосфера за столом. Согласие было полное. Все стали внимательно и заинтересованно слушать.

Василий Петрович широко улыбнулся, оглядел присутствующих, и начал: «Как-то на банкете, вот как у нас, говорились тосты. И дошли до того момента, когда уж и говорить-то нечего, всё сказано. А расходиться рано. И тосты пошли какие-то вымученные. Скучно стало. И тут встаёт один мужчина и предлагает: “Давайте выпьем за содружество мужчин и женщин, за то, что мужчина без женщины, как и женщина без мужчины, не могут жить как рыба без воды!” Все были довольны: “Великолепный тост! Вот за это надо выпить! Молодец!” – неслось со всех сторон. Чокнулись и готовы были опрокинуть рюмки, но тут внезапно встаёт женщина и говорит: “А я не согласна! Дурацкий тост!” Все уставились на неё. А она продолжала: “Ерунда какая-то: «рыба без воды», я вот живу без мужчины тридцать лет и это ваше утверждение мне непонятно”. Люди в замешательстве поставили рюмки, подумали про себя: “Противная баба, испортила тост”. Но оратор не растерялся: “Мадам, простите великодушно, а сколько вам лет?” “Семьдесят” – гордо и с вызовом ответила женщина. “Так я, мадам, имел в виду свежую рыбу”...»

Два наших профессора захохотали, украдкой показали Василию Петровичу поднятые вверх большие пальцы в знак того, что анекдот хорош, молодец. Заливисто захихикала и пере-

водчица. Итальянцы же молчали и смотрели на рассказчика. Они явно ожидали продолжения. Пауза затягивалась. Василий Петрович почувствовал себя неудобно. Так же неуютно чувствовали себя и итальянцы. Чтобы выручить российского коллегу, хозяева решили задать уточняющие вопросы: «Так разговор шёл о свежей рыбе?» – спросил один. «А порода рыбы имеет значение?» – серьёзно спросил другой. Василий Петрович ошалело посмотрел на них. Оба наших профессора разинули от изумления рты. Отвечать на эти вопросы было невозможно. Надо было как-то разруливать ситуацию.

Василий Петрович слегка потряс головой, вздохнул украдкой и бодрым голосом предложил: «Шут с ней, с рыбой. Давайте выпьем за наши успехи». Тост был принят безоговорочно. Выпили – опять только наши, а итальянцы – по маленькому глоточку. Вот так бесславно банкет и закончился.

При расставании итальянцы с энтузиазмом трясли руки русских коллег, наши тоже не скрывали радости: довольны были, что отмучились, расстались с этими «юмористами». Дело в конце концов закончилось разрывом отношений с фирмой, а как знать, будь у её представителей чувство юмора, может, всё повернулось бы по-другому, лучше поняли бы друг друга, глядишь и нашли бы выход из сложившегося положения.

СУПЕРМЕНЫ

Вадим всегда восхищался людьми, обладающими способностями и качествами, которых у него не было или явно не доставало. К этим людям он относился как к особенным, необычным. В их компании чувствовал себя немного скованно, робко, отдавал им первенство в отношениях, признавая их авторитет. При этом, обладая болезненным чувством собственного достоинства, явно это не показывал. Восхищение этими людьми он скрывал глубоко внутри, и внешне оно почти не проявлялось.

Будучи профаном в музыке и не имея способностей к изучению иностранных языков, он восхищался парнями, хорошо

играющими на гитаре или баяне, а уж если попадался ему кто-нибудь, свободно говорящий на английском или немецком, то отношение к такому человеку было сродни преклонению.

Но особое отношение было у него к людям, превосходящим его по физическим данным. Они были его кумирами. Он сам, постоянно тренируя своё не очень удачно созданное природой тело, занимаясь гантелями, закаливанием, особыми упражнениями исправляя дефект своего сердца, прекрасно понимал, что стоило этим людям достичь таких кондиций. Значительно позже, уже в зрелом возрасте, уяснил, что далеко не всем пришлось так много трудиться над своим телом, как ему. Многим прекрасные физические данные достались по наследству от родителей. Во времена его молодости, когда совсем недавно закончилась величайшая из всех войн, какие когда-либо вело человечество, физические кондиции ценились очень высоко. Слабаки на войне не выживали. Парни, вернувшиеся с фронтов, не считая раненых и искалеченных, все были крепкие и здоровые.

В те годы в Москве во всех парках культуры и отдыха, включая, конечно, и главный парк имени Горького, стояли силомеры разных конструкций. На одном надо бить кулаком так, чтобы металлическая шайба-указатель по направляющей стойке летела вверх до упора, на других – сворачивать в сторону деревянную бычью голову, а где-то – просто поднять металлическую штангу. На победителей в этих аттракционах все смотрели с восхищением. Встречались люди с уникальными способностями. Вадим помнит, как один паренёк в гимнастерке со спортивными погонами, в сапогах, на одной руке подтянулся три раза. Это было чудо. Никто не смог и одного раза подтянуться. Для Вадима это был сверхчеловек.

В институте на их курсе учился Филипп, высокий черно-волосый парень. Курчавые волосы, римский профиль и гармонично развитая мощная мускулатура выделяли его из толпы студентов. Он был спортсмен, легко выполнял нормы третьего и даже второго разряда в различных видах легкой атлетики. Кроме этого ещё и занимался боксом в полутяжёлом весе. В спортзале он выглядел красавцем. Смотреть на его тренировки было

одно удовольствие. Девушки млели, глядя на него. Парни восхищались и завидовали. Он, конечно, знал это и следил за своей внешностью. Если другие парни тренировались в чём придется: какие-нибудь старые кеды, линялые трусы, да майка, свободно висящая на плечах, которую, как правило, её хозяин использовал не только на тренировках, то Филипп был в боксёрских тапочках, красивых тонких шерстяных носочках, коротких шёлковых трусах и облегающей тело майке.

Когда он колотил здоровенную боксерскую грушу, которая сотрясалась от его мощных ударов, всем казалось, что выпускать его на ринг против реального противника вроде бы и неудобно: он же его просто сметёт, уничтожит. В общем, для студентов это был сверхчеловек, а по-иностранному – супермен, кондиции которого им не достичь никогда, сколько бы они ни старались. Особенно красив он был, когда проводил бой с воображаемым противником, так называемый «бой с тенью». Демонстрировал защиту от ударов и переход в атаку, отвечая серией ударов. Его перчатки мелькали так, что уследить за ними было невозможно. Когда он работал с тренером, держащим «лапу», вид его был тоже впечатляющий: демонстрация великолепной реакции и силы ударов, игра мышц красивого мужского тела.

Тренер был им доволен, ожидал от него больших успехов, готовил его к первым соревнованиям не торопясь. На тренировках со спарринг-партнерами предупреждал обоих работать вполсилы, удары только обозначать, не увлекаться. Все спарринги Филипп выигрывал не напрягаясь, подавляя противника быстротой реакции, прекрасным чувством дистанции и умением перемещаться по рингу. В сознании студентов, его товарищей, он прочно закрепил репутацию сверходарённого, недостижимого для них человека.

Бокс – необычный вид спорта. От всех других он отличается тем, что на соревнованиях тебе обязательно будет больно, скорее всего – очень больно, а может быть, что-то и повредится в твоём организме. Сломанные пальцы, сломанная челюсть, рассечённая бровь, сотрясение мозга – нередко встречающиеся травмы у боксёра. Есть и другие виды спорта, где тоже может

быть больно, и даже очень. Взять хоккей с шайбой – столкновения, драки на площадке – дело нередкое. Но там это не главное. Цель – забить шайбу, а не причинить боль противнику. Там можно обойтись и без боли. Но бокс – это другое дело, на ринг выходят, чтобы бить друг друга и бить больно.

И вот наступили для Филиппа первые соревнования. Они были отборочными и квалификационными одновременно. Чтобы получить третий спортивный разряд, нужно было победить несколько новичков. Лучших включали во вторую сборную команду института.

На первый бой Филиппа пришли все его друзья и знакомые. Зал был полон. Противник Филиппа – такой же новичок, как и он, пониже его ростом, приземистый гладкий парень деревенской внешности, белобрысый с добрыми телячьими глазами в мешковато сидящей на нем спортивной форме. Вадим считал, что с этого боя начнется восхождение Филиппа по пути спортивной славы, что его кумир не просто победит, а покажет высший класс, которому он соответствует. Его противника никто всерьёз не принимал, больше того, его жалели, представляя, что с ним сделают мощные удары Филиппа.

Тонг. Бой начался. Спортсмены встретились на середине ринга. И сразу же началась демонстрация мощи и превосходства Филиппа. Он играл с противником, как тигр с бегемотом, буквально порхая по рингу, а его партнёр двигался тяжело, едва уклоняясь от ударов, подставляя под его чуть ли не со свистом мелькающие перчатки то локти, то плечи, или умело входя в клинч. Филипп начал нервничать: прошло полраунда, а он ничего не может сделать с этим увальнем. Мало того, что не получают удары, которые так красиво выглядели на тренировках, так ещё хуже – этот парень всё время смотрит ему прямо в лицо, сощурился свои синие глаза, которые из телячьих превратились в стальные, холодные и немигающие. И всё-таки в конце раунда Филипп достал противника, нанеся ему боковой удар в голову. Удар был сильный, но пришелся немного вскользь, отчего левое ухо парня налилось кровью и увеличилось чуть ли не вдвое. Он потряс головой, приходя в себя.

Зрители аплодировали. Прозвучал гонг. Перерыв. Противники разошлись по своим углам.

– Ещё один такой удар пропустишь – и я бросаю полотенце. Не допущу, чтобы был нокаут. Новичок – и в первом же бою нокаут! Смешно, дурь какая-то! – говорил секундант «деревенского парня», боксёр-перворазрядник с четвертого курса.

– Не, нокаута не будет, не бойся, выдержу. Меня и не так лупили.

– Где лупили? В твоей деревне, что ли? Не болтай! Бей его в корпус! Понятно?

В другом углу – другие разговоры. Тренер внушал своему любимцу:

– Ты выигрываешь. Сильно не бей. Нокаут – это скандал. Ну, давай, отдыхай!

Подошёл к судье на ринге, своему давнему знакомому, зашептал ему на ухо:

– Слушай, Виктор, держи ситуацию! Чтобы избиения не было!

– Да ты что? Я не понимаю, что ли? Если надо будет, остановлю сразу! Успокойся!

Гонг. Второй раунд. Филипп, как на тренировке, легко двигался по рингу. Но по-прежнему его смущали глаза этого парня. Они смотрели ему прямо в переносицу, в каком бы положении он ни находился. Выполнить указание тренера Филиппу было несложно: сильных ударов не получалось. Какой уж там нокаут! О защите Филипп не заботился: «Защищаться от этого пентюха? Да что он может мне сделать?» Но тут случилось непонятное: этот увалень нанес вдруг два хлестких удара слева и справа по открытому животу Филиппа. Филипп согнулся. Нокдаун. Боль была страшная: удары пришлись в область почек. Судья открыл счёт, досчитал до семи и бой продолжался. Но рисунок его изменился. Теперь наступал этот парень. Он наносил редкие, но сильные и, видно, очень болезненные для Филиппа удары. После каждого такого попадания Филипп отвечал противнику серией ударов, которые все приходились по воздуху, после чего Филипп картинно уходил в классиче-

скую защиту, красиво прижимая голову к плечу, а локти – к туловищу.

Зрители были в недоумении. Они ничего не понимали. Бой стал походить на какое-то комедийное выступление, клоунаду. Филипп начал реагировать подобным образом не только на удары противника, а и на их обозначение, на замах, ложный выпад. Он отступал немного назад и демонстрировал свою великолепную технику: серию воображаемых ударов, нырков, уходов, глухую защиту. Второй раунд закончился для зрителей не очень понятно. Они, как говорится, не могли врубиться, что же происходит на ринге?

А в третьем раунде зал начал смеяться. Это было настоящее представление. Достаточно было резкого движения парня рукой в сторону противника, чтобы Филипп включал свою «молотилку». Зрители буквально падали от хохота. Для Вадима это было крушение кумира. Бой, конечно, Филипп проиграл. Заниматься боксом он больше не стал, сколько его тренер ни уговаривал, убеждая, что так бывает, что к боли, дескать, привыкнешь. Но Филипп не мог и не хотел привыкать к боли.

После окончания института Вадим работал в Якутии, в г. Мирном. Среди молодых инженеров, умных, симпатичных, энергичных, особо выделялся один – Игорь Зырянов. Наделённый многими талантами, он просто блистал в их среде и воспринимал это как должное. За глаза его с ласковой усмешкой называли «наш супермен», и он заслуживал этого. Парень видный, выше всех ростом, из семьи интеллигентов, отличный спортсмен с накачанными мускулами, силу и объём которых систематически замерял. Очень нравился девушкам. Когда по праздникам в компании пел арию варяжского гостя, его раскатистый бас просто сводил их с ума. Игорь чувствовал своё превосходство и в силе, и в интеллекте и поэтому относился к приятелям слегка покровительственно. Бывало, в выходные на лыжной прогулке он сразу же далеко опережал всех, останавливался, ждал, покрикивая: «Ну, вы, дохляки, когда силы-то наберетесь?!»

Как-то решили устроить лыжный поход – недалеко, километров на двадцать пять до берега Вилюя и обратно. Собрались

вшестером, женщин постановили не брать: для них это всё-таки трудновато. Вышли утром в субботу незадолго до рассвета. Планировали, не очень напрягаясь, к вечеру вернуться обратно. Путь был известен, лыжня накатана, даже места для костров были подготовлены многими, прошедшими по этой трассе. Припасов с собой взяли немного – на раз перекусить, так что шли налегке. У двоих, правда, были одностволки, но это что за нагрузка для молодых и здоровых мужиков!

Игорь, как обычно, бежал впереди, как молодой жеребец. Да и все двигались довольно быстро. Погода была прекрасная: солнце, мороз градусов 15, а для Сибири это – ерунда, лыжня скользкая, сама несёт, ветер в спину, благодать. Решили до конечной точки вообще не останавливаться. Добежали до намеченного места часа за три. Удивлялись, что по дороге никого не встретили. В выходные в этом направлении обычно двигалось немало народу. Ходили даже семьями, а тут – никого.

Немного отдохнули. Перекусили, выпили на всех бутылку водки из одной кружки по очереди, закусили солёными огурцами с варёной олениной. Полюбовались дикой нетронутой красотой огромной реки, скованной льдом, покрытым ровным слоем снега. Раз взяли с собой ружья, – надо пострелять. Пальнули по одному разу в пустую бутылку влёт метров с тридцати. Попал один Игорь. Добродушно посмеивался: «Учитесь стрелять, ребята, пока я жив!»

Ветер усиливался, пошёл мелкий колючий снег, поэтому решили не задерживаться и по-быстрому двигаться обратно. Впереди опять – Игорь. А ветер крепчал, гнал снег по насту. Лыжня стала исчезать. Но Игорь шёл впереди, как танк, за ним – все остальные. Вдруг он остановился: «Вот что, мужики, я вам не трактор. Давайте меняться, впереди пойдем по очереди!» – сказал громко, категорично, перекрикивая вой ветра. Решили: действительно, он прав, надо меняться. Как передний устанет – шаг в сторону, и первым идет следующий за ним. Прошли так недолго. Внезапно, как будто в небе что-то лопнуло, снег повалил плотной массой, и, подхваченный порывами ветра, бил по телам, забираясь в складки одежды, залепляя лицо, мешая

дышать. Солнце исчезло, лыжня была потеряна окончательно. Единственный ориентир – низкорослый лес вдалеке слева, до этого едва видимый, мгновенно был закрыт белой пеленой.

Остановились снова. Сгрудились, не снимая лыж, обнявшись, уперлись головами, кричали, но из-за воя ветра еле слышали друг друга: «Что делать будем? Не дойдём! Замёрзнем! Заблудимся!» Смотрели на Игоря, ждали, что он скажет, а он молчал. Это было непривычно, удивительно. Но молчание его быстро «расшифровали» – на этого надежды нет. В дальнейшей жизни у Вадима бывали случаи, когда в критических ситуациях люди добровольно отдавали ему власть над собой, не совещаясь и не голосуя, а здесь это было впервые. Какая-то жаркая волна прошла через их тела. Они стали мгновенно единым организмом, который должен себя спасти, не дать погибнуть, бороться. Головой, мозгом этого организма стал Вадим. Он это почувствовал всем своим нутром, это влило в него необычайные силы, уверенность, жесткость. Прошли какие-то секунды, и он принимает решение, командует, до предела напрягая и горло, и лёгкие, перекрикивая вой ветра: «Идём вперед. Ждать нельзя – подохнем. Завяжите все, что можно, запакуйтесь. Дорогу топчем по очереди. Идём к лесу, ружья и мешки оставим там». Подождал немного, пока ребята обматывали лица и шеи шарфами, завязывали и застегивали все шнурки и пуговицы. Скомандовал: «Всё! Вперёд!»

Вадим знал, и все знали, что дорога по извилистой кромке леса будет длинней километров на десять. Но если идти там, где была лыжня, то можно уйти в никуда. Тогда-то точно – конец. Пошли. Игорь шёл последним. Постоянно меняли переднего, ему было трудней всех. Пришла очередь Игоря топтать лыжню, а он не идёт. Стоит, как парализованный. Обошли его раз, другой. Когда Вадим увидел, как самый слабый их них, врач городской больницы, приехавший из Краснодарского края и на лыжах-то ходить толком не умевший, идёт впереди с искусанными от неимоверного напряжения губами, поравнявшись с Игорем, прокричал: «Попробуй только сачкануть!», и поднёс к его носу кулак в обледевшей варежке.

Поддействовало. Игорь стал, как все, топтать тропу, закрывать товарищей своим телом от встречного ветра. Но силы у них были на исходе. Во все щели в одежде набился снег. Ребята не были готовы к такому испытанию, да и одежда была неподходящая. Снег, добираясь до тела, таял и струйками вместе с обильным потом от нечеловеческого перенапряжения стекал вниз, пропитывая одежду и скапливаясь в ботинках. Пот пробивался наружу, одежда обледенела и мешала движению.

Уставшие тела кричали, молили об отдыхе, хоть на немного, хоть на пять минут. Но Вадим понимал, что остановка движения невозможна, одежда станет как скафандр водолаза и тогда – конец. И опять проблема с Игорем: сел на лыжи, потом лёг на бок. Вадим подошел, склонился над ним: «Что случилось?» – «Идти не могу, нет сил». Движение застопорилось. Встали вокруг Игоря. «Не может, пускай не идёт», – крикнул кто-то. «Черт с тобой, оставайся, замерзай!», – зло прокричал Вадим. Это подействовало. Как только двинулись, Игорь быстро поднялся и пристроился последним. Вадим понял его хитрость. И откуда только взялись силы: вышел из ряда и когда с ним поравнялся Игорь, рукой в задубевшей варежке, сжимающей лыжную палку, стукнул его по лицу. Игорь упал. Злоба на этого гнуса переполняла Вадима. Крикнул ему в ухо: «Пойдёшь как все. Понял?» Игорь лежал с закрытыми глазами. Вадим дважды наотмашь голый рукой хлестанул его по щекам: «Ты понял?» Игорь затряс головой и поднялся.

Больше казусов не было. Они шли, как им казалось, бесконечно долго. А на самом деле всего восемь часов. Добрались с обмороженными щеками и носами, но живые и без потерь. Их уже собирались искать. Когда пришли, узнали, что, оказывается, по городскому радио несколько раз передавали предупреждение о сильной метели и не рекомендовали выходить в рейсы даже автомобилям.

Носы и щёки вскоре зажили и все вроде бы пошло, как прежде: так же вместе проводили свободное время, ходили в гости, занимались спортом, но восторженность, какая-то приподнятость в отношениях, бывшая раньше, прошла безвозвратно. Все

стали как бы старше и мудрей. Игорю ни о чем не напоминали, но и восхищаться им перестали. Да и он больше не стремился выделяться, а через некоторое время как-то незаметно исчез из Мирного, уехал в другой город на хорошую работу.

Спустя много лет они встретились с Вадимом. Оба добились успеха в жизни, обзавелись семьями, но при встрече оказалось, что говорить им не о чем. Тот поход был как бы моментом истины, и они хорошо это понимали. Вежливо побеседовали минуту-другую и разошлись. И больше никогда не встречались.

Лариса КРАВЧУК

Лариса Викторовна Кравчук – прозаик. Член МГО Союза писателей России. Кандидат педагогических наук. Автор серии книг: «Навстречу мечте», «Мир музыкальных инструментов», «Волшебный камень – настоящий» и др. Печатается в литературных альманахах, сборниках и журналах по искусству, в интернет-издательстве «Горизонт». Член литературного клуба «Московитянка» при Центральном Доме литераторов, награждена медалями Московской городской организации Союза писателей России, правительственными наградами в области педагогики. Творчество композитора А.Н. Скрябина занимает особенное место в душе автора.

Живёт в Москве.

МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО А.Н. СКРЯБИНА

*105 лет со дня основания
Мемориального Музея А.Н. Скрябина*

В истории русской культуры период от второй половины 90-х годов XIX века и до 1917 года, известен как период бурного расцвета поэзии, музыки, изобразительных искусств, театра, философско-эстетических взглядов. Это время поиска новых идей принято называть Русским художественным ренессансом, или Серебряным веком русской культуры – временем поиска и воплощения.

Москва. Старый Арбат. Большой Николопесковский переулок, дом 11. По этому адресу, с апреля 1912 по апрель 1915 года, прошли последние годы жизни композитора Александра Николаевича Скрябина. Трепетное чувство пронизывает каждого, переступившего порог скромного старинного особняка. Именно здесь, в тихих арбатских переулках, зарождались идеи превращения мира в царство безграничной радости и вселенского счастья, возникали разнообразные эстетические содружества между художниками, писателями, композиторами, философами, созревали мысли о поиске нового стиля в художественной культуре. Стремление объединить в одно целое максимальное количество видов человеческой деятельности было характерно для целой эпохи Серебряного века, с его многообразием художественных течений. Каждое направление отличалось оригинальностью выражения чувств, своеобразной музыкой стиха. Всеобщий творческий подъём в художественной среде конца XIX – начала XX века нашёл отражение в творчестве композиторов – А.Скрябина, С. Рахманинова, И. Стравинского. Появились издательства – «Скорпион», «Мусажет», журналы –

«Весы», «Северные записки», «Золотое руно». Постигая философские труды, начиная с раннего христианства до Европейских философов – Ницше, Шопенгауэра, до учений своих современников – Сергея Трубецкого, Вячеслава Иванова, Владимира Соловьёва, Александр Скрябин создавал свою философию в музыке в виде поэтических и прозаически программных комментариев: «Прометей», или «Поэма огня» (1909–1910 гг.) для оркестра, солирующего фортепиано, хора. В партитуру «Поэмы огня» Скрябин ввёл нотную строчку «Luce», что в переводе с итальянского значит «свет». Подобно Брюсову, молодой композитор стремился «каждый шаг сделать великим трепетом», подобно Блоку – «жить удесятёрённой жизнью». Александр Скрябин искал объяснений смысла жизни, наполненной страданиями и несправедливостью, мечтал об апофеозе творчества, в котором отдельная гениальная личность играла бы направляющую роль. Он был убежден в том, что для идеального произведения искусства необходимо синтезировать знания из многих областей человеческой деятельности. По его мнению, личность, сочетающая в себе знания и умения из нескольких областей деятельности человека, способная к синтезу и творчеству на грани этих областей, могущественна настолько, что может претендовать на роль демиурга-творца, совершенствующего мир, продолжающего дело Бога. Этим объясняется дружба А. Скрябина с писателями, поэтами, философами, художниками.

Дом в тихом Николопесковском переулке Арбата превратился в один из центров музыкальной и поэтической жизни Москвы. Каждая встреча была пронизана полётом мысли в сферу неведомого, к поиску нового пути в искусстве.

Три поэта Серебряного века – Юргис Балтрушайтис, Константин Бальмонт и Вячеслав Иванов – составили поэтическое окружение композитора, а затем перешли в дружеские творческие контакты. Сближали их не только душевные симпатии, но и близость творческих устремлений: философский образ мысли, лирическое восприятие мира, музыкальность поэтической речи. В поэзии Ю. Балтрушайтиса А. Скрябин находил много общего с философской концепцией своего искусства. Как и Скрябин,

поэт писал о «тайном круге бытия», о мире духовном, о цвето-звуковых восприятиях. И тот и другой придавали большое значение сине-фиолетовому цвету. Неслучайно именно этот цвет преобладает в Скрябинском «Прометее». Юргис Балтрушайтис привлёк внимание Александра Николаевича Скрябина к театральным сферам. Поэт, переводчик, путешественник, дипломат заинтересовал композитора новыми течениями в театре, связанными с творчеством Г. Ибсена, А. Шницлера, консультировал А.Н. Скрябина в вопросах стихосложения.

Любимым поэтом Москвы к началу 1900 года был К.Д. Бальмонт. Поэт был одарён музыкально. Его стихи привлекали к себе таких композиторов, как С.В. Рахманинов, С.И. Танеев, Р.М. Глиэр и др. Кроме того, поэт обладал редким «цветным» слухом и постоянно общался с выдающимися художниками с М.А. Врубелем, К.А. Коровиным, В.Э. Борисовым-Мусатовым, В.Д. Поленовым...

Бальмонт утверждал, что звуки светят, а краски поют, напоминал о синтезе музыки, слова и красок. Поэтому превыше всех музыкантов он ценил А.Н. Скрябина.

В своем исследовании под названием «Светозвук в природе и световая симфония А.Н. Скрябина» К.Д. Бальмонт писал:

«Свет и звук неразъединимы в природе, но, не имея полноты ясновидения, мы только иногда это замечаем; Мы совсем не подзреваем, как мы мало видим, слышим и чувствуем. Мы не слышим прорастания трав. Деревенский колдун и краснокожий индеец слышат этот звук. Как свет отражается в зеркальностях души звуком, так звук зеркально рождает в душе свет и цвет».

В то же время, Бальмонт подчёркивал, чтобы это было, в душе должно быть магическое зеркало творческого прозрения и первородного мироощущения.

Александр Николаевич Скрябин обладал цветным слухом, как до него могучий Берлиоз, пламенный Лист, Римский-Корсаков. Цветовой слух А.Н. Скрябина выражался в том, что звуки или певучие суммы звуков, гармоний, тональностей, сочетаются с ощущением цветосвета. При этом К.Д. Бальмонт отмечал, что эта способность личная, обособленная. Поэт,

философ, учёный К.Д. Бальмонт приходит к заключению, что присутствие отдельной редкой способности у двух самых выдающихся русских музыкантов, Римского-Корсакова и А. Скрябина, является как бы первовестью новой человеческой впечатлительности, которая в будущем сумеет создать нерукотворный храм светозвука.

Удивительно возвышенно описывает К.Д. Бальмонт встречу с любимым композитором после продолжительной разлуки: *«Эта встреча навсегда сохранится в моей душе, как видение ослепительной музыкальности. Это было видение поющих, падающих лун, музыкальных звёздностей, арабесок, камней изваянных из звука»*. Движение огня. Прорывы солнца.

«Ключ души к душе. Откровенье, дошедшее с другой планеты». Исполнение Скрябина Бальмонт характеризует как «Сильную нежность. Могучую нежность».

Одна из ярких страниц в истории культуры Серебряного века принадлежит удивительному содружеству А.Н. Скрябина и Вячеслава Иванова. После знакомства с Вячеславом Ивановым А.Н. Скрябин говорил: «Какой он интересный человек... Он так близок мне и моим мыслям как никто...».

С юных лет Вячеслав Иванов мечтал о возрождении древнегреческого театра мистерий, на основе которого возникало бы «соборное» «всеискусство» будущего. Мистерия XX века, в которой должно было принять участие всё человечество, чтобы достигнуть через Мистирию новой космической стадии своего бытия.

Поэт, учёный, филолог, драматург, переводчик и знаток поэтов Древней Греции, глава русского литературного символизма как никто другой последовательно развивал идею «музыкального» в искусстве. Понятие музыки В. Иванов возводит в философскую категорию, при этом идею синтеза искусств он обозначил термином «всеискусство». В его научных музыкально-философских размышлениях о «духовном теле мира» музыке отводится главенствующая роль.

Именно в А.Н. Скрябине Вячеслав Иванов нашёл художника, способного облечь в плоть и кровь его теорию «вселенской»

Мистерии XX века. Поэт благодарил судьбу за встречу с композитором. Небывалый пыл творчества охватил В. Иванова, когда он убедился в тождестве и единстве своих и скрябинских идей.

Много и серьёзно говорили поэт и композитор о Мистерии, теоретическое обоснование которой было уже полностью подготовлено Вячеславом Ивановым и продумано в главных направлениях Скрябиным.

По их гениальному замыслу, Мистерия должна была стать действительным осуществлением всех энергий человеческого духа и даже самой природы в одном верховном событии всечеловеческого сознания.

Свое видение творчества А. Скрябина, Вячеслав Иванов определяет как тройную мысль, тройную страсть, тройной пафос:

- пафос выхода из граней личного, частичного, малого **я** – музыкальный трансцендентализм;
- пафос вселенского-соборного слияния в единое **я** всего человечества;
- пафос бурного прорыва в просторы свободного иного бытия – вселенский трансформизм.

Эти же идеи параллельно вынашивали и воплощали в театре Всеволод Мейерхольд, А. Таиров.

А.Н. Скрябину удалось подойти вплотную к практическому осуществлению идеи синтеза искусств – и не только искусств, но и путём включения в партитуру «Мистерии» звуков различных явлений природы.

По воспоминаниям Е.Ф. Гнесиной, А.Н. Скрябин говорил ей о том, что музыка «Мистерии» у него вся в голове, осталась только неприятная работа – записать её.

К сожалению, музыка «Мистерии» так и не была записана.

И всё-таки, почему Скрябина и Вячеслава Иванова привлекала именно «Мистерия»?

Ответ на этот вопрос, как утверждают учёные, заложен в истории, прежде всего античной.

Отметим, что В. Ивановым, выдающимся деятелем культуры Серебряного века, для увековечения памяти А.Н. Скрябина и

пропаганды его творчества сделано было очень много. В. Иванов создал целую «скрябиану», написав и сказав о Скрябине полно и глубоко.

К сожалению, жизнь А.Н. Скрябина оборвалась внезапно. Волна внимания, возникшая ещё при жизни композитора и достигшая кульминации в годы после его смерти, выразилась в большом количестве монографических трудов, создаваемых «по горячим следам». Их авторами зачастую были те, кто непосредственно знал Скрябина и испытал на себе гипноз его личности. С работами о Скрябине, порой близкими жанру некрологов и воспоминаний, выступили Е.О. Гунст, Б.Л. Яворский, Ю.Д. Энгель, Л.Л. Сабанеев и другие.

Е.О. Гунст говорил о том, что «каждая эпоха находит в А. Скрябине то, что соответствует её представлениям».

Глубоко проникая в философский смысл бытия, А.Н. Скрябин анализировал свои произведения, создавая вместе с музыкой и свою философию. Сочинения Платона, Канта, Шеллинга, Фихте, Шопенгауэра, встречи с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым занимали мысли композитора-философа. Этим объясняется уникальное явление его синтеза, который гораздо сложнее прямолинейного объяснения соединения музыки со словом.

В своих воспоминаниях Н.К. Рерих с сожалением говорит о том, как не оценивалась современниками сущность творчества гениального композитора, как некоторые посетители концертов пожимали плечами и даже уходили до окончания вещи. Но были и преданные ценители.

Несмотря на яростные споры вокруг творчества композитора, смыслом его жизни являлась устремленность в неведомые космические просторы, постоянный поиск нового звучания для художественного воплощения в музыке энергии Вселенной – огня, света, борьбы, мысли.

Известный ученый Н. Виеру, рассуждая об идеях Скрябина относительно сочетания звуковых, зрительных, двигательных и иных образов, высказывает мысль о том, что эти идеи были тесно связаны с пространственными характеристиками его звукоощущения: «Скрябин нуждался в подобном дополнении к

музыкальным образам не столько для их полноты, обогащения, разносторонности, сколько для утончения, рассредоточения, растворения музыкального образа в пространстве».

На одном из концертов в Большом зале Московской консерватории (1998 год) исполнялась поэма «Прометей». В переполненном зале царила атмосфера бесконечного подъёма, ощущения полёта, причастности к картине мироздания. Световые образы сливались со звуками музыки. В этом необычном таинстве душа растворялась в звуках симфонии и вела с ними незримый диалог.

ДУША И МУЗЫКА

Д: Музыка!

Ты тень?

Или видение?

М: Здесь не земля,

Не небо,

Не океан.

Д: Что здесь?

М: Здесь путь.

Д: Куда?

М: Душа! *Лети!*

Там бездны нет!

Там есть простор.

Вниз не смотри!

Лети!!!

Путь к познанию тайн музыки А.Н. Скрябина не прост. И в наши дни тема «преображения» средствами синтеза или единства искусств, в процессе взаимообогащения различных видов, остаётся неразгаданной до конца. Современные поэты пытаются уловить неземные интонации произведений композитора, философы выстраивают новые концепции, историки находят корни глубоколежащих Скрябинских воззрений.

Сборник публицистики и поэзии «Со скоростью света прямо к солнцу, в солнце...» опубликован в издательстве «У Никитских ворот» в 2012 году. Прозаики и поэты, члены клуба «Московитянка» Центрального Дома литераторов посвятили свои произведения 140-летию со дня рождения Александра Николаевича Скрябина и 135-летию со дня рождения Евгения Оттовича Гунста.

Презентация книги состоялась в известных Московских домах – в Доме 4 в Староконюшенном переулке и в Центральном Доме литераторов по адресу Большая Никитская 53. Вновь, как при жизни двух ярких представителей Серебряного века, А.Н. Скрябина и Евгения Оттовича Гунста, звучала музыка, поэты читали стихи, прозаики делились архивными находками. Уникальное содружество композитора-символиста Александра Скрябина и Евгения Оттовича Гунста – основателя Московского общества любителей камерной музыки, известного адвоката, автора первой монографии об Александре Скрябине – было представлено Полиной Рожновой и Маквалой Чочия на основе личного архива Игоря Анатольевича Гунста и его супруги Татьяны Михайловны Гунст. Для многих присутствующих имя Евгения Оттовича Гунста стало открытием.

Авторы публикаций: «Дом 4 в Староконюшенном», «Евгений Гунст, Александр Скрябин и Серебряный век», «Последние дни Александра Скрябина», «Десять сонат Скрябина», «После смерти композитора», «Беседы о поэзии» раскрыли историю усадьбы и её владельцев, начиная с 1730-х годов, открыли новую страницу в биографии двух гениев, А.Н. Скрябина и Е.О. Гунста. Обладая незаурядным талантом музыканта, Евгений Оттович как никто другой мог понять творческую личность композитора. Дом 4 в Староконюшенном переулке стал для А.Н. Скрябина домом, в котором он нашёл чуткое понимание. Произведения композитора «эльфа» (так назвал Скрябина К. Бальмонт) часто звучали в доме Гунстов. Трепет солнца, гимн композитора Александра Скрябина всему земному, вечная музыка образов, устремлённость в неизведанный простор находили здесь понимание и поддержку.

Не случайно современные поэты – Дмитрий Обрядчиков, Лариса Прашкинская, Марина Любимова, Полина Рожнова,

Людмила Максимчук, Валерия Суворова, вдохновлённые музыкой А.Н. Скрябина, посвятили свои стихи дому 4 в Староконюшенном переулке и композитору-символисту Александру Скрябину.

Под впечатлением исполнительского мастерства молодого, талантливого пианиста Павла Шатского поэтесса Татьяна Летнева посвятила Павлу стихи и эссе «Руки пианиста»: *«Огонь Вселенной и прошлого спустился с пьедестала...»*. Образы огня, необычные средства музыкальной выразительности, космичность замысла композитора нашли отражение в стихах Светланы Соложенкиной (1940–2022): *«На глазах – возникают миры, творится история. Оттенки цветомузыки переливаются, полыхают...»*. «Огневеющим цветком над бездной» увидела поэт С. Соложенкина великого композитора-символиста.

Маргарита Ногтева (1936–2013) в эссе «Скрябин и символисты» отмечала: *«Поиски поэтического языка для выражения гуманистической идеи привели композитора в стан символистов, которые поэзию воспринимали через изощёрнённую звукопись, как и музыканты, предпочитая традиционному стихосложению своего рода звукозерцание, придающее стихам особую музыкальность»*. Оригинально видение пианистки Натальи Терёхиной: «Шесть прелюдий» опус 13. Мечтательно стихотворение Марины Любимовой: «Мой Скрябин».

Размышляя о музыкально-поэтическом пространстве А.Н. Скрябина, В.В. Медушевский отмечал, что *«всё, что написано композитором – огненный прорыв к свету божественной радости. Ключ к творчеству А.Н. Скрябина – в искании откровения. Скрябин поэт необыкновенно сильной и возвышенной жажды Бога»*.

Путешествие в таинственный, неуловимый мир звука, цвета, поэзии начался у А.Н. Скрябина с его рождения. Композитор показал всему миру средство приближения *«...со скоростью света прямо к Солнцу, в Солнце», где не небо, не земля, не океан – где есть простор. Куда? На это нет ответа...»*.

Андрей ГАЛАМАГА

Андрей Аркадьевич Галамага – поэт. Родился в 1958 году. Выпускник Литературного институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Э.В. Балашова). Член МГО Союза писателей России. Автор шести книг стихотворений, пьес, киносценариев, художественных переводов. Дважды (2007, 2012) лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии». Обладатель Гран-при 1-го литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» в г. Саки, Крым (2015). Победитель международного литературного конкурса произведений о Москве «На семи холмах» (2016). Лауреат международного литературного фестиваля «Степная лира», станица Новопокровская, Кубань (2017). Лауреат Всероссийского творческого конкурса произведений о Великой Отечественной войне «Дороги фронтовые – узелки на память» (2020). Дипломант Литературной премии имени первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству» (2022). Лауреат XIII Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь» (2022).

Живёт в Москве.

ЖИТЬ БЕЗ ОГЛЯДКИ, ВПРОК

* * *

Поздняя весна весьма обманчива,
Мудрено ли – угодить на всех!
Распустившуюся мать-и-мачеху
С головой накрыл апрельский снег.

Лужи – пятнами на белой скатерти,
Город, съёжившись, продрог насквозь;
Тротуары потонули в слякоти,
На дорогах – грязь из-под колёс.

Что за дрянь погода, поглядите-ка,
Ведь вот-вот – и на пороге май, –
Разом раскапризничались нитики;
Этим только повод подавай.

Смутная тревога в гости просится.
Не пускай, гони её взашей.
Чем тебе сюрприз весны не по́ сердцу?
Звонче воздух и земля свежей.

Пусть покуда празднует обидчица,
Стает снег – останется роса.
А через неделю мир очистится
Светлым Воскресением Христа.

* * *

Кто разгадать не норовит
Чужой характер вмиг?
Но на поверку, внешний вид
Заводит нас в тупик.

Бывает, смотришь, человек –
Не человек – кремьнь;
А ищет прошлогодний снег
Или вчерашний день.

Себя он выдаст с головой
Тем, что суровый взгляд
Нацелен не перед собой,
А обращён назад.

И у него сомненья нет,
Что пролетели влёт
Пятнадцать, двадцать, тридцать лет,
Как стрелки оборот.

Мгновенье – день, минута – год,
Всё, как у всех, кажись;
Так незатейливо пройдёт
Обыденная жизнь.

Но есть лазейка – не попасть
В губительный силос, –
Попробовать, не торопясь,
Жить без оглядки, впрок.

Ложиться за полночь без сил,
Потом вставать чуть свет,
Чтоб каждый день наполнен был,
Как двадцать, тридцать лет.

На время жаловаться грех,
Что, не спросясь, бежит;
Оно лишь выдумка – для тех,
Кто им не дорожит.

Не опасайся не успеть,
Отбрось напрасный страх;
И верь, что жизнь длинней, чем смерть,
И всё – в твоих руках.

ВЕЗЕНИЕ

Кто на иронию горазд,
Кто не рисуется фальшиво,
Тот убеждался много раз:
Везенье – признак позитива.

Кто не страшится прогореть
В игре, в которой куш не мелок,
Тому не скучно даже среди
Интеллигентских посиделок.

Удобно плыть по воле волн,
Везде вести себя по форме
И исповедать эталон –
Мол, конформистом быть комфортней.

А тот, кому доступна суть,
Кто благ не ожидает втуне,
Тот запросто готов рискнуть,
Уверенный в своей фортуне.

Не каждый, кажется, поймёт, –
Те, что смогли пройти по грани,
Предвидели на шаг вперёд
И никогда не проиграли.

Живут как будто за троих,
Чем вызывают подозренье,
И недолюбливают их
За неизменное везенье.

Но всё, чего недостаёт,
Судьба подносит им на блюдец;
И те, кому всегда везёт,
Всегда последними смеются.

УСАДЬБА

Солнце июльское нынче особенно злое.
Нас не смутить. Мы отправимся в путь поутру.
Тула, Москва и Орёл изнывают от зноя;
А в Лутовинове – рай, несмотря на жару.

Тает дорога, вот-вот уж приехать пора нам;
Только чуть-чуть потерпеть – на несчётной версте
Светлые контуры стройного Спасского храма
За поворотом возникнут во всей красоте.

И неожиданно необратимое время
Вспять потечёт и волной увлечёт за собой,
Где неподвижная сень двухсотлетних деревьев
Нас от несносного солнца укроет листвою.

Скрытой тропинкою среди кустов и кореньев
Неторопливо уйдем с проторённых аллей;
Может быть, этой тропинкой влюбленный Тургенев
Савину в сад уводил от докучных гостей.

Тут ей в подарок поднёс драгоценные серьги;
Трелью своей соловей отозвался вдали.
Савинский пруд обогнув, добредём до беседки,
Где признавался писатель актрисе в любви.

Кажется, будто при нас это происходило;
Но не хватает лишь малости: вот бы узнать,
Вот бы услышать, какие слова находил он,
Чтобы красавице чувства свои передать.

Знаю, признание его не остыло поныне,
Пусть своей цели писатель вполне не достиг.
Вспомним Ивана Сергеевича и подыдем
Полные рюмки – за русский свободный язык.

ПОРТРЕТ ОТЦА

Меня воспитывал отец.
Он не умел давать поблажки,
И попускать мои промашки
Отказывался наотрез.

Случись порой созорничать,
Он на меня глядел сурово;
И я за дело и за слово
Учился с детства отвечать.

А провинись в серьёзном чём, –
Бессмысленно давить на жалость, –
Отец тогда, как полагалось,
Учил по-дедовски – ремнём.

Его мне не в чем упрекнуть;
Я был не в меру избалован,
И приходилось быть суровым,
Чтобы на путь меня вернуть.

Я с возрастом постиг вполне,
Хотя и осознал не сразу, –
Я одному отцу обязан
Всем, что есть лучшего во мне.

Я вырос лёгок на подъём,
Зазя не ввязывался в споры
И взял за правило простое –
Всегда ходить прямым путём.

От корня прорастает ствол;
И чем прочнее связь – тем круче.
Урок, что в детстве был получен,
Меня ни разу не подвёл.

И если б хоть на краткий миг
Отец внезапно возвратился,
Он бы, я думаю, гордился
Всем, чего сын его достиг.

Я с ним беседую порой;
По-прежнему он рядом где-то
И с карандашного портрета
Следит заботливо за мной.

* * *

Спешить – и не достигнуть цели,
Сражаться – и не победить.
Жить – на пределе, но на деле
Так жажду и не утолить.

Любить – до дна, не зная меры,
Не оставляя про запас.
Креститься – с безрассудством веры,
Так – словно бы в последний раз.

И в час, когда тебя к ответу
Трубящий ангел вознесёт,
Поднять глаза навстречу Свету
И поблагодарить за всё.

* * *

Елене Лыгиной

В непридуманном мире кончается лето,
Посвежело в преддверие дня Ильина.
Но покуда – листва желтизной не задета,
И дубрава до самого дна зелена;

Дышит луг ароматом полынной настойки,
И нескошенный вереск под солнцем хрустит;
У опушки галдят оголтелые сойки,
Лишь ольшаник, колышимый ветром, грустит.

Но пока холода не ложатся на травы
Сизой изморозью, вызывая озноб,
Жизнь творится по неоспоримому праву,
С торжеством пробуждаясь от утренних снов.

Заиграла зарянка залиvistым свистом,
Заходясь от восторга, забыв обо всём.
Мир, рождённый в любви, не ревнив, не завистлив,
Он живёт по завету – сегодняшним днём.

Золотой горизонт облака okayмили;
В час, когда – терпеливая труженица –
Ждет ненастья земля, в непридуманном мире
Проявляется воля Живого Творца.

ВСЕНОЩНАЯ

Земля погружена в тяжёлый сон,
Тревожна ночь и непроглядна темень.
И снова тесный храм заполнен теми,
Кто верует, что свет – не побеждён.

Взор устремив кто долу, кто горе,
Застыли все в недвижимом ожиданьи;
Весь мир притих и затаил дыханье,
Лишь теплится молитва в алтаре.

Но вот – как бы незримая черта,
Что отделяет ночь от воскресенья,
Разрушится в единое мгновенье,
И – растворятся царские врата,

Как будто бы невидимо простёр
Господь с престола руку нам навстречу.
И возгорятся восковые свечи,
И грянет тысячеголосый хор;

И хлынет необъятный свет с небес,
И разом вся вселенная проснётся,
Когда под купол трижды вознесётся:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

ДУЭЛЬ

От чистого сердца – до чистого снега
Протянут багряный рассвет; без огня
Клонится свеча; в предвкушении бега
Конь пробует землю; на хрупких санях
Ямщик дожидается, тускло уставясь
На вытаявший из-за сосен кружок,
В котором колышется, вширь разрастаясь,
Продрогшее небо. Как будто прыжок
Готово уже совершить из укрытья
На свадебный поезд; и кто-то седой
По склону взбегает с недюжинной прытью
И тут же, склонившись, трясет головой,
И сыплется иней. И все это длится
От силы какой-то десятков минут.
И снег под ногами скрипит и искрится,
И чёрное тело вдоль речки несут.

ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ СТИХИ

Читатели пишут стихи.
До пота корпят над листами;
И, вы понимаете сами, –
Стихи для них не пустяки.

Уже им давно не с руки
Чужие читать сочиненья, –
В горячем чаду вдохновенья
Читатели пишут стихи.

При случае вместе сойдясь,
До ночи читают по кругу;
И шлют комплименты друг другу,
И лесть расстилается всласть.

Готовы не есть и не спать,
Безжалостно с рифмой сражаясь;
Стараясь не выказать зависть,
Что их не спешат признавать.

А где-то поэты живут,
Храня расстоянье почтенно;
И, зная свое назначенье,
Беспечно читателя ждут.

Их строки, как воздух, легки,
Их рифмы дыханью созвучны.
Их зависть ночами не мучит;
И верят – всему вопреки,

Что всё до последней строки
Когда-то прочитано будет...
Когда-то, Бог даст... А покуда
Читатели пишут стихи.

Елена ШЕРШЕНЬ

Елена Владиславовна Шершень – прозаик, очеркист. Свою журналистскую деятельность начала в Вологде. Работала над телевизионными и радио-программами, печаталась в местных изданиях. Её произведения регулярно публикуются в центральной прессе. Лауреат престижных журналистских конкурсов. Является редактором, составителем и соавтором ряда книг. Живя и работая в Москве, не теряет связь с малой родиной. В её творчестве преобладает тема патриотизма, верности долгу, чести, гордости за историю страны, любви к малой родине. Е.В. Шершень – член Правления РОО «Вологодское землячество», член МГО СП России, Союза журналистов России, Межрегиональной общественной организации содействия развитию культуры и искусства «Содружество Творческих Сил».

Живёт в Москве.

ИЗ ГАРДЕМАРИНОВ — В ХУДОЖНИКИ

Я бью войну с размаху и без пощады.

Василий Верещагин

Будущий всемирно известный художник Василий Верещагин родился в семье предводителя дворянства в 1842 году в городе Череповце, ныне Вологодской, а тогда Новгородской губернии. Родители прочили ему военную карьеру и в 12 лет отправили учиться в Петербург в Морской кадетский корпус. Он всегда стремился быть в числе лучших. И хотя учёба Василию давалась нелегко, он не позволял себе расслабиться и окончил учебное заведение первым по количеству баллов. Знания, полученные в корпусе, среди которых были свободное владение английским, французским и немецким языками, пошли юноше на пользу. В 16 лет молодой человек совершает плавание на фрегатах «Светлана» и «Генерал-адмирал», побывал в Бресте, Бордо, Копенгагене, Лондоне. Его ждала карьера военного — традиционная для мужчин этой семьи.

Однако в 18 лет Василий заявляет родителям, что хочет стать художником. Семья была категорически против нового увлечения. Но молодой человек уволился со службы и поступил в Петербургскую Академию художеств.

В двадцать один год юного мастера награждают золотой медалью за академическую работу «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом». Но ему не нравилось изображать на картинах античный идеализм, он уже тяготился классической школой, которую преподавали в Академии. Художник сжигает свою картину, покидает Академию и уезжает на Кавказ.

Некоторые биографы отмечают, что этот год Василий вёл нищенское существование. Вскоре благодаря неожиданному наследству художник едет во Францию. В Париже Верещагин

становится учеником художника Жан-Леон Жерома в Парижской Академии изящных искусств и усердно впитывает новые знания. В 1866 году 24-летний Василий Верещагин впервые представляет свои картины обществу: в Парижском художественном салоне – серию работ с Кавказа. Выставка увенчалась успехом.

* * *

Верещагин часто объединял свои картины в отдельные циклы, имеющие законченный сюжет. Его жизнь делилась на периоды-путешествия, к которым подвизывались серии картин. Так появились знаменитые серии исторических картин – Туркестанская, Балканская, цикл произведений, посвящённых Отечественной войне 1812 года. И всегда при покупке картин он ставил условие – неделимость серии.

Туркестанскую серию он написал под впечатлением от пребывания в Средней Азии в 1867–1870 годах. Там он впервые участвовал в военных действиях. В качестве вольноопределяющегося был прикомандирован к русской армии, стоящей на русско-китайской границе в Туркестане. Именно этот год стал датой рождения того художника Верещагина, которого мы знаем сейчас. Он поступил прапорщиком в распоряжение туркестанского генерал-губернатора и командующего Туркестанским военным округом Константина фон Кауфмана. Участвуя в боях, проявлял необычайную смелость и решительность, «на всех вылазках был впереди», как сообщают современники, часто бывал на волосок от смерти.

«Война как магнит тянула его, – рассказывает директор череповецкого Мемориального дома-музея Верещагиных Любовь Маликова. – В 1868 году Кауфман и Верещагин прибыли в Самарканд. Оттуда Кауфман поехал добивать войско эмира, оставив в гарнизоне 500 солдат, из них половина – раненые. Верещагин как художник изучал местную архитектуру, зарисовывал мечети, а как военный – понимал всю напряжённость обстановки».

И вскоре началось восстание: две сотни российских солдат защищали крепость от 20-тысячного войска. Гарнизон готовился умирать. И тут рисовальщик Верещагин взял командование на себя. Крепость отбили. Когда Кауфман вернулся в Самарканд, солдаты признались: «Если бы не Василий Васильевич, нас бы здесь уже не было». Генерал так расчувствовался, что отдал Верещагину свой Георгиевский крест. Это была единственная награда, которую художник принял и носил. Хотя всю жизнь отрицал всякие награды.

Позже он напишет в воспоминаниях: *«Страстной любви к Востоку у меня не было, черт побери. Там было свободнее, вольнее, чем на Западе. Вместо парижской мансарды или комнаты на Среднем проспекте Васильевского острова у меня была киргизская палатка, вместо натурщиков – живые люди. Картины являлись сами собой, я не искал их».*

* * *

Пожалуй, главным событием творческой биографии Верещагина стала его Балканская серия – о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Во время работы он дважды приезжал из Парижа на места боевых действий. За два года написал несколько десятков холстов. Исследователи его творчества пишут, что он работал в состоянии сильного нервного напряжения, не давая себе передышки, почти не отлучаясь из мастерской и никого не допуская в неё.

В этих полотнах он выступал не только как художник, но и как гуманист: негодовал против зверств турецких башибузуков, «которые жалости к “урусам” не испытывали», скорбел о бессмысленной гибели русских солдат. А генералы, готовившие взятие крепости, самоуверенно доносили в Петербург: «На Шипке всё спокойно». Но Верещагин видел совсем другое – там, на Шипке солдаты гибли и замерзали. Это так потрясло мастера, что он пишет триптих «На Шипке всё спокойно», на котором изображён забытый начальством замётённый снегом часовой.

В зимние месяцы 1877–1878 гг. Василий Верещагин вместе с отрядом «белого генерала» Михаила Скобелева (так его называли в войсках за появление в сражениях в белом мундире и на белом коне) совершил переход через Балканские горы и участвовал в решающем бою на Шипке у деревни Шейново. Победа! Ура! Генерал Скобелев объезжает русские войска, освободившие болгарский народ от турецких поработителей. Мелькают в воздухе шапки, а на первом плане разбитые орудия, траншеи, ещё не убранные замёрзшие тела погибших русских солдат устилают заснеженное поле на переднем плане картины. Эта картина «Шипка-Шейново. Скобелев под Шипкой» завершает его масштабную серию. Дорогой ценой досталась победа над врагом. В свите генерала, рядом со знаменосцем, в белой куртке изображен сам художник. В результате в Балканскую серию вошло около тридцати картин.

В конце войны Верещагин был представлен к награждению «золотой шпагой», однако от награды отказался. А впоследствии говорил, что «слишком много видел в те дни и перечувствовал для того, чтобы по достоинству оценить всю мишуру славы человеческой».

Балканская серия была продемонстрирована в Лондоне и Париже в 1879 году, в Петербурге в 1880-м и в Москве в 1883-м годах. С 1881 по 1891 гг. она экспонировалась во многих городах Европы и Америки. Для того, чтобы максимально усилить эмоциональный эффект воздействия работ на зрителей, Верещагин демонстрировал картины без дневного света, на чёрных стенах, при ярком электрическом освещении и звучащей музыке. Для посетителей выставки это было потрясением: «Живые, как жизнь», картины Верещагина «поражали, трогали, ужасали, сражали... Не было почти никого из публики, кто бы не вытирал слёз», – писал один из друзей художника.

* * *

Масштабный цикл Верещагина об Отечественной войне 1812 года создавался около 15 лет. Выделяются циклы о пре-

бывании французской армии в Москве, бегстве французов из России, партизанской войне. Особенность его стиля – достоверность. Недаром французы признали, что верещагинский Наполеон из серии полотен «Наполеон в России» ближе всех к оригиналу.

Затем по результатам поездок появляются в разные годы индийская, палестинская, японская серии. Во время путешествий по Русскому Северу Верещагин увлекся историей российского деревянного зодчества и написал серию этюдов, изображающих деревянные северные церкви.

* * *

Верещагин никогда не расставался с рабочим блокнотом для зарисовок. Карандашом художник владел виртуозно. Делал огромное количество рисунков местности, архитектурных деталей, этнографических типов. Все его картины начинались с этих зарисовок. 31 марта 1904 г. в 9.34 утра Василий Верещагин сделал свой последний набросок в блокноте.

В возрасте 62 лет художник вместе с 700 матросами и офицерами и в их числе с адмиралом Степаном Макаровым погибает на броненосце «Петропавловск», который был подорван японской миной под Порт-Артуром. Санкт-Петербургские ведомости от 8 апреля 1904 писали: «Весь мир содрогнулся при вести о трагической гибели В. Верещагина, и друзья мира с сердечной болью говорят: *«Ушёл в могилу один из самых горячих поборников идеи мира. Макарова оплакивает вся Россия; Верещагина оплакивает весь мир»*».

* * *

Василий Васильевич не любил, когда его называли художником-баталистом, сам он себя называл критическим реалистом. Он совершил революцию в батальном жанре живописи, где до той поры изображались лишь торжественные сцены побед, триумфы полководцев, апофеозы героев. Его волнуют преступная

бессмысленность войны, зверства, большая цена победы. Отсюда многочисленные запреты на его картины. Его сын Василий Верещагин в своих воспоминаниях писал: «Воздействие картин на зрителей было столь сильно, что вызывало озлобление и опасения у милитаристов. Известно, например, что фельдмаршал Мольтке, побывав на выставке картин Верещагина в Берлине в 1882 году, отдал приказ, воспрещающий чинам германской армии посещать эту выставку. Такое же запрещение было отдано австрийским военным министром, отклонившим предложение Верещагина предоставить чинам гарнизона бесплатный доступ на выставку картин в Вене в 1881 году».

Вся мировая общественность тогда в литературе обсуждала Льва Толстого и его «Севастопольские рассказы», а в живописи – Василия Верещагина. Полемика вокруг картин Верещагина шла не только в печати, они активно обсуждались в домах, в клубах, в театрах. Эстету Бенуа полотна Верещагина представлялись антиэстетичными. По его мнению, Верещагин не был никогда художником, *«но вся его неутомимая, бескорыстная, беззаветно преданная науке и “видимой правде” личность не лишена известной грандиозности и принадлежит к самому значительному и достойному, что в этом роде дала Россия»*. Илья Репин назвал Верещагина гражданином-деятелем, сверхчеловеком, обладателем универсальных дарований. Художественный критик Федор Булгаков уточнил: художник-антимилитарист, путешественник, писатель, этнограф, герой войны. Все титулы уместны, но главный всё же – Художник.

* * *

Художник был и одарённым литератором, автором книги «На войне в Азии и Европе. Воспоминания», большой интерес представляют также его «Избранные письма». Всего из-под пера Василия Васильевича вышло 12 книг, множество статей, как в отечественной, так и в зарубежной прессе. Чтение книг, написанных Василием и Александром Верещагинскими о Русско-турецкой войне, его подробные, точные живописные описания

войны так же, как и его картины доходят до глубины души, заставляют сопереживать.

* * *

Важно понимать, в какой семье воспитывался Василий Верещагин. Его братья, выбравшие военную стезю, тоже были сильными, талантливыми личностями и настоящими патриотами своего Отечества. Пятеро сыновей Верещагиных известны каждый в своём деле, хотя из всего дворянского семейства Верещагиных мировую известность получили братья Николай и Василий. Старший, Николай, стал основоположником промышленного молочного производства в России, основателем первых русских сыроварных и маслодельных артелей в России, прославился как создатель «Вологодского масла». Благодаря ему Вологодский край стал известен далеко за пределами страны.

Если Василий прославился как известный художник, не лишённый и литературного дара, то другой из братьев Верещагиных, Сергей, тоже неплохой рисовальщик, писавший прекрасные стихи, геройски проявил себя в ратном деле. Воевал и был ранен ставший литератором самый младший – Александр. Он участвовал в сражениях с турками, получил ранение при штурме Плевны, был награждён золотым оружием, вышел в отставку в чине генерала. Помогал брату в устройстве выставок в европейских столицах. Он очень убедительно и точно описал военную жизнь в книгах. И только Михаил посвятил себя усадьбному хозяйству.

* * *

Когда в апреле 1877 года Россия объявила Османской империи войну, три брата, Василий, Сергей и Александр, стали добровольцами. Василий был причислен к штабу русских войск и в апреле этого же года выехал из Парижа в действующую армию. Он стал чуть ли не первым раненым в бою кораблей на

Дунае и затем едва не умер от гангрены в госпитале в Бухаресте. Там его навестил брат Сергей и тоже остался на войне в качестве ординарца генерала Михаила Скобелева. Здесь во время осады Плевны, важной крепости, открывавшей русским войскам путь на Константинополь, перед боем 18 июля 1877 года Сергей встретился со своим вторым братом Александром, который также приехал на войну и тоже был ранен в первом же для него бою, как раз 18 июля. Василий успел повидать его на перевязочном пункте. На том самом, который позже запечатлел на своей картине «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной».

При Скобелеве Сергей Верещагин выполнял самые трудные и опасные поручения. Когда из палатки генерала доносилось: «Позвать Верещагина!» – это означало, что задание особенно рискованное. Сергей Васильевич проявлял на войне необыкновенные храбрость и бесстрашие, ненавидел турок за их зверства. Он считал, что на полях Болгарии русские завоёвывают не только независимость болгарам, но и нравственную силу общественного самосознания самим себе. Им восхищался сам Александр Суворов.

8 сентября 1877 года оба брата участвовали в штурме Плевны. Во время третьего штурма Плевны отчаянный ординарец не вернулся с очередного опасного задания. Василий Васильевич после боя искал его на поле мёртвых, но не нашёл. Позже художник запечатлел это поле на своем полотне «Побеждённые. Панихида».

Кстати сказать, Сергей Верещагин послужил прототипом героя романа Бориса Акунина «Турецкий гамбит». А одна из сцен фильма «Турецкий гамбит», действие которого происходит во время Русско-турецкой войны, воспроизводит картину Верещагина «Побеждённые. Панихида по убитым».

* * *

Все свои выставки Верещагин выстраивал сам, неизменно дополняя экспозицию предметами быта, оружием, украшениями, привезёнными из многочисленных путешествий. Он обы-

грявал дневной и электрический свет. Выставки сопровождались русской музыкой, пением. Это было очень необычно для того времени. По всему миру состоялось более 60 персональных выставок художника, каждая из которых собирала сотни тысяч посетителей.

«Василий Васильевич даже был выдвинут на Нобелевскую премию мира, – продолжает искусствовед Любовь Маликова, – но “Нобеля” ему не дали: по Европе ходили слухи, что Верещагин шпионит в пользу России. Мы не можем этого опровергнуть. Такое вероятно – ведь даже Пушкин, отправляясь на Кавказ, имел задание от дипломатического департамента. А Верещагин очень хорошо разбирался в мировой политике. Когда он первый раз в 1903 г. приехал в Японию, то, заметив за собой слежку, тут же вернулся в Россию и счёл нужным предупредить наше правительство, что возможна война...».

* * *

Приёмную Студии художников имени В.В. Верещагина МВД России, украшает большой графический портрет Василия Верещагина, выполненный народным художником Российской Федерации Вячеславом Желваковым. *«Художник Желваков показал превосходное владение историческим образом. Выполненный им портрет в смешанной графической технике, тронутый бархатистым чёрным углём, сочетает простоту и парадность, от него веет силой военных событий и духом истории XIX века. Он завораживает мощью и красотой неординарной исторической фигуры русского художника Верещагина», –* считает главный хранитель художественного фонда Студии, искусствовед Анастасия Лиховцева. *«Мы, художники Студии, – подчёркивает Желваков, – тоже ездили в горячие точки, чтобы рисовать историческую правду. То, что Студия носит имя военного художника – очень символично».*

И, действительно, творчество художника можно сравнить с опасной работой военного корреспондента. Большинство его работ создано непосредственно с натуры, по личным впечат-

лениям. На вопросы знакомых о том, что толкает его в гущу военных событий, Верещагин отвечал, что необходимо самому прочувствовать то же, что чувствуют люди в сражениях, иначе картины будут ненастоящими. По словам его современника искусствоведа Григория Островского: *«Не романист-психолог и не занимательный рассказчик – Верещагин был по складу своего дарования художником-документалистом, “специальным корреспондентом” русского искусства на театрах военных действий. Своё призвание он видел в том, чтобы стать историком современности, поведать людям правду о войне и тем самым возбудить ненависть к ней».*

Основная часть наследия Верещагина хранится в собраниях Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея. Предпочтя военной карьере искусство, он осуществил революцию в живописи.

Евгения ГРЕБЕНЩИКОВА

Евгения Борисовна Гребенщикова – поэт. Родилась в Москве, окончила Московский государственный историко-архивный институт. Автор книги стихов «Голос мой» (М.: ИПО «У Никитских ворот», 2009). Публиковалась в газете «Московский литератор», в журнале «Вестник библиотек Москвы», в сборнике стихов «Стихи.ру», альманахах «Литературные россыпи» (1 и 2 выпуски).

Награждена дипломом имени В.В. Маяковского в номинации «Я – гражданин» за стихотворение «Трава одичанья багула» (2010). Член МГО СП России.

Живёт в Москве.

СЧАСТЬЕ — ЭТО ЖИТЬ В ЛАДУ С СОБОЙ...

* * *

...волнушек розовый подол...

Ольга Фокина

Когда зимой на суп замочишь
Сушёных горсточку грибов,
Вдохнёшь их запах, нету мочи,
Как тянет в лес, он без углов...
Покою, волей надыхаться,
Послушать птиц, увидеть вновь,
Как будет солнышко держаться
За паутинки пауков...

А прошлым летом придорожной,
Кирпичной шляпке посвятив,
Канкан сплясала невозможный,
Дедка при этом рассмешишь.
Свой танец объяснить пыталась,
Мол, тут красивейший грибок.
Он мимо шёл, а мы встречали
Родителей... Всё так, сынок?!

СЧАСТЬЕ НА ЗАМЕТКУ

Сяду на крыльцо,
Улыбаюсь солнцу.
Облака кольцом
Окружили сосны.

Ветер-ветерок
Скинул сливы наземь.
Помогай, дружок,
Собирай их разом.
Лепестки космей –
Жадные ладошки.
В удивленье шмель:
Маловато, крошки!
Запишу бегом
На листочке в клетку.
Всё, что есть кругом –
Счастье на заметку!

* * *

Листья полетели вверх –
Непогода...
О листве забудь на полгода.
В плен возьмут дожди,
Хлябь и слякоть,
Но зато с дождём легче плакать.
Расскажу ему, как всё было,
Отчего душе так постыло...
Смоет дождик грязь.
Всё в порядке.
Убегу в декабрь без оглядки.

ОБО МНЕ

Я точно не роза, с шипами, при власти,
Не лилия томная в чувственной страсти,
Не гордый осанкой своей гладиолус,
Не астра, не ландыш, не царственный лотос –

Простая ромашка под ветром на поле,
Пригретая солнцем, напитана вдоволь
Росой и дождями. И месяцем острым
Целована часто на зависть всем звёздам.

Я девушкам милым скажу по секрету,
Кто любит, кто плюнет, и буду в ответе.
Я, высохнув даже, под солнцем увянув,
И неба лишённой, приду на подмогу –
От боли избавлю, утишу тревогу.

На праздник Семьи – День Петра и Февроньи –
Несите ромашки любимым в ладонях!

* * *

Моему сыну Ивану

Вдруг он всё-таки придёт,
Старичок из детства?
И подарки принесёт,
Станет в доме тесно.

У окна велосипед,
Лыжные ботинки,
А под ёлкой «Новый свет»
С яркою картинкой.

Манит море круглый год.
Старичок уважит:
Три путёвки на курорт,
Трансфер нам закажет.

А ещё кулёк конфет,
Мандарины, свечку,
Крем, агатовый браслет,
Даже хлебопечку.

Галстук, бритву и духи,
С телефоном вместе,
Куча разной чепухи,
Что не хватит места...

Вдруг он все-таки придёт,
Старичок из детства?
Я поставлю для него
Дрожжевое тесто.

* * *

*... и – внезапные стишинки:
сходу! складно! наизусть!*

Ольга Фокина

Кто-то счастлив, съездив на Мальдивы.
Я довольна, написав стишок.
Мне смешно бахвальство теледивы –
Платья, драгоценностей мешок.
У кого-то мелкий жемчуг – горе,
И не знает он про жидкий суп.
Я счастливая, когда на море,
Даже если в записи смотрю.
Для Добра важна любая лепта.
Пусть сильнейший выиграет бой.
Счастье не бывает по рецепту.
Счастье – это жить в ладу с собой.

* * *

Зима, не сдавайся, голубушка!
Мороз на твоей стороне.
И тучи, снегами набухшие,
С тобой, не подвластны весне.

Ветрища суровые, колкие,
Задуйте девчонке в лицо!
Сугробы, как крепости стойкие,
Держите осады кольцо!

Мой город украшен заботливо,
Пускай поживёт в белизне.
Немного осталось, и оттепель
Поможет пацанке-весне...

Захлопают лужи, и, дочерна
Замазав последний пробел,
Весна разухабистым почерком
Запишет победу себе.

АВГУСТ

Падают яблоки, падают звёзды.
В августе лето провалится в осень.
Строчки засохли, и рифмы замёрзли,
Слов не отыщешь, закончились вовсе.

Небо всю синь переправило сливам,
Нам достаются седые рассветы.
В холоде утренних рос сиротливо
Жмутся цветочки с прощальным приветом.

Птицам оставлю иргу с облепихой,
Не успеваю собрать на компоты.
Осень крадётся на цыпочках тихо.
Будущим летом напишется что-то.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Исчезло волшебство с мечтами детства,
Мне незачем гадать под Рождество...
Но снега белизна тревожит сердце,
Вот-вот звезда взойдёт на небосвод.

Год новый уже манит новым счастьем.
Он мне сулит чудесных перемен.
А позади столь пройдено ненастий,
Изведано потерь и прожито измен,

И выплаканы слёзы, и усталость ...
Тень брошена за призраки ночей.
Надежда есть. Ведь мне ещё осталось
Зажечь на ёлке в полночь пять свечей.

МЫСЛИ В МЕТРО

Смешенье запахов, оттенков, стилей,
Удачных судеб, мерзких настроений,
Случайных встреч, пустых надежд, сомнений,
Любовный жар, груз полного бессилья.

Толкаемся, на пересадках мчимся,
Ругаем жизнь и всякое начальство,
Целуемся, краснея от нахальства...
И суетимся, много суетимся.

Что движет нами? До каких пределов
Дойдём? Чем мир вокруг себя украсим?
Подумать некогда... А день прекрасен
Уж тем, что никому ты зла не сделал...

* * *

Полине Константиновне Рожновой

Берегиня распахнула крылья,
Подарила мир заветных строчек,
Старой песнею заморозила,
В ней узоры кружев вологодских,
Ширь полей, лесных подарков короб,
Красота души открытой, щедрой,
Плач девчонки деревенской крови,
Серебро и позолота «черни»...
Берегиня распахнула крылья,
До Глушицы долететь – мгновенье...
«Божье дитяtko», как прежде, мило,
Это Господа благословенье!

* * *

Продавала книжку, как котёнка,
За двадцатку, но в любые руки.
Мой читатель, не зевай от скуки,
Отдаю на суд тебе ребёнка.

Может, рано выпорхнули строки
На печать... Так подгоняет время.
Жизнь менять – невысшимое бремя.
Но вернуться хочется к истокам...

Там девчонка весело хохочет,
Там смычок до слёз терзает скрипку,
Там учебник физики – вот пытка!
Там мечты!.. Как много она хочет...

БЕСКОНЕЧНАЯ ЗИМА

Холодно без тебя. Замерзаю.
Знаю, уныние – грех.
Мало молось – не спасаюсь.
Голос твой нужен и смех.
Страшно мне, мама, и пусто..
Я возвращаюсь в тот день:
Койка больничная. Грустно,
Что не ответила мне.
Всё же питала надежды,
Чтобы помиловал Бог,
Справишься ты, и, как прежде,
Твой зазвенит голосок.
Не оправдались. И горем
Полнятся наши сердца.
Кутаюсь в чёрное, споря
С белой зимой без конца...

Марина ЕРШОВА

Марина Анатольевна Ершова – поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Вела поэтическую студию «Среда» в Центральной библиотеке иностранной литературы им. Данте. Имеет награды за поэтические сборники. Автор 6 книг. В том числе, одной детской «Простые вещи» и повести о детях «Прольётся тёплый свет», а также книг: «Мы прорвёмся», «В пространстве параллельных линий» и др.

Живёт в Москве.

ПРОЛЁТСЯ ТЁПЛЫЙ СВЕТ

Рассказы о детстве

*Если умру я –
не закрывайте балкона.*

*Дети едят апельсины.
(Я это вижу с балкона.)*

*Жницы сжинают пшеницу.
(Я это слышу с балкона.)*

*Если умру я,
не закрывайте балкона.*

Ф. Г. Лорка

Любовь начинается с потери. Мысль не новая, но верная.

Эта маленькая повесть о любви. К людям из самого лучшего на свете города – города детства и к стране, которой больше нет.

Алма-Ата – шестидесятых, семидесятых двадцатого века – живой город, как Тбилиси, Баку, Ташкент, и многие другие города СССР – нашей необъятной Родины. В живом городе радостно душе, там тепло в любое время года, там деревья и дома умеют петь.

Алма-Ата в переводе на русский – Отец яблок. Не мать, а именно отец. Возможно, потому, что у казахов отец главный.

Яблок действительно много. И в горных садах вокруг, и на городских улицах, и на разноязыких южных базарах. Детская память или фантазия рисует мне такую картину.

В воздухе стойкий, свежий аромат яблок, цветов, раннего утра (может быть, просто детства). Я бегу куда-то вдоль большого арыка, называемого Головным.

Вода журчит как детская песенка, а по ней то тут, то там плывут, ныряя и выныривая, красные яблоки.

Когда я была маленькая, в бакалее продавали сок в трёхлитровых банках: яблочный, томатный, персиковый, абрикосовый, даже берёзовый.

Продавщица переливала его в конусообразные емкости с краником внизу. Откроет краник – и в стакан бежит тоненько чудесный нектар. Попьёшь сок, отдашь стакан, а она вымоет его над фонтанчиком с ручкой, быстро-быстро, даже забрызгает водой.

Бабушка каждый день давала десять копеек, и я шла через весь микрорайон попить соку. Но меня привлекало все действие.

Летом из другого города к нам приезжала моя тётя с двумя сыновьями. Это были лучшие дни. Со старшим братом можно было спорить, а с младшим – играть, как с живой куклой.

Однажды я катала Игорька в коляске по квартире. Мебель дрожала, тетя Жанна ругалась прямо из ванной, где она стирала.

Вдруг всё задрожало гораздо сильнее. Ещё к тому же и зашаталось. Тётя закричала: «Что же это такое?! Перестань сейчас же!» Я перестала, но всё по-прежнему шаталось.

Тогда с криком «Землетрясение!», она схватила меня и Игорка и побежала вниз по лестнице.

Наш дом устоял.

И теперь он стоит перед моими глазами – живой, красочный, дом, в котором навсегда поселились друзья моего детства.

ИРА

До революции Алма-Ата называлась Верный. Это была крепость на окраине Российской империи. Казаки со всей России служили там по двадцать пять лет, а потом оставались навсегда.

Моя подружка Ира была потомком известных в Верном казачьих фамилий – Солодовых и Ефимовых. Как и её мама Вика и баба Оня, Ира несла на себе печать казацкой породы: статность, крепость тела, красоту зеленоглазого лица, обрамлённого светлыми, пышными волосами.

Иришин папа, дядя Виктор, был инженер, но от предков сохранил страсть к земле и работе на ней. В коллективном саду на шести сотках он выращивал всё, что могло расти в жарком Алма-Атинском климате: от капусты до винограда.

Из винограда он делал вино, которое бродило в больших десятилитровых бутылках за шкафом. Из горлышка бутылки выходила тонкая резиновая трубочка, которую надо было пососать, прежде чем вино польётся в стакан.

Вино было замечательное. Мы с Ирой его иногда пили. И нас почему-то не ругали.

АНДРЕЙ

Когда на голову падает тяжёлый железный предмет, нет времени подумать, зачем и за что. Просто очень больно.

Было душно, даже дворовая зелень пожелтела, сделавшись сухой и пыльной. Родители целыми днями работали, а дети развлекались как могли.

Андрей где-то раздобыл маленький шёлковый парашют, привязал к нему тяжёлый амбарный замок и выбросил из окна лестничного пролёта четвёртого этажа.

Парашют с замком опустился мне прямо на голову. Я упала. Потом помню только испуганное лицо Андрея над собой, и как он вытирает мне этим парашютом кровь с лица и головы. И что-то говорит очень ласково и быстро. То ли от шока, то ли от неожиданности, что Андрей, наконец, заговорил со мной, я даже не плакала.

Через десять лет Андрей женился на женщине намного старше себя. всё время спешил с работы к ней, очень часто с цветами. Вскоре родилась малютка, денег стало мало, и Андрей пошёл работать в такси.

Однажды ночью бандиты, которых он подвозил, ограбили его и убили, ударив по голове тяжёлым кованым кастетом.

Мне почему-то кажется, что если бы тот удар замком по моей голове был чуть-чуть сильнее, Андрей остался бы жив.

НАТАША

Балконы – важная часть алма-атинских квартир, особенно летом. Овитые виноградом, обнесённые ящиками с пёстрыми цветами, почти никогда не застеклённые, они были такой уютной комнаткой. Днём там играли мы, дети, а ночью в прохладе отдыхали старшие. А под осень балконы благоухали не только от цветов. Они были заставлены тазами с яблоками нового урожая, в основном ашпортом, распространяющим аромат нежных духов.

Однажды Оля, Наташа и я играли на нашем балконе. Вырезали из бумаги кукол и их наряды. Наташе вскоре стало скучно, и она как-то отвлёклась от игры. Она не очень любила долгие и кропотливые занятия.

Сначала она мешала нам, бродя из комнаты на балкон и обратно, а потом мы, увлечшись игрой, и вообще перестали обращать на неё внимание.

Вдруг в комнате что-то загремело, на балкон ворвалась вихрем тётя Нина с третьего этажа, схватила с перил балкона Наташку, уже долго сидевшую там, и повалилась с ней на пол.

А ведь она могла не выйти на свой балкон, не посмотреть на нас. Да и дверь могла оказаться запертой. И только одного не могло быть точно. Равнодушия. Я не припомню ни одного случая из детства, когда взрослые из нашего двора были бы безучастны к детям.

А потом Наташа изменилась. Стала много читать, почти не гуляла с нами. Окончила пединститут и стала учительницей младших классов.

ОЛЕГ

Конечно, воспитательные принципы родителей с нашего двора во многом различались. Да и возможности у всех были разные.

Тетя Люба, например, была учительницей, и летом у неё был отпуск, который она полностью посвящала своему единственному сыну Сергею. По-нашему – Серому.

Этого совершенно нельзя было сказать о нас с моим двоюродным братом Олегом. Мама с бабушкой целыми днями работали, и Олега приходилось воспитывать мне. Мне казалось, что с воспитанием я справляюсь. Начитавшись Фенимора Купера, я сшила брату индейские брюки с бахромой, сделала лук и стрелы, и он носился по двору настоящим индейцем.

Как-то раз Олег пригласил с собой поиграть Серого. Но тот сказал, что они с мамой идут на очередной детский спектакль и что он выйдет на полчаса, не больше.

Когда он появился во дворе в чистеньком белом костюме, гладко причёсанный, даже в белых гольфах, Олег уже поджидал его, забравшись на дерево с помидором в руке.

Тетья Люба не закричала на Олега, увидев противное помидорное месиво на груди у Серого. Она только позвонила вечером бабушке и сказала: «Ева Александровна, может быть вы отпустите завтра Олега с нами в театр?»

ТАТКА

Татка была толстой, спокойной малышкой. Она родилась у тётки Нади и дяди Володи, когда её брату Лёньке, как и мне было девять лет. Лёнька учился плохо, часто болел и жил в основном у бабушки.

Об этой семье стоит рассказать подробнее.

Центральной фигурой был, конечно, дядя Вова. Весёлый, красивый, кудрявый, он был похож одновременно на всех киногероев 40–60 годов.

И пил, конечно, запоями. А когда пил, всегда ходил налево.

Его жена, тётя Надя, любила его роковой любовью. Когда пил и гулял – она дралась и ругалась с ним, а когда не пил – пела. Петь могла круглый день, возясь по хозяйству, в основном на кухне и в ванной, где было вентиляционное отверстие, через которое так хорошо доносится звук. Она кричала: «Марина, иди, тебя Татка ждет!» И я откликалась из любой точки нашей квартиры.

Так вот, когда Володя не пил, он рисовал маслом картины. А когда пил, то с ним случались всякие истории. Однажды его три дня не было дома. Тётя Надя вся аж похудела с пятидесятого размера до сорок шестого. Но набралась сил и пошла в магазин за хлебом. Вот идёт она, колышется и вдруг слышит на всю улицу: «Надежда моя, любовь моя, я здесь!» Это дядя Вова кричит, вырываясь из милицейской коляски. Тетя Надя, почувствовав прилив сил от лицемерия любимого, встала на пути милиции и вырвала мужа из лап правосудия, убедив их, что сама справится и всыплет пьянице и гулёне по первое число.

Но гулёна, приехав домой на плечах хозяйки, всыпал ей. Забегая вперёд, скажу, что к старости он стал тихим, примерным семьянином и даже в Калифорнии, где в итоге поселилась Татка, его очень уважали и наперебой приглашали для плотницких работ Таткины соседи.

Но это потом. А тогда, в Алма-Ате, был с дядей Вовой ещё один случай.

Он и Лёнька часто забывали ключи от квартиры. И пользовались нашим балконом, чтобы перелезть с него на свой, находившийся ровно под нашим.

Обычно все заканчивалось благополучно. Но однажды дядя Вова, очень нетрезвый, да ещё в проливной дождь, вздумал воспользоваться испытанным методом входа в свою квартиру без ключей.

Мы с бабушкой, конечно, сразу оценили его состояние и ни за что не хотели его пустить. Но он легко справился с нами и смело кинул пьяное тело с нашего балкона на свой. Но не тут-то было. Нога соскользнула с мокрого перила балкона, и Володя мешком полетел с четвёртого этажа на матушку-землю.

Его распластанное на цветнике тело навсегда с ужасом невозвратимой потери врезалось мне в память.

Но, видимо, по большому счёту дядя Вова был человек безгрешный. Когда я с диким криком вихрем слетела с четвёртого этажа и наклонилась над ним, он, открыв глаза, сказал: «Извини, молекула, не получилось».

Тогда дядя Вова отделался переломом ключицы.

Вернусь к Татке. Она была толстой, грубоголосою, но такой замечательно основательной и медленной девочкой, что играть с ней было одно удовольствие. Можно было делать что угодно. Наряжать, кормить, учить – она все принимала безропотно.

Только однажды она проявила инициативу. Моя мама как-то принесла нежного, жёлтенького декоративного петушка с головкой из пуха и шеей из проволоочки. Татка посмотрела на него и протрубила низким голосом: «Петушок мой. Голову по мою ему». И, взяв петуха двумя пальцами, пошла домой.

Через много лет, окончив консерваторию по классу гобоя, Татка уехала в Америку. А недавно, когда умерла моя мама, прислала мне письмо. «Марина, очень жаль, что не стало тѣти Томи, я помню вас. Если сможешь, приезжай ко мне в гости. Будем петь, пить и вспоминать».

ВИЛМА

Возможно, редкое, красивое литовское имя, возможно, неспешное, пышное, даже роскошное тело, а может быть, просто воспитание, не позволяли ей носиться и быть «своим парнем» в рядах дворовой детворы.

Она всегда была взрослой и смотрела на наши шалости с тихой улыбкой.

Ей было всего тринадцать лет, когда Саша, студент из пединститута из четвѣртой квартиры, начал за ней ухаживать.

Каждый вечер можно было встретить их прогуливающимися вокруг нашего дома. Надо сказать, что и наш, и соседние дома просто утопали в зелени. Вишневые, яблоневоы, абрикосовые деревья весной пьянили ароматом цветов, осенью – плодов. Сирень, жасмин и акация дополняли гармонию запахов своею нежной цветовой гаммой. Золотой шар, мальва, георгины и гладиолусы превращали нашу городскую окраину в романтический, немного взѣрошенный и запущенный сад.

Не было места лучше для прогулок влюбленных пар любого возраста.

*Тусклый лампочки свет,
Плечи шалью широкой укутаны,
Воздух резкий, осенний,
Наши пальцы так горестно спутаны.
Семь часов до беды;
Мы её, словно птицы, услышали.
Нам сочувствует сад,
Чуть кивая озябшими вишнями.
Ангел мой, ты живи!
А клаксон все гудит, надрывается.
Как легко на земле
Миг любви, не начавшись, кончается!*

Саша погиб от ран, которые получил, служа после института на полуострове Даманский у китайской границы.

А Вилма окончила политехнический институт, стала инженером, взяла на воспитание мальчика. Я видела её лет пять назад. Её лицо все так же озарено.

ОКСАНА

Игры наши были не всегда безобидны. Иногда они наносили существенный урон семье. Как-то Оксана, начитавшись Стивенса, предложила искать клады.

Вооружившись лопатками и ножами, мы вышли на пустырь за микрорайоном и стали копать. Копали почти весь день. Ничего не нашли. Иногда попадались какие-то кости. Самой значительной находкой была ржавая ложка. Радости никакой.

Сам процесс был, конечно, интересным, но хотелось драгоценностей.

Тогда Оксана предложила взять их дома, зарыть, а потом выкопать и обрадоваться.

Так мы и сделали. Вернее, наполовину так. Оксана сказала, что драгоценности её мама прячет в шкаф под замок. Поэтому их надо взять у меня.

А у меня мамина шкатулка стояла на низком серванте открытой. В этой шкатулке лежала чешская бижутерия. Блестящая, красивая, но ничего не стоящая.

Среди стекляшек, завёрнутая в тряпочку, лежала прапрабабушкина брошь. Это была по-настоящему ценная брошь. Моя бабушка, когда их в двадцать четыре часа выслали из Крыма и не разрешили ничего взять с собой, всё же схватила её и провезла через многие лишения. Но тогда, в свои семь лет, я ещё ничего не знала.

Это была золотая веточка с листочками и ягодками-изумрудами. Всего их было штук девять. Но два изумрудика отсутствовали. И, покопавшись в «драгоценностях», я решила, что эта брошь самая плохая, раз в ней пустые глазки. И меня не наругают, если я её возьму.

Прихватив ещё парочку не очень ценных бусинок, мы отправились на пустырь.

Там мы благополучно закопали «клад» и довольные пошли домой в надежде завтра выкопать его.

Но, видимо, уже тогда я обладала предчувствием. Мне было как-то не по себе, и вечером я сказала бабушке:

– А правда хорошая игра в клад?

– Какой клад? – насторожилась бабушка.

– Ну, я взяла из шкатулки кое-что, закопала, а завтра мы с Оксаной выкопаем!

– Это что же именно ты взяла?

– Да сломанную брошку какую-то. И три бусинки.

Нет слов, как расстроилась бабушка. Мы с ней часа два копались на пустыре, пытаясь найти наш клад. Но безуспешно.

Тогда я впервые ощутила вину и боль настоящей потери, как-то сразу поняв ценность брошки для бабушки. И для меня.

А при чём здесь Оксана? Просто позже я увидела эту брошь на блузке её мамы. Но изумруды были вставлены. Я не решилась рассказать об этом бабушке.

ЗУДЯ

Мама Зули работала товароведом в ЦУМе. Эта должность считалась очень значимой. Раньше красивых товаров было мало, в основном отечественного производства. Поэтому тот человек, который имел доступ к лучшим, импортным товарам, был в большом почёте.

Зуля была очень умной, интересной и хитренькой девочкой, но училась плохо. Однако одежда у неё была лучше всех. Чешские сапожки, высокие, на меху, японская курточка джерси фирмы «Чери», даже джинсы, хоть и немецкие, но очень облегающие и симпатичные.

Лично меня это мало трогало, так как моя бабушка отлично шила и мои платья были тоже хороши. Мы с Зулей благополучно дружили, хотя я была отличница. Зулин папа всегда ставил меня ей в пример, но Зуля философски заявляла: «Каждому – своё!»

Однажды ко мне прибежала счастливая Зуля и сообщила, что едет в самый лучший пионерский лагерь Артек.

Про Артек знали все дети. Это была сказка наяву у самого Чёрного моря на свете, у подножья Аю-Дага, на родине моей бабушки в Крыму, где я никогда не была.

Зависть впервые в жизни чёрным крылом накрыла мою детскую душу, но задрожавшими губами, с глазами полными слёз, я пожелала Зуле счастливого пути.

А по радио «Пионерская зорька» радостно сообщала, что самые достойные ребята, отличники в этом году снова отправятся в волшебную страну пионеров – Артек.

АЛЁША

Ребята с нашего двора были большими выдумщиками. Всё лето мы изобретали разные игры и развлечения. Это были и традиционные казаки-разбойники, и волейбол, и вышибалы,

и прятки, и классики, и дочки-матери. А ещё мы играли в трёх мушкетёров, в индейцев, в привидения. Но самым любимым было строительство шалаша.

При огромном количестве зелени во дворе, опавших веток всегда хватало. Шалаш мы могли строить целый день.

Единственно чего, верней кого, мы опасались, начиная стройку, это Алёшу.

Остроносый, очень худой, с глазами-пуговками, он как фурия налетал неожиданно в разгар строительства и ломал всё, что мы возводили.

Спасу от него не было, так как он всегда заставлял нас врасплох.

И вот однажды Оля, завидев Лёху, вдруг сказала: «Алёшенька, давай я тебя поцелую, а ты больше ничего не будешь ломать!»

И странно, но он не только согласился, но и не стал больше ничего ломать. Примечательно, что когда вырос, он окончил строительный институт и работал на БАМе.

Была такая всесоюзная стройка.

Неужели одного поцелуя достаточно, чтобы человек превратился из разрушителя в созидателя?

ВИТЯ И САША

В городе моего детства такой благодатный климат, что окна и балконы открыты настежь с ранней весны до поздней осени, из них вылетают с паром и жаром разные запахи: сурпы, которую почти каждый день варит саулешина мама, борща, над которым хлопочет тётя Зоя, плова с зерой, барбарисом и бараниной, над которым колдует дядя Толгат, или просто кипячёного молока, которое каждый день пьёт дядя Паша, так как у него язва.

Из этих распахнутых окон с гуляющими занавесками доносились и разные звуки: гаммы, выводимые несмелыми олечки-

ными пальчиками, русское народное пенье тети Нади, иногда брань не помню кого.

Но самые громкие звуки извергал на весь двор катушечный магнитофон братьев Вити и Саши. «Кен бай ми лаав!», – неслась непривычная тогда ещё английская песня Битлов над садами казахской столицы.

Эти братья, столь продвинутые в современном роке, были обожаемы всеми девчонками нашего двора. Но так случилось, что оба они влюбились в одну девочку Таню.

Они наперебой катали её на велосипеде, приглашали в кино. Вите было шестнадцать лет, Саше, как и Тане, четырнадцать.

А Таня – Таня бредила горами.

ТАНЯ

Моя подруга Танечка, четырнадцатилетняя, тоненькая, голубоглазая блондинка, единственная дочь тётки Зои, была на пять лет меня старше. Конечно, я тоже хотела быть альпинисткой, как она.

Однажды мама прибежала с работы среди дня. Другие соседи тоже. Все плакали, говорили, что Таня погибла в горах. Я села на диван и ни за что не хотела с него встать.

Потом мама меня уговорила, и мы поехали покупать Тане платье в гроб. Ничего подходящего не было. Тогда мама в салоне для молодоженов купила кружевное белое платье невесты и венки.

Так в этом наряде я Таню и запомнила. Красивую, взрослую, спящую царевну.

НАДЯ

Надя жила в соседнем доме. Мы познакомились с ней, когда нам было по шесть лет. И сразу между нами установилась какая-то астральная связь.

Стоило мне подумать, сидя у себя дома: «Хорошо бы выйти во двор, а там Надя с куклой и коляской!», и точно, я выходила, а Надя – во дворе.

Однажды мы с ней были вместе в пионерском лагере. Лагерь – очень хороший. Высоко в горах. На территории самый настоящий зоопарк, с газелями и медвежатами. Пионервожатые с нами постоянно занимались. То КВН проведут, то конкурс песни устроят.

Но детям двенадцати-тринадцати лет хотелось и иных увлечений.

И мощная Надина фантазия их предоставила.

Она сказала мне, что мальчик Женя влюбился в меня. А ему – что я в него.

Не знаю, как долго бы продолжалась наша романтическая история с Женей, но Наде вскоре стало обидно, что она не у дел, и она раскрыла нам глаза, заявив, что это она всё придумала.

В ярости я влепила Наде пощечину. И убежала в горы. Но к концу дня, всё обдумав и взвесив, я поняла, что дружба для меня дороже. Тем более, Надя каялась. Мы снова подружились и верны этому чувству по сей день.

ЛИЗА

Лиза приезжала в наш дом к своей бабушке только летом. Всегда такая нарядная, неприступная, особенная. Мы ждали её приезда, потому что без неё было чуть-чуть пусто. Она никогда не гуляла с нами, но присутствовала. Её окна выходили во двор. Она часто сидела на балконе и читала или вязала, иногда поглядывая на нас.

А мы поглядывали на неё, почему-то не решаясь позвать.

Однажды, играя, мы очень поссорились с подружкой Наташей из-за того, кому быть Констанцией в «Трёх мушкетерах». Сначала просто препирались, а потом Наташка закричала: «Какая из тебя Констанция, ты же обезьяна, обезьяна, обезьяна!» Мне стало обидно, и я погналась за ней, нагнала, схватила за волосы

и с ужасом обнаружила в своих руках целый клочок очень мягких, слабеньких волос. Я никак не ожидала такого. Меня брат часто хватал за косу, но она никогда не подводила меня, была крепкой.

Я потом узнала, что у Наташи были проблемы с волосами. А тогда мне стало её очень жалко. Я остановилась с извинениями. Но Наташа заплакала, побежала домой, и вскоре во двор вышел её старший брат Валера и крепко побил меня.

Родители мои были как всегда на работе, я заревела, легла на траву в палисаднике и вскоре уснула.

Проснулась от того, что меня гладили по голове. Это была Лиза.

Она со своего балкона всё видела. Её бабушка сказала: «Пойдем-ка, детка, с нами в кино. Называется “Майерлинг”. Не пожалеешь».

Мы пошли. Мне было двенадцать лет, но любовь, подаренная с экрана Катрин Денёв и Омаром Шарифом, вылечила меня от обид и боли. Я тогда впервые ощутила целебную, всемогущую силу искусства.

*Мой город, ты отныне за границей
Моей страны и, кажется, судьбы.
Но так близки, так ощутимы лица,
Как будто в десяти шагах ходьбы.
Наш милый дом в шестом микрорайоне,
Хрущёвочка, ровесница моя,
Цветы и зелень на любом балконе,
Соседей разноликая семья.
Я помню, как на мам совсем не глядя,
Проспект Абая смело покоря,
Мы в первый класс бежим
с подружкой Надей
По жёлто-красным листьям сентября.
И вот сегодня, как частица детства,
Мне запах яблока напомнил о былом...*

Ирина ПОСТОЕНКО

Ирина Григорьевна Постоенко – поэт. Член МГО СП России. Член Литературного клуба «Московитянка» при ЦДЛ. Автор сборника стихотворений «В трепетании света и тени». Печаталась в ежегодных выпусках сборников «Москва поэтическая», «Поэты Москвы и России», в «Антологии одного стихотворения» (приложение к журналу «Поэзия»). Участник альманаха «Московский год поэзии» (Издательский дом «Литературная газета», 2010 год), тематических сборников поэзии «Современные поэты России». Участник сборников «Крым наш», «Моя Москва, моё Подмосковье» и многих других. Обладатель медалей: «Золотая Есенинская», им. А.С. Грибоедова, И.А. Бунина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока. Лауреат литературного конкурса, посвящённого 200-летию В.И. Даля. Награждена Дипломом «За верное служение отечественной литературе» с вручением медали А.П. Чехова.

Живёт в Москве.

ТИХИЙ КРОВ... МОЙ ЗАТЕРЯННЫЙ РАЙ...

* * *

Нахмуренный, сомлев от зноя,
На Божий свет явился день:
С мешком туманов за спиною,
С лохматой тучей набекрень.

Закашлялся, заохал тяжко –
Не с той ноги, должно быть, встал –
И, как сварливый старикашка,
С утра ворчал и грохотал.

Очами, влагой налитыми,
Глядел обиженно и зло
И градинами золотыми
Швырялся в мокрое стекло.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Жёлтый лист – как строгая печать
На последней беглой строчке лета.
Отчего так хочется молчать?
Нет вопросов? Или нет ответов?

Скоро осень высветит ряды
Непонятных знаков вдоль дороги:
То ли время пожинать плоды?
То ли рано подводить итоги?

Летнее последнее тепло...
То ль дождинки в травах, то ли росы?..
Сонных вод зеркальное стекло
Не даёт ответов на вопросы.

БАБЬЕ ЛЕТО

Какая царственная осень!
Какой роскошный листопад!
А мне – давно не тридцать восемь,
А мне уже... за шестьдесят.

Ах, бабье лето!.. Рдеют росы...
Гадают птицы: «Чьё ты? Чьё?»
А я молчу... К чему вопросы?..
Раз бабье – стало быть, моё.

ХУТОРОК

Быстрый, мягкий смешок-говорок
Рассыпáлся над сонной теплынюю...
Неприметный степной хуторок
Пах дымком, чабрецом и полынюю.

Так беспечно белела в степи
Южнорусская низкая хата!
Как серебряный ковш на цепи,
Плавал месяц над крышей покатою;

И заросший малиной садок
Сыпал вишни у самых окошек,
И цвели, как весёлый лужок,
Занавески в наивный горошек.

В ярких мальвах и в бархатцах двор
У двоюродной бабушки Лены...
Был... А сердце хранит до сих пор
Тот кусочек земли незабвенный.

Тихий кров... Мой затерянный рай...
Вянут травы в распахнутых сенцах,
И горяч золотой каравай
На расшитых крестом полотенцах...

ЗАБРОШЕННАЯ УСАДЬБА

Заплелись, перепутались ивы
Над русалочьим тихим прудом...
В тёмный омут глядит молчаливо
Опустевший помещичий дом.

Спят колонны старинной усадьбы,
Спит разрушенный храм за рекой –
Здесь вершили крестины и свадьбы,
Отпевали на вечный покой.

Няньки, маменьки, дочери, братья –
Всех скосила забвенья коса.
Отмелькали весёлые платья,
Отзвенели в саду голоса.

Над перилами ветхой беседки
Бледный лист закружил, трепеща...
Оплела обомшелые ветки
Паутина седого плюща...

Что здесь ищу, всё медленней листая?
Зачем она проникла в мой уют?
И отчего слова, что здесь читаю,
Теперь дышать, как прежде, не дают?

Зачем себя сомненьями терзаю?
Разгадка обжигает остра:
Я ей родня! Я чувствую, я знаю –
Она мне мать, иль дочь, или сестра!

* * *

Храню в потёртом портфеле
Стихи, дневники и письма,
И рвется из каждой щели
И чувства мои, и мысли.

Им тесно внутри и душно,
Как в тёмной душе, я знаю...
Но деланно-равнодушно
Опять на ключ запираю.

Ах, если б тот ключ – да в воду! –
Спокойней себе и людям.
Вдруг вырвутся на свободу...
О Боже! Что тогда будет?!

НА СКРИПИЧНОМ КОНЦЕРТЕ

Вы чуть слышно коснулись руки...
Вы мне, кажется, что-то сказали...
Были звуки, как вздохи, легки
В этом белом торжественном зале.

Утомлённый и бледный скрипач
С отрешённую слабой улыбкой,
От нахлынувшей неги незряч,
Ворожил над тоскующей скрипкой.

А она... непонятно о чём
Сокрушалась так тихо и страстно,
И рыдала над хрупким плечом,
И молила о чём-то напрасно...

Плыли звуки, сплетаясь в напев,
И лились просветлённо и чисто...
Повинуясь мольбе, осмелев,
Пел рояль под рукой пианиста.

И рвалась, и томила душа,
Покорённая властною силой...
Затаённо, почти не дыша,
Напряжённо и жадно ловила

Вдохновенье парящей руки
И дрожанье цветов на рояле,
И... дыханье у самой щеки...
Вы мне, кажется, что-то сказали?

**КРИТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Иван ПАНИН

Иван Николаевич Панин – писатель. Член МГО СП России, доктор экономических наук, академик РАЕН, общественный деятель. Много и плодотворно работает в литературе. Автор художественных, научно-популярных и научно-художественных изданий, в том числе: издания «О России с любовью» (автор, 2008), «Четыре жизни Чехова» (председатель редакционной коллегии, 2010), «Чеховское Подмосковье» (редактор, 2016), «Чехов в Вене» (автор, 2018), «Чехов... Встречи в Крыму» (автор, 2023). Автор ряда научных изданий. Автор многочисленных публикаций в российских и зарубежных СМИ. Общественная, литературная и научная деятельность Панина И.Н. отмечена Благодарностью Министра культуры Российской Федерации (2015), Почётной грамотой Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (2015), Благодарственным письмом Президента Российской Федерации (2022), а также орденами, медалями, грамотами и дипломами разных организаций.

Живёт в Москве.

РОЛЬ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Книга занимает важное место в жизни ребёнка. «Нет друга более верного, чем книга», писал Эрнест Хемингуэй. Книга – не только друг ребёнка, хотя и это важно. Но ещё – учитель и воспитатель. Для ребёнка книга является источником знаний. Безусловно, чтение детских книг развивает художественно-речевые навыки, формирует нравственную и культурную сторону ребёнка, передаёт представления о жизни, труде, об отношении к природе, развивая тем самым социальный опыт и трудовую деятельность дошкольников и младших школьников. Всё это гармонично развивает ребёнка как полноценную личность.

Мой опыт работы членом жюри литературного конкурса «Рыбка золотая: Сказки и мечты», организованного МГО СП России, РТСРК и Государственным бюджетным учреждением Калужской области «Обнинский Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями “Доверие”» показал, насколько важно уделять внимание литературному образованию детей дошкольного и младшего школьного возраста. В нашем конкурсе принимали участие и старшеклассники, но это – тема отдельного разговора.

Очевидно, что заложенные в дошкольном детстве образовательные, мировоззренческие, нравственные, культурные приоритеты определяют жизненный путь человека. То, что важно приобщать ребёнка к красоте родного слова и развить у него культуру речи, писали и говорили психологи, педагоги, учёные. Как? Тут на помощь приходит книга, книга художественная.

Именно художественная литература сопровождает человека с первых лет его жизни, и уже в дошкольном детстве закладывается фундамент, на который будет опираться всё последующее знакомство с огромным литературным наследием. Чтение детям книг служит одним из условий развития слуха, а на этой основе – усвоения языка.

Дети, участвовавшие в нашем конкурсе, показали, что эти, казались бы, очевидные утверждения важны сегодня как никогда. Дети дошкольного возраста – слушатели, а не читатели, художественное произведение доносит до них взрослый. И очень многое зависит от правильного выбора тех книг, которые будет читать ему воспитатель или родитель.

Любовь к книге, заложенная в ребёнка в дошкольном возрасте, останется с ним навсегда. Кто читает, тот и многое будет знать. Если ребёнок понимает содержание прочитанного (услышанного), значит, он думает, анализирует, рассуждает. У меня есть личный опыт воспитания, мы в семье много времени уделяли чтению. И сейчас – и моя жена, и я, по возможности, стараемся читать с дочерью. Совместное чтение сближает взрослых и детей, стимулирует и наполняет содержанием редкие и радостные минуты духовного общения, Чтение – радость! Величайшая радость и удовольствие! И как не разделить это с любимым человеком, своим ребёнком!

Традиции семейного чтения – очень важная часть в системе семейного воспитания. Хотя это всегда было сделать непросто – где взять свободное время? Но надо стараться его найти! Обязательно! Иначе в будущем об этом придется пожалеть. Выскажу, наверное, всем известные мысли. Семейное чтение – это не способ получить информацию, это важнейший и лучший способ общения и ненавязчивого воспитания, которое и есть самое действенное. Читая со своими детьми, мы им и интерес к книге прививаем, и учим многому, что обязательно и непременно пригодится в будущем. Да и сами мы узнаём многое о своём ребёнке в процессе общения: родитель-книга-ребёнок.

Детская книга рассматривается как средство умственного, нравственного и эстетического воспитания. Замечательный

детский писатель Ирина Токмакова считала детскую литературу первоосновой воспитания. И она права.

По словам В.А. Сухомлинского, педагога-новатора, детского писателя, создателя педагогической системы, основанной на признании личности ребёнка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования, *«чтение книг – тропинка, по которой умелый, умный, думающий воспитатель находит путь к сердцу ребёнка»*. Воспитатель – это и родитель, и педагог. И, пожалуй, именно педагог, прекрасно понимающий, что художественная литература формирует нравственные чувства и оценки, нормы нравственного поведения, сможет воспитать в ребёнке достойное эстетическое восприятие мира. Не всякий родитель с этим справится.

Актуальность проблемы литературного образования детей дошкольного и младшего школьного возраста в современной жизни обусловлена тем, что современные дети знакомятся с литературой через интернет. Они читают тексты на планшетах, в телефонах и в компьютерах. В начале нового века очевидно снижение интереса к книге, как у взрослых, так и у детей. С появлением электронных СМИ на нас обрушился невероятно большой поток информации. Дети быстрее учатся включать телефон, чем завязывать шнурки на ботинках. И компьютер осваивают раньше, чем начинают читать,

Современные дети всё больше времени проводят за компьютерными играми, часами сидят перед мониторами или смотрят телевизор. Социологи по всему миру отмечают негативные тенденции. Это и заметное снижение интереса к чтению у детей всех возрастов, и резкое сокращение доли чтения в структуре свободного времени детей. Грустно, что современные дети не знают героев старых добрых сказок, а героев комиксов или компьютерных игр – знают! Конечно, у каждого времени – свои литературные герои, но всё-таки сказки и легенды передаются из поколения в поколение вот уже много лет и служат прекрасным воспитательным средством.

Детям родители перестали читать, или читают до обидного мало, а значит, страдают грамотность и интеллект, эмоциональ-

ное и нравственное воспитание и малышей, и младших школьников. А что уж говорить о подростках? Да и как может вырасти гармонично развитая личность без книги, без прозы и поэзии, без сказок и загадок? Не читая, ребёнок не развивается, не совершенствует свой интеллект, память, внимание, воображение. А как он может узнать, усвоить и использовать опыт предшественников? Как без литературы научиться думать, анализировать, сопоставлять, делать выводы? Книга же, напротив, даёт возможность домыслить, сочинить, «дофантазировать». Она учит размышлять над новой информацией, развивает креативность, творческие способности, умение думать самостоятельно. И – это важно, – сказку ребёнок всё-таки должен прочитать в «бумажной» книге, а не с экрана компьютера. Её надо услышать, прочувствовать. Именно книга – отличное средство не только умственного, нравственного и эстетического воспитания ребёнка, но и помощник в познании прекрасного!

Мои коллеги, писатели, работающие в жанре литературы для детей, понимают, что детская литература – дело более ответственное, чем литература для взрослых. Если взрослый человек способен разобраться в том, насколько та или иная книга полезна или вредна для восприятия, то о маленьких читателях этого сказать нельзя, у них ещё нет для этого достаточного жизненного опыта. Обычно выражение «Для детей надо писать так же, как для взрослых, только ещё лучше» приписывают Максиму Горькому, иногда Самуилу Маршаку или Корнею Чуковскому. На самом деле это – перефразировка точного высказывания К.С. Станиславского: «Для детей нужно играть так же, как и для взрослых, только гораздо лучше, тоньше, культурнее и совершеннее». Ещё бы все так писали!

Одним из первых о детской литературе в своё время писал В.Г. Белинский. Его тезис о том, что литература для детей должна «занимать взрослых людей... как литературное произведение, писанное для всех», будет многократно и в разных вариациях повторяться в последующие десятилетия, причём чаще всего независимо от Белинского, настолько всеобщей станет эта мысль.

Разве с этим поспоришь? Как не поспоришь и с тем, что чтение является для детей одним из способов познания мира, по прочитанному формируется представление о добре и зле, о прекрасном и безобразном, о том, как писал В.В. Маяковский, «что такое хорошо и что такое плохо».

Чтение важно для ребёнка еще и потому, что нередко в книге они обретают себе друзей.

И вот что еще очень важно! Прочитую современного литературоведа, И.Ю. Голубничего. *«Именно поэтому писатель, взявшийся сочинять стихи или прозу для детей, должен быть не просто талантливым, но и нравственно здоровым, и в то же время способным на незамутнённый, непосредственный взгляд на окружающий мир. Детский писатель должен уметь говорить с детьми на их языке, видеть мир глазами ребёнка. Наши выдающиеся детские поэты и писатели прошлого, такие, как К.И. Чуковский, С.Я. Маршак, С.В. Михалков, Н.Н. Носов, Е.А. Благунина, А.Л. Барто и др., обладали этими способностями в высшей степени. Они оставили нам наследие столь высокого уровня, что для того, чтобы ему соответствовать, нужно очень любить своё призвание – призвание детского писателя. Следует сказать, что литература для детей, во-первых, как правило, традиционно консервативна по формам, а во-вторых, универсальна в социальном смысле».*

В наше время современные писатели, работающие в литературе для детей, не всегда следуют лучшим традициям классиков. Литература не может только развлекать, она должна учить и воспитывать. Писатель должен на примере простых жизненных ситуаций показывать ребёнку, как себя вести всегда и везде. И, что важно, воспитывать человека и гражданина, прививать ребёнку любовь к природе. Учить дружить, ценить близких, уважать старших.

Но, увы, очень часто этого не происходит. Ведь сейчас книжки выпускают все, кто хочет. А как распознать в красивом оформлении бред или откровенные глупости? Писатель в современном мире нередко не пророк и не учитель, а участник проекта. Это новый писательский статус, который приносит

авторам популярность и гонорары. Но от этого страдают читатели, а дети – в первую очередь. Ещё раз процитирую В.А. Сухомлинского: *«Чтение – это окошко, через которое дети видят и познают мир и самих себя».*

В связи с этим мы, писатели, высказываем опасение: насколько то, что пишет детский писатель, дойдёт до ребёнка? Что может увидеть в окошке мира маленький человек, прочитавший некий малограмотный ужастик? Вопросов без ответов остается немало, не всем авторам сегодня удаётся влиять на умы и развитие личности ребёнка.

Но не всё так пессимистично. Есть и положительные примеры.

В качестве подарков победителям конкурса мы передали разные книги. Это книги классиков детской литературы и книги, которые изданы при моём участии, (но это не для младшего возраста). А также книги современных авторов: Натальи Риттиной, Владимира Бояринова, Наталии Ярославцевой.

Именно такая литература, как книга В. Бояринова «Медведь с мышкою дружил», очень полезна и интересна для младших школьников. Такая литература способствует развитию речи, даёт образцы русского литературного языка. Подумаешь, потешки, прибаутки, скажете вы? Но именно образцы народного творчества в обработке талантливого современного поэта дают готовые языковые формы, словесные характеристики образа, определения, которыми ребёнок оперирует в детстве. Именно средствами художественного слова ещё до школы, до усвоения грамматических правил ребёнок начинает осваивать грамматические нормы языка, причём в единстве с его лексикой, что немаловажно. В поэтических образах, пусть это мышка или медведь, художественная литература открывает и объясняет ребёнку жизнь общества и природы, мир человеческих чувств и взаимоотношений. А какие эмоции! Поступки героев делают эмоции более насыщенными, воспитывают воображение. Ну а про то, что это – прекрасные образцы русского литературного языка, и говорить нечего! Песенки и потешки В.Г. Бояринова раскрывают перед детьми меткость и выразительность языка,

показывают, как богата родная речь юмором, живыми и образными выражениями, сравнениями.

Не только стихотворения нужно читать детям, но и прозу. Здесь тоже – прекрасные образцы литературного языка. В рассказах дети познают лаконизм и точность языка; в стихах – музыкальность, напевность, ритмичность русской речи.

А сказки, помимо всего вышесказанного, безусловно, воспитывают ребёнка добрым и любящим человеком. Очень рады были и педагоги, и психологи, участвовавшие в работе нашего конкурса, книгам Натальи Риттиной. В её творчестве много замечательных приключений, немало трогательных и забавных ситуаций. А сколько жизнелюбия и вдохновенной фантазии! О творчестве Н. Риттиной можно говорить много, но знаю, что именно по её сказкам занимаются психологи в центре с детьми с особенностями развития.

Из книги ребёнок узнаёт много новых слов, образных выражений, его речь обогащается эмоциональной и поэтической лексикой. Литература помогает детям излагать своё отношение к прослушанному, используя сравнения, метафоры, эпитеты и другие средства образной выразительности. Но не только. Не могу не сказать о патриотическом воспитании. Подаркам детям на нашем конкурсе были книги Наталии Ярославцевой, молодого прозаика, в которых раскрывается именно эта тема.

Говоря о значении художественной литературы для детей, нельзя оставить без внимания один из самых важных вопросов – связь речевого и эстетического развития ребёнка. Может ли ребёнок рассказать о том, что ему прочитали? О том, что он сам прочитал?

В системе личностного развития подрастающего поколения вопрос об особенностях восприятия книги детьми является одним из актуальных и в психологии, и в педагогике сегодня.

Развитие речи самым тесным образом связано с развитием сознания, познанием окружающего мира, развитием личности в целом. Это серьёзная тема, но если говорить кратко, то родной язык является средством овладения знаниями, изучения всех учебных дисциплин в школьном и последующем образовании.

Долго изучавший процесс мышления и речи психолог и педагог Л.С. Выготский считал: *«Есть все фактические и теоретические основания утверждать, что не только интеллектуальное развитие ребёнка, но и формирование его характера, эмоций и личности в целом находится в непосредственной зависимости от речи»*. Здесь очень важна помощь профессионалов – педагогов, преподавателей, психологов.

Скажу, что работа в жюри детского конкурса показала мне, насколько много в нашей стране таких специалистов, которые добросовестно относятся к своему делу. Пример работы коллектива Государственного бюджетного учреждения Калужской области «Обнинский Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями “Доверие”» показателен. Я был поражён и искренне рад. Эти люди не на словах, а на деле в полной мере обогащают духовный и культурный уровень воспитанников.

Вернусь к итогам нашего конкурса. В основе любых творческих конкурсов лежит принцип интеграции разных видов деятельности, которые затрагивают все сферы развития личности ребёнка. Ребята, участвовавшие в нашем конкурсе «Рыбка золотая. Сказки и мечты», не только писали сочинения, но и рисовали. Тематика нашего конкурса была очень грамотно выбрана организаторами. Это и сказки А.С. Пушкина, и личные мечты детей, то есть свободная тема. Так что тематика конкурса была и интересна детям, и педагогически целесообразна.

Я искренне рад, что мне удалось принять участие в работе жюри конкурса. Дети приобщились к творчеству, ведь они создавали свои произведения. Они получили в подарок достойные образцы детской литературы современных писателей. Более того – и в детскую библиотеку, и в центр «Доверие», и ещё в несколько организаций, работающих с детьми, были переданы книги, которые теперь доступны всем желающим!

Наша задача, задача писателей – приобщение детей к детской литературе и детскому чтению, к творчеству и созиданию – во взаимодействии с педагогами и родителями была выполнена.

РОЛЬ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

И мы, писатели, участвовавшие в работе жюри, получили бесценный опыт.

И в заключении опять повторяюсь.

Мы, неважно, о ком речь, о писателе или психологе, родителе или учителе, мы все хотим, чтобы наши дети были грамотными читателями!

Но... чтобы в ребёнке воспитать читателя, мы сами должны проявлять интерес к книге, понимать её роль в жизни человека, знать те книги, которые будут важны для ребёнка! А значит, для будущих поколений!

Надо постараться, несмотря на занятость, внимательно следить за новинками детской литературы!

И – это неременное условие счастливого будущего – надо учиться интересно беседовать с ребёнком и быть искренним в выражении своих чувств.

Наталья БУДУР

Наталья Валентиновна Будур – писатель, культуролог, переводчик со скандинавских и английского языков. Член МГО СП России. Автор более 20 книг. С 2003 по 2009 годы – член исполкома Совета по детской книге России (РВВУ). С 2007 года – член правления (бюро) секции детских писателей Московской писательской организации СП РФ. В 2009 году была координатором

Года Гамсуна в России со стороны Посольства Королевства Норвегия в РФ. В 2011 году – координатором Года Нансена в России со стороны Посольства королевства Норвегия в РФ. Автор книг о норвежской и русской культуре и литературе (в том числе «Нансен. Человек и миф», «Гамсун, Мистерия жизни» (серия ЖЗЛ), «Викинги. Пираты Севера», «Повседневная жизнь инквизиции», «Эти странные норвежцы», «Руническая магия», «Повседневная жизнь колдунов и знахарей»), научных статей по истории, литературоведению и культурологии, изданных в России и за рубежом, участник многих международных научных конференций (в МГУ, РГГУ). Выступала с лекциями в Норвегию по приглашению норвежских издательств и газет. Лауреат ряда литературных премий.

Живёт в Москве.

ОСТАВЬ ОКНО ОТКРЫТЫМ

Классическая английская литературная сказка

Сказка – первая книга, которая приходит к ребёнку. Сначала сказки малышам читают родители, затем дети подрастают и начинают читать их сами. Как же важно, чтобы в руки взрослым – ибо именно они покупают и приносят в дом книги! – попали хорошие сказки.

Английским родителям в этом отношении очень повезло, ибо именно в Британии в заколдованном саду эльфов по мановению волшебной палочки феи, рассказывающей на ночь детям сказки, выросли прекрасные цветы.

Народные предания, легенды и сказки в Англии любили всегда. Известный фольклорист Гектор Урквукарт писал в 1860 году: «В моей родной деревушке Пул-Ив в Шотландии, когда я был мальчиком, существовал обычай: долгими зимними вечерами молодёжь собиралась у кого-нибудь в доме послушать, как старики рассказывают истории, которые передавались из поколения в поколение».

Начиная с конца XVIII века, сказки и предания стали записывать и издавать. Среди учёных-фольклористов особенно известны имена Джозефа Джекобса, издавшего в 1890 году сборник сказок, который и поныне считается одним из лучших, и Эндрю Ланга, прославившегося своими книгами легенд и преданий, названия которых соответствовали цвету их обложек.

Именно Джекобс и Ланг перекинули мостик от чисто фольклорной (научной) сказки к сказке литературной (авторской).

Дело в том, что попытки обработать (переписать и адаптировать) для широкой аудитории фольклорную сказку, изменив при этом кое-что в её сюжете и языке, вызвали буйные протесты учёных-собираателей, которые стремились сохранить нетронутыми образчики народного творчества. Вполне возможно, что именно этим и объясняется позднее возникновение – в XIX веке – литературной сказки на туманном Альбионе.

Отцами сказки литературной по праву называют француза Шарля Перро и немцев братьев Grimm. Однако собрания их сказок скорее стоит называть «фольклористическими», ибо они представляют собой литературную обработку народных сказок, где нет ещё полного осознания авторства.

Именно осознанное авторство и является основным отличительным признаком литературной сказки, когда писатель сам создаёт своё произведение, пусть даже и основанное на фольклорных источниках.

В основу авторских английских сказок легли, прежде всего, народные предания и легенды об эльфах и феях, характерные для многих областей Великобритании. Исследователи считают, что эти сказочные существа пришли в английский фольклор из кельтских преданий и являются своеобразной «помесью» кельтских природных духов и германских карликов.

Тем не менее интерес к народному творчеству, легендам и преданиям заметен еще в произведениях авторов позднего Средневековья – например, в книгах Томаса Мэлори (прежде всего, «Смерти Артура»).

Невозможно, говоря о сказке, не упомянуть и имени великого Уильяма Шекспира, знатока английского фольклора. В духе народной сказочной поэзии написаны им пьесы «Зимняя сказка» и «Буря», а в «Сне в летнюю ночь» на сцене появляется король фей Оберон и эльф-проказник Пак (последний станет главным героем двух прекрасных сказочных сборников Редьярда Киплинга «Пак с холмов Пэка» и «Подарки фей»).

Значительное место сказка и легенда занимают и в творчестве знаменитых поэтов-лауреатов Р. Саути и У. Теннисона. Несомненно влияние фольклорной традиции и на произведения сэра Вальтера Скотта.

Сказка же литературная возникает впервые в творчестве писателя и учёного Вильяма Роско и писательницы Кэтрин Дорсет.

Вильям Роско – основоположник анималистической сказки в Англии, а её традиции продолжили и развили Роберт Саути (который обработал народную сказку о трёх медведях), Беатрис Поттер, Хью Лофтинг, Редьярд Киплинг и Кеннет Грэм.

Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1893) – фигура в английской литературе неоднозначная и крайне противоречивая. Критики много писали о его стремлении к идеалам силы, порядка и солдатской доблести. Его идеи были довольно просты и незамысловаты: Британская империя превыше всего, а сами англичане – высшая нация в мире, которая призвана просвещать другие народы и заставлять их жить по своим – лучшим – законам.

Однако сказки Киплинга – одни из лучших в мире, и дети со всем не думают об идеях силы и порядка, когда читают «Книги джунглей», пересказ которых известен на русском языке под названием «Маугли».

Киплинг долгое время проработал в индийских колониях журналистом и прекрасно знал восточный фольклор.

Редьярда Киплинга называли «беззаконной кометой», ворвавшейся в английскую литературу. В эпоху литературного безвременья, на закате викторианства его произведения привлекали стройностью и ясностью, силой и мужеством, жизнестойкостью и здоровым оптимизмом.

Эстеты – в том числе и Оскар Уайльд – упрекали писателя в излишней грубости и журналистском вульгаризме. Друзья – например, Генри Джеймс – не принимали его «резких патриотических стихов», считая их слишком назойливыми. Враги просто называли «литературным хулиганом».

После «прихода» в литературу писателей-авангардистов книги Киплинга были преданы забвению как никому не нужные творения мастодонта «стухшей цивилизации» (по образному выражению Эзры Паунда), а в похоронах «забытой знаменитости» (Т.С. Элиот) в Вестминстерском аббатстве (что само по себе является большой честью) не захотел принять участие ни один крупный английский писатель.

Однако «время простило писателя и его взгляды, потому что он хорошо писал» (У. Орден), и полемика вокруг политических взглядов Киплинга лишь вернула ему утраченную известность.

Детям всего мира прекрасно знакомы анималистические сказки из сборника «Вот так сказки» (или «Просто сказки»),

первые из которых писатель стал создавать, отвечая на бесконечные «откуда» и «почему» своей маленькой дочери Эффи.

И как бы критики ни старались найти в них влияние «железного» Киплинга, детям нравятся смешные животные и невероятные приключения, нравятся ответы на вопросы «Почему у верблюда горб?» и «Почему у кита такая большая глотка?».

«Просто сказки» – это не просто сказки, а невероятно домашняя книга, написанная любящим отцом для любимого ребёнка, и дети не могут не заметить и не оценить этого.

У Киплинга и раньше были детские книги – например, «Отважные капитаны», двухтомная «Книга джунглей», но настоящую известность ему как детскому писателю принесли именно «Просто сказки».

Тут уместно будет заметить, что Киплинг продолжил и дружную традицию детской английской литературы – сам проиллюстрировал свои сказки и дал пояснения к ним.

Прекрасно известна анималистическая сказка и благодаря бессмертному творению Хью Лофтинга (1886–1947) о докторе Дулитле, известному в русском переводе под именем доктора Айболита. Сказку эту Лофтинг впервые написал в письмах домой с фронта в первую мировую войну, снабдив их собственными иллюстрациями. Перевёл же её – в стихах – на русский язык в 1925 году Корней Чуковский.

Лофтинг, инженер и архитектор по образованию, создал две книги о докторе Дулитле, последняя из которых была опубликована уже после смерти автора в 1953 году.

Лофтинг написал не только замечательную сказку о животных, но ввёл в неё и элементы весёлых перевёртышей. Сказка эта буквально излучает доброту и веселье, а всё потому, что, пребывая на войне, Лофтинг в письмах своим детям не хотел рассказывать об ужасах войны, а предпочёл смешить и радовать их своим забавными историями.

Помимо анималистической сказки Киплинг творил ещё и в жанре сказки фантастической, он по сути был одним из родоначальником жанра фэнтези, создав сказочную эпопею в двух томах – «Пак с холмов Пэка» и «Подарки фей», главным геро-

ем которой стал шекспировский Пак, рассказывающий сестре и брату Юне и Дану историю Англии и веселящий их своими проделками и волшебством.

Дилогия Киплинга – это классика жанра фэнтези – волшебных историй про эльфов и духов.

Впоследствии фантастическую сказку создали Алан Гарнер и Дж. Р. Толкин, Э. Фарджон и Лорд Дансени, Э. Несбит и Б.Л. Пикард.

Среди лучших представителей этого жанра нельзя не упомянуть и Джорджа Макдональда (1824–1905), англо-шотландского поэта, проповедника, лектора и автора многочисленных традиционных романов в стиле викторианства, прославившегося и своими замечательными сказками для детей.

Впервые в истории английской литературной сказки в произведениях Макдональда героем становится не сказочный принц, а простой мальчик или юноша из народа.

Макдональда по праву называют основоположником традиции, продолженной впоследствии К.С. Льюисом и Дж. Р. Толкином. Честертон, оценивая творчество Макдональда, назвал его «одним из трёх или четырёх величайших умов XIX века».

Лорд Дансени (полное имя – Эдвард Джон Моретон Дракс Планкетт Дансени, 1878–1957) – известный на Западе англо-ирландский писатель, один из основоположников жанра фэнтези, прозаик, эссеист, драматург, переводчик, блестящий стилизатор и стилист.

Жизнь его удивительна и полна приключений. Восемнадцатый барон одного из трех древнейших родов Ирландии, близкий друг Йетса, участник бурской и первой мировой войн, азартный охотник, он принимал активное участие в движении «Ирландского Возрождения», основной целью которого было развитие и подъём ирландской национальной культуры. Сам писатель утверждал, что проводит за письменным столом лишь 10% своего драгоценного времени, а остальные 90% посвящает разным спортивным и азартным играм, охоте и прочим развлечениям.

Наряду с Йетсом и Шоу Лорд Дансени считается создателем национальной ирландской драмы. На его творчество несомнен-

ное влияние оказал Метерлинк. Перу Дансени принадлежит ряд пьес, среди них самые известные – «Враги королевы», «Боги гор» и «Сверкающие врата», несколько автобиографий и сборники и романы на мифологическо-фэнтезийные темы – «Боги Пеганы», «Меч Велларена», «Рори и Бран», «Дочь короля Эльфландии» и многие другие.

Почти все произведения Дансени основаны на переработанной мифологии Востока и Европы. В его произведениях встречаются как традиционные персонажи сказок и легенд, так и выдуманные самим автором. Тонкая стилизация подчас заставляет читателя забыть, что изящные новеллы написаны в начале века, а не в средние века. Мир Дансени – это мир воображения, где всё возможно и необъяснимо. Тем не менее, герои Дансени всегда стремятся к добру и неизменно побеждают зло, иногда ценой собственной жизни.

Из мифотворцев XX века наиболее известен, вне всякого сомнения, Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973), создатель знаменитой страны, где живут хоббиты, которым и приписывается авторство сборника «Приключения Тома Бомбыла».

Во «Властелине колец» и цикле «Сильмариллион» разработана блестящая авторская мифология Толкина.

Филолог, лингвист и переводчик, Толкин прославился ещё и тем, что смог создать искусственные языки, над разгадкой которых и по сей день бьются толкинисты.

Элинон Фарджон (1881–1965) – детская писательница и поэтесса, автор многочисленных литературных сказок, литературная слава к которой пришла после выхода в свет первой же книги – «Мартин Пиппин в яблонево́м саду», в которой проза перемежалась стихами. Активно используя фольклорные мотивы и народную поэзию, писательница создала целый ряд книг о Марине Пиппине и написала пьесу «Хрустальная тувфелька» по мотивам сказки о Золушке, но наибольшую известность приобрел её сборник сказок «Маленькая книжная комнатка», за которую Фарджон получила в 1952 году литературную премию имени Ханса Кристиана Андерсена.

Премия Андерсена была вручена Фарджон первой из современных детских авторов. Писательница также награждена медалью Карнеги.

Родилась Элино́р Фарджон в семье писателя и актрисы, которые активно поощряли литературные занятия дочери. Сочинять и читать девочка начала практически одновременно.

Большое влияние на творчество Фарджон оказали сказки Андерсена, с которыми она познакомилась в раннем детстве. В сказках Фарджон всегда рассказывается о чём-то удивительном и необыкновенном, и действие может происходить как в вымышленном королевстве, так и в современном мире. Но даже мир вымышленный, фантастический, необыкновенный, всегда легко узнаваем и проектируем на действительность.

Эдит Несбит (1858–1924) вошла в историю детской литературы как автор многочисленных сказок с элементами мифологии, научной фантастики и детектива. Её сказки отличаются эпическим размахом и небольшими размерами, магической властью героев и реалистичностью и даже заземлённостью некоторых сюжетов...

Литературный успех писательнице снискали романы о семействе Бастабл, основанные на воспоминаниях о собственном детстве: «Искатели сокровищ», «Примерные дети» и «Новые искатели сокровищ».

Несбит по праву считала себя «одной из тех, кому дано остаться детьми во взрослом мире». Её сказки отличаются свежестью и живостью непосредственного детского восприятия, ярким и непредсказуемым воображением и мягким юмором, а также неизменно имеют хороший конец, какими бы трагичными ни представлялись читателю судьбы героев.

Критики утверждают, что Несбит удалось создать свой собственный сказочный мир, во многом похожий на мир Кэролла, в котором всё наоборот. Неслучайны поэтому постоянные отсылки в тексте – незаметные для непосвящённого читателя – к произведениям этого великого сказочника. В её сказках широко применяется игра слов, «перевёртыши», которые часто довольно сложно – как и сказки Кэролла – перевести на русский

язык. Встречаются в сказках Несбит и аллюзии на произведения и других авторов – например, на повести Р.Л. Стивенсона.

Несбит умело вводит в мир своих сказок реалии повседневной современной ей жизни, обыгрывает последние достижения техники. Тем не менее основными в её произведениях являются всё же традиционные волшебные приёмы – это и перелёты в другие миры, и волшебное кольцо, обладающее сверхъестественной силой, и путешествие в царство мёртвых.

В 1839 году выходит в свет «Невероятная история о великанах и фэйри» Кэтрин Синклер (1800–1864) – первая сказка-нонсенс, сказка-нелепица, сказка-абсурд, жанр которой со временем станет столь популярен в Англии.

Вслед за Синклер этот жанр «освоил» поэт и художник Эдвард Лир (1812–1888), написавший книгу, в которой всё наоборот: стихи, загадки, картинки – и даже музыка.

Именно Эдварду Лиру принадлежит честь создания слова «нонсенс», употреблённого впервые Кэтрин Синклер, которое теперь как самостоятельное понятие существует на всех языках мира.

В историю детской мировой литературы Лир вошел и как родоначальник нового стихотворного жанра для детей – лимерика, названного по имени города Лимерика в Ирландии. Лимерик – шуточное стихотворение из пяти строк, где рифмуются первая, вторая и пятая, третья и четвёртая строки, в котором заключена притча, шутка небылица. Короче, перед нами – ещё один вариант умной бессмыслицы.

Стиль Лиры очень изящен и отточен, каждое слово, при всей своей внешней «никчемности» и «лёгкости», имеет строго определённую для всего текста значимость и занимает не случайное, а выверенное чуть ли не до математической точности положение в предложении.

Но особенно известна абсурдная сказка стала благодаря профессору Оскфордского университета, специалисту в области математической логики и анализа Чарльзу Доджсону, известному во всем мире как Льюис Кэрролл (1832–1898), который сочинил сказки для своей любимицы Алисы Лид-

делл, дочери ректора колледжа, по имени которой и названы эти книги.

Чарльз Латвидж Доджсон был блестящим математиком и логиком. По мнению специалистов, его работы по логике до сих пор поражают парадоксальным ходом мысли и оригинальностью суждений. Профессор увлекался и фотографией, и сделанные им снимки прочно вошли в анналы художественной фотографии.

Вошёл он навсегда и в историю сказки.

С литературной точки зрения сказки об Алисе и для Алисы связаны с классической литературной (например, сказками Андерсена и романтиков) и классической фольклорной сказками.

Однако автору удалось создать собственную форму сказки – интеллектуальной, иронично-пародийной.

Однако «Алиса в Стране Чудес», как, впрочем, и «Алиса в Зазеркалье», отличается тем, что абсурд там часто прикрывает собой здравый смысл, что под детскими шутками скрывается социальная сатира, что милые стихи – на самом деле злая пародия.

Неслучайно исследователи творчества Кэрролла до сих пор находят в его сказках признаки каких угодно идей и теорий – от релятивизма до сюрреализма.

Книга Кэрролла оказалась такой «недетской» ещё и в силу того, что это был единственный способ писать о проблемах, которых не позволяло коснуться викторианское ханжество.

Первым почувствовал «взрослую направленность» книги её иллюстратор Джон Теннил, опытный политический карикатурист, который изобразил Алису «недетской девочкой», что не особенно, к слову сказать, понравилось самому автору.

Тем не менее нельзя отрицать необычайную привлекательность «Алисы» для детей – которые в первую очередь видят в этих сказках волшебные приключения маленькой девочки, попадающие в самые невероятные и увлекательные ситуации.

Близка к «Алисе» и сказка Уильяма Мейкписа Теккерея (1811–1873) «Кольцо и роза». Эта единственная сказка неистового скептика и весьма ядовитого сатирика представляет собой не что иное, как ироничную пародию на сказку и рыцарский роман.

Именно с Теккеря и начинается устойчивая английская традиция, когда сами авторы иллюстрируют собственные произведения. Однако в случае с Теккереем было ещё интереснее – сначала он нарисовал свою сказку, а затем уже облек её в слова.

Однако существенным отличием сказки Теккеря от дилогии Кэролла является то, что Теккерей не «трогает» мир вещественный, оставляет его неприкосновенным, в то время как Кэролл всё ставит с ног на голову, переносясь в буйный мир неудержимой фантазии.

Особое внимание следует обратить и на тот факт, что «Алиса» – это первая сказка-сон в Англии. И хотя у неё уже были предшественницы («Щелкунчик» Гофмана и «Чёрная курица» Погорельского), сказка-сон стала особенно популярна именно в Великобритании и считается одной из особенностей английской детской литературы. В этом жанре писали Киплинг, Несбит, Льюис и другие авторы.

Критики указывали, что мир «перевернутой» логики Кэролла во многом схож с «асимметричным» миром сказок Несбит.

Сказкой-абсурдом являются и книги о Мэри Поппинс Памелы Трэверс (1902) (известна в Англии также как театральный критик и журналистка). Это произведение представляет собой продолжение традиции абсурда и эксцентрики.

Писательница стремится показать мир современной ей Англии со всеми его заботами и проблемами с точки зрения восприятия его ребёнком.

В этих книгах – а написано их о Мэри Поппинс четыре, последняя из которых «Мэри Поппинс от А до Я» – проглядывает и традиция английских романов «воспитания» с их неизбежным счастливым концом и нравоучительным подтекстом.

Эта сказка затрагивает, помимо всего прочего, ещё и проблемы неблагополучия в семье, что характерно для детской литературы ещё со времён Диккенса.

Тема эта для английской литературы крайне популярная. Упомянем лишь имена лучших сказочников этого направления – Фрэнсис Брауни, Чарльза Кингсли и Уолтера Де Ла Мара.

Позднее эта тема найдёт развитие в сказочной повести Джеймса Барри (1860–1937) «Питер Пэн», которую и критики, и дети трактуют по разному – кто-то видит в ней лишь смешные приключения, кто-то – трагическую историю маленького мальчика, о котором забыла мама и который поэтому решил никогда не становится взрослым, а кто-то – напоминание детям о смерти...

Как бы там ни было, все критики едины во мнении, что ошеломляющий успех «Питера Пэна» объясняется введением в сказку пиратов и краснокожих индейцев, что было совершенно новым для сказочной литературы. Заметим, что необитаемый остров Барри стал данью его детским увлечениям – прежде всего романами Стивенсона и Дефо.

Но и родителям есть над чем задуматься при прочтении этой книги – например, над отношением к собственным детям, их играм и фантазиям. Чего стоит рассказ Питера Пэна о том, как мама не дождалась его и, когда он вернулся домой, в его кровати уже спал другой ребёнок...

Начинал Барри как писатель для взрослых – однако сейчас мало кто помнит его «серьёзные» творения. Вся проза Барри предельно автобиографична, из-за чего её часто обвиняют в излишней сентиментальности и приторности. Почти все герои и ситуации в произведениях создателя Питера Пэна имеют своих реальных прототипов.

В «Питере Пэне» особенно сильно чувствуются ностальгические ноты и тоска одиночества, боль неудачного брака, разочарование из-за разбитых надежд на отцовство.

Создавался «Питер Пэн» для пятерых сыновей близких друзей Барри Артура и Сильвии Льюэллин. Младшему мальчику – Питеру – было всего несколько месяцев, и Барри веселил старших детей рассказами о том, что малыш Питер умеет летать.

Впервые «Питер Пэн» был представлен широкой публике в виде пьесы, премьеры которой одновременно состоялись в Лондоне и Нью-Йорке в 1904 году. Пьеса имела грандиозный успех, и с тех пор «Питер Пэн» неизменно идёт во всех театрах мира с полным аншлагом на Рождество.

Интересно, что пьеса имеет более двадцати вариантов, ибо её создатель неутомимо переписывал своё произведение для каждой последующей постановки. Так, в 1908 году в пьесе неожиданно появился новый финал, ставший впоследствии последней главой романа «Питер Пэн». Написан он был специально для продюсера и друга Чарльза Фромана, которому всегда не терпелось узнать, что же произошло с героями Барри во взрослой жизни.

За литературные заслуги Барри получил титул баронета и именно с его именем связаны изменения в законе об авторских правах Британии. Всё дело в том, что все свои авторские гонорары за «Питера Пэна» писатель передал лондонскому детскому госпиталю. И когда в 1987 году срок авторских прав истёк, парламент специальным законом утвердил за правами «Питера Пэна» бессрочный статус, выражая тем самым благодарность писателю от всего английского народа за его великодушие.

Волшебная сказка была характерна и для творчества Чарльза Диккенса, который, тем не менее, умудрился сделать её правдоподобной. Это и знаменитый цикл «Рождественские рассказы», написанный в традиционном жанре святочного рассказа со всеми его «обязательными» чертами – появлением духов, волшебством, переплетением мира сказочного и мира таинственного и, конечно, счастливым концом, и книга «Holiday Romance», в которую включены четыре истории, якобы рассказанные детьми в возрасте от шести до восьми лет.

Тут уместно будет заметить, что для детской литературы в Англии вообще и сказки в частности характерно внимание к ней «взрослых» писателей, классиков английской литературы.

Тесно связано с литературной сказкой и имя Оскара Флингала О'Флайэрти Уиллиса Уайльда (1856–1900), поэта, романиста, основоположника эстетизма, всемирную известность которому принесли именно сказки.

Чрезмерность и непредсказуемость – вот основные черты характера и творчества Уайльда. Ни в чём он не знал меры и ни перед чем не останавливался.

Многие из сказок были созданы им первоначально «в устной традиции» – писатель рассказывал их на ночь своим сыновьям.

Однако большинство сказок вряд ли можно – как и «Алису» Кэролла – назвать детскими: все они написаны с явным надломом, отличаются крайним пессимизмом, дидактичны и назидательны. Все они полны света и боли.

Уайльд – одна из самых трагических фигур английской литературы конца XIX – начала XX веков. Культ красоты и искусства ради искусства был его творческим кредо. Он видел единственный способ выжить в буржуазном мире – противопоставить его низменности и продажности мир красивой выдумки.

Не удержался от «соблазна» создания сказки и другой классик английской литературы – Вильям Сомерсет Моэм (1874–1965), писатель-реалист, драматург, новеллист и критик.

Моэм – мастер короткого рассказа, многие из которых считаются непревзойденными образчиками английской прозы. Именно в них (характерным примером являются и его сказки) искусство Моэма-рассказчика проявилось в полной мере; совершенство формы, основываясь на принципах простоты и благозвучия, сочетается с мягкой иронией и ненавязчивой назидательностью.

Продолжая традиции английских писателей создавать сказки для своих детей, Кеннет Грэм (1859–1932) – уважаемый служащий банка – написал в письмах к сыну Алистеру и создал в устных рассказах историю об обитателях Речного Берега – романтике дядюшке Рэте, сумасшедшем автомобилисте Тоуде, застенчивом Кроте...

Начал Грэм свое творчество с публикаций в издании «Жёлтая книга» и некоторых английских журналах, в том числе и «Нэшенел Обсервер».

Наибольшей популярностью из книг Грэма во всём мире пользуется «Ветер в ивах». Критики отмечали, что при всей своей внешней фрагментарности – а состоит повесть из 12 самостоятельных эпизодов – это произведение удивительно цельно и логично.

Главы 1–5 рассказывают о жизни на Речном Берегу и знакомят читателей с основными персонажами сказки. Автор умело

комбинирует различные жанры, переходя в каждой главе к новым их разновидностям – пасторальной идиллии, гротескной комедии, философским размышлениям и фантастическим приключениям.

Не вызывает сомнения и сатирическая направленность глав, посвящённых автомобильным эскападам мистера Тоуда, которые представляют собой не что иное, как продолжение и развитие традиций плутовского романа XVIII века Филдинга и Смолетта. Силен в повести и пародийный элемент.

Успех к «Ветру в ивах» пришел не сразу, а лишь в 1929 году, когда повесть переделал в пьесу А.А. Милн.

Сам Алан Александр Милн (1882–1956) тоже создал специально для своего единственного сына Кристофера Робина одну из самых популярных во всем мире сказку о плюшевом медвежонке, однако в отличие от сказок Уайльда, приключения Винни-Пуха смешны, наивны и по-детски легкомысленны. «Я, собственно, ничего не придумывал, – писал сам Милн, – мне оставалось только описывать», ибо игрушки – и медвежонок, и Ослик, и Пятачок существовали в действительности – в виде игрушек Кристофера Робина Милна.

Хотелось бы особо отметить, что писатель, продолжая традиции анималистической сказки, создал свою собственную разновидность сказки о животных – животных игрушечных (в отличие от столь любимого им Кеннета Грэма, который писал о живых зверях, действующих как люди).

Помимо сказок о Винни-Пухе («Винни-Пух» и «Домик на Виннипуховом перекрестке»), перу Милна принадлежат стихотворные сборники «Когда мы были совсем маленькими» и «Теперь нам уже шесть», а также две сказки на «вольную» тему.

«Безоблачно-весёлые» сказки и стихи Милна не так уж и безоблачны, как кажутся на первый взгляд. Они заключают в себе, прежде всего, призыв не унывать в послевоенную эпоху всеобщего уныния и «потерянности».

Отношение самого Милна к своим детским книгам весьма отрицательно – ведь они буквально отрезали ему путь обратно во «взрослую» литературу. В предисловии к одному из своих

детективных романов Милн писал: «Дети оказались для меня сущим бедствием».

В сокровищнице английской детской литературы есть и ещё замечательные сказки о животных, принадлежащих перу Беатрис Поттер (1866–1943), чудесной писательницы и великолепного художника. Большинству маленьких читателей она известна как автор книг о Питере Пуше (Питере Кролике) и его друзьях. Сказки эти написаны для малышей, и практически во всех из них действует храбрый и жизнерадостный крольчонок, который всегда находит выход даже из самых затруднительных ситуаций.

Животных Беатрис Хелен Поттер любила с детства – она выросла в богатой семье, в окружении гувернанток и великого множества домашних зверюшек, среди которых были котята и птицы, лягушка и ёж, крыса и мышки.

Получив первые гонорары за «Питера Пуша» (1901), писательница смогла купить ферму Хилл Топ, где и написала большую часть сказок, которые в большей своей части созданы для детей Энни Мур, её бывшей гувернантки.

В 1904 году она продолжила серию сказок о кроличьем семействе. рассказами о кузене Питера Бенджамине Банни и его детях – Флосиных крольчатах.

Но сказки Поттер не только и не столько занимательны и смешны, они ещё и учат детей, как правильно вести себя, как важно быть вежливым и внимательным, добрым и трудолюбивым, помогать взрослым и слушаться своих родителей.

Примечательно, что все свои сказки Беатрис Поттер иллюстрировала сама, создавая нежные акварели в пастельных тонах. Однако она очень не любила рисовать человеческие фигуры, и на её рисунках вы нигде не встретите изображения людей крупным планом.

Словом, английским родителям действительно повезло. Пусть так же повезёт и русским мамам и папам, и пусть они оставят открытым окно, чтобы в любой момент мог прилететь и к их детям в гости Питер Пэн и увести их в сказочную страну детства!

Наталья МОТОРНАЯ

Наталья Яковлевна Моторная – поэт, прозаик, критик, композитор, педагог, психолог. Родилась в городе Ростове-на-Дону в семье партийного работника. Член МГО Союза писателей России и Союза журналистов Подмоскovie. Много трудилась во благо страны, в том числе в г. Ленинске (ныне космодром Байконур). Была руководителем ЛИТО «ИСТОКИ» г. Краснознаменска

Московской области, издала ряд альманахов городских поэтов и прозаиков. Автор книг «По розовому лучу» (1997), «Литературно-психологические метафоры “Идите и будьте счастливы”» (2005), «Времена чувств» (2007), сборника детских стихов «Паучок» (2010). В течение 20 лет работает с молодыми авторами. В данный момент в Молодёжном центре г. Краснознаменска руководит литературным молодёжным объединением «Дебют», которое разрослось в объединение различных искусств: поэзии, прозы, изобразительного искусства, музыкального творчества. Московской городской организацией Союза писателей России награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, медалью «За профессионализм и подвижничество», орденом В.В. Маяковского и другими наградами.

Живёт в г. Краснознаменск Московской области.

СЛОВО ЛЮБВИ

Любовь ЗЕМНАЯ. «Возлюби мир Божий».
Стихи для детей дошкольного возраста. – М., 2021. – 24 с.

Я думаю, начинать серьёзный разговор о детском чтении следует с озабоченности тем, что наши дети мало читают и что детская книга в качестве подарка – явление редкое. Такие подарки своим внукам обычно делают любящие дедушки и бабушки, чьё поколение покоряло льды северных морей в поисках пропавшей экспедиции капитана Татаринова, изучало цивилизацию на Марсе, поражалось открытию луча, способного как уничтожить всё живое на Земле, так и воссоздать новую жизнь. Увы, многое сейчас не воспринимается современными родителями и их детьми, хотя об этом можно поспорить, ведь на третьем месте по изданиям и продажам детской литературы стоит наш Корней Чуковский! На первом и соответственно втором – Джоан Роулинг и Холли Вебб. Отметьте, что это иностранные авторы. Конечно, они полюбились маленькому читателю, сюжеты книг интересны не только детям, но и взрослым! Но почему же тогда продажи детской литературы в России катастрофически падают?! Да, есть этому объяснение: нет хорошей бумаги, цены на краски растут, но главное – всё реже встречаются писатели и поэты, которые хотят и могут писать для детей. Наверное, это удивительно, но написать хорошую, умную книгу, которая учит добру, дарит радость общения с мудрым автором, сложно!

Вызывает удивление и тот факт, что практически пропали сайты в Интернете, где можно было бы познакомиться с нашими, а не зарубежными авторами! Да и конкурсы на лучшую детскую книгу если и проходят, то в центральных СМИ это как-то мало отражается, а ведь детская книга – это не просто развлекательное чтение, это средство воспитания подрастающего поколения.

Вот почему хотелось бы обратить внимание на книгу Любви Земной. Это, казалось бы, простые стихи для детей, но в них автор открывает ребёнку мир радости, любви и счастья! Книга

поэтому и называется «Возлюби мир Божий». Она о семейных традициях, о дружбе, об окружающем мире, который познавать интересно.

*Мне в хоккей играть легко
С дедушкой и Настей,
Брошу шайбу далеко –
Улыбнусь от счастья.*

*Папа, мама очень заняты:
На работе день-деньской.
Для меня светло и памятно,
Если вдруг они со мной.*

*Я на маминых руках
Окунаюсь в море.
Но в меня закрался страх,
С любопытством споря.*

Хочется отметить, что автор пишет так, что стихотворные строчки понятны ребёнку, они легко запоминаются и создают в воображении малыша яркие образы. Речевые навыки дошкольника развиваются, он получает образец хорошей русской речи, а чёткие рифмы и ритм стиха окрашивают происходящее в радостные краски. Небольшие и весёлые стихи быстро учатся наизусть, ведь они о жизни ребёнка, о его первых открытиях и переживаниях.

Книга воспитывает маленького человека, акцентирует его воспоминания на важных для него событиях:

С СОБАКОЙ УНОЙ

*Я гулял с собакой Уной,
Весь крутой и очень умный.
Оказалось, Уна мило
Выгулять меня решила:*

Понеслась стрелой вперёд –
Я не смог дать задний ход!

НА КРЕЩЕНИЕ РОМАНА

Окрестил меня в купели
Батюшка «во имя...».
Всё мне белое надели –
Божий я отныне.

Отнесли в Святых Святое,
Чтобы сердцем ожил
И с душевной чистотою
Возлюбил мир Божий.

Книга небольшая по объёму, но написана с большой любовью. Поэт посвятила её своему внуку.

С детскими текстами Любовь Земная, член МГО Союза писателей России, поэт и прозаик, работает давно. В её творческой копилке девять книг.

Книгу замечательно проиллюстрировала художник Елена Носикова.

Хочется пожелать не только автору новых книг для детей, но и издателям, которые заинтересованы в текстах для подрастающего поколения, находить новые возможности для увеличения выпуска такой необходимой сейчас детской литературы. Пусть на книжных полках и в сердцах читателей живёт русское слово любви к миру.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергей ЕРЕМЕЕВ

Сергей Васильевич Еремеев – поэт. Академик РАЕН (Российской академии естественных наук). С начала века неоднократно входил в число самых издаваемых авторов книг для детей в России. Один из авторов «Самой большой в мире книги для малышей». Автор 33-х стихотворных азбук. Лауреат первых премий фонда «Русская культура» за лучшие серии книг для детей дошкольного возраста в рамках Всероссийского и международных конкурсов «Я расту!». Лауреат литературной премии им. А.П. Чехова. Победитель конкурса литературных произведений «Скажи своё слово о хоккее». В декабре 2020 года объявлен победителем Всероссийского конкурса киносценариев под эгидой Министерства просвещения – в номинации «Лучший сценарий анимационного фильма». В августе 2022 года занял первое место в открытом поэтическом конкурсе «Во славу России», который проводился при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. В июне 2023 года был выдвинут Московской городской организацией Союза писателей России на Национальную премию в области детской и подростковой литературы в номинации «За вклад в развитие детской литературы». Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами»-2023.

Живёт в Москве.

ТЫ ЛЕТИ, БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ...

МОИ МЕЧТЫ

Говорят, мечтать не вредно.
Хорошо мечтать победно!
Чтоб мечты не оставались,
А сбывались и сбывались!

Тут подкрался Котофей
И промолвил: – Мяу, эй!
Был твоей мечтою кот?
Так погладь меня! Я вот.

А Я МЕЧТАЮ СНОВА...

А я мечтаю снова
Один в шестом часу,
Что Света Иванова
Заблудится в лесу.

Что Света Иванова
Заблудится в лесу,
А я, Васильев Вова,
Легко её спасу!

Как в сумеречной дымке,
Шепнёт она: «Боюсь»,
Так в шапке-невидимке
Я сразу появлюсь!

И выведу из леса,
И к дому приведу.
«Подумаешь, принцесса!» –
Скажу ей и уйду.

ЕСЛИ ЕСТЬ ФАНТАЗИЯ

Если есть фантазия,
То совсем нередко
Лодками становятся
Стул и табуретка!

Если есть фантазия,
Значит, повезло:
Даже палка лыжная –
Славное весло!

Если есть фантазия,
Не нужны слова:
Ждут меня чудесные
В море острова!

Если есть фантазия,
То под звон ручья
Океаны дальние
Открываю я!

Если есть фантазия,
В космос улетаю
И кометы белые
За хвосты хватаю!

Если есть фантазия,
В космосе кружу!
С инопланетянами
Дружбу завожу.

Если есть фантазия...
Ну а если нет?
Пусть моя фантазия
Согревает свет!

Пусть она качается
Солнцем на волне!
Сказкой не кончается
И живёт во мне!

Я УЧУСЬ

Хочу сегодня миру
Дневник я показать!
Вбегаю я в квартиру
И ну давай плясать!

Я радостный, я вёрткий,
Но вовсе не смешной:
Раз в дневнике пятёрки,
Танцуйте все со мной!

Но Муська мне, такому,
Мякнула сейчас:
– А разуваться дома
Не учат в школе вас?

ТЕАТР ТЕНЕЙ

Ни разу я не был в театре теней,
Но он привлекает меня всё сильнее!

А всё потому, что в гостях как-то раз
Увидел я этот волшебный показ!

С восторгом увидел я тени от рук,
Что волком и зайцем становятся вдруг!

И на потолке начинают плясать –
Ни в сказке сказать, ни пером описать!

И вот не могу я поверить с тех пор,
Что дядя Олег – никакой не актёр.

СНЕЖКИ

Холодные стены, холодные крыши,
Холодные в белом снегу огоньки
И, словно холодные белые мыши,
В руках у мальчишек тугие снежки.

Да только я белых мышей не люблю,
Да только я белых мышей не ловлю!

На первом снегу разыгрались дружки.
Летят и летят спозаранку снежки.
Ребятам привычно друг друга пугать.
А мне, мяу-мяу, куда убежать?

КАЧЕЛИ

Я хочу проснуться рано,
Раньше белого тумана,
Раньше блёсток на траве,
Раньше птичек в синеве!
Раньше Саши Ковалёва,
Раньше Бори Иванова!
Раньше Юли, раньше Эли,
Раньше всех мне встать не лень,
Чтоб занять с утра качели
И качаться целый день!

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Ты лети, бумажный змей,
В небеса лети смелей!
Но из рук не вырывайся,
Нам послушным оставайся!
А ещё за провода
Не цепляйся никогда!

ЮРКА И МУРКА

Что ты, Юра, словно ёжик?
Посиди и отдохни!
Не дразни сиамских кошек,
И обычных не дразни!

Ты же добрый мальчик, Юрка!
Что ж ты ходишь, всем грубя?
Не хочу, чтоб наша Мурка
Оцарапала тебя.

ПОМОЩНИК

Есть такие игры – чудо:
Девять уровней одна!
А немытая посуда
Удивительно скучна.

С укоризной мама глянет:
– Что ты делал, где ты был?
Чем же ты так сильно занят,
Что посуду не помыл?

Милой маме врать не буду:
Мол, ангина, мол, больной...
Лучше вымою посуду –
Все тарелки до одной!

А компьютерные игры –
Словно львы и словно тигры!
То рычат, а то ревут,
Силы рвут и время рвут!

КАК Я НАВОДИЛ ПОРЯДОК

Если что-то вдруг валялось,
То совсем не мудрено
Не найти, что потерялось,
Всё теряя заодно!

Я искал стихи и сказки,
Кисти я искал и краски.
А ещё полдня искал
Паровоз и самосвал!

Не искал в лесу тропу
Возле серых скал я,
А подзорную трубу
В комнате искал я!

Снова всё, что находил,
Друг на друга громоздил.

Вдруг я понял, что тону
В этом беспорядке!
Вдруг я понял, что ко дну
Я иду, ребятки!

И решил я на ходу,
Что порядок наведу!

Как порядок я навёл,
Так от радости расцвёл!

СУМЕРКИ

Ничего, что солнце село:
В сумерках гуляем смело!
Ходим смело – страхи прочь:
Сумерки ещё не ночь.

Я себе твержу упрямо:
Темнота мне по душе!
...Всё равно я рад, что мама
Позвала домой уже!

Марина ДРУЖИНИНА

Марина Владимировна Дружинина – прозаик. Родилась 31 декабря 1953 года в Москве. После окончания Московского Института стали и сплавов (1976 год) работала во Всесоюзном Научно-исследовательском институте Автоматизации чёрной металлургии (ВНИИАчермет) инженером, затем научным сотрудником. В 1980 году в «Литературной газете» был напечатан первый рассказ М. Дружининой. В 1981–1984 годах М. Дружинина сотрудничала с газетой «Труд». В 1988 году в журнале «Весёлые картинки» появилось первое детское стихотворение «Подарок». В 2005–2015 гг. работала литературным редактором в «Весёлых картинках». Является постоянным автором журнала «Мурзилка», напечатавшим в 1991 году её первый рассказ для детей. В 1991 году в издательстве «Детская литература» вышла первая книжка стихов для малышей «Дали Маше погремушку». Вторая книжка М. Дружининой «Ослик, ослик, где твой хвостик?» (1993 год) вышла в том же издательстве. Марина Дружинина – член МГО Союза писателей России, автор более 200 книг, выпущенных различными издательствами. Произведения Марины Дружининой переведены на украинский, финский, болгарский и китайский языки. М. Дружинина награждена Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2009 год); Почётной грамотой Союза писателей России (2009 год), многими другими литературными наградами.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

БИТВА С ВАМПИРАМИ

Ох, как долго тянулся последний урок! Наконец прозвенел звонок и я, схватив портфель, бросился к дверям, перепрыгивая через парты.

– Эй, Вовка! – рванулся за мной Санька, капитан нашей сборной по волейболу. – Сегодня тренировка! Не забудь! Ты и так в прошлый раз пропустил!

– Отстань ты со своей тренировкой! – отмахнулся я. – У меня дела поважнее!

Со скоростью чемпиона мира по бегу на короткие дистанции домчался я до дома и, едва переводя дыхание, плюхнулся на стул перед телевизором. Вот он, долгожданный миг! Какой там волейбол, когда нужно срочно спасти нашу цивилизацию от нашествия космических пятихвостых чудовищ! Сейчас включу свою игровую приставочку, и сражение начнётся!

Всего неделю назад подарил мне папа приставку. А сколько побед одержано! И роботов-убийц я победил! И рептилий-людоедов победил! И вурдалаков трёхголовых, которые конфетками заманивали маленьких детей в свои гнусные норы, я тоже победил!

Мама вздохнула, глядя на меня. И время от времени говорила:

– Может, хватит играть? Шёл бы воздухом подышал! Вон какой бледный стал! Совсем захиреешь!

– Это я-то захирею? – возмущался я, не отрываясь от экрана. – Смотри, как я одной левой повалю сейчас обезьянку-ниндзя! Некогда мне гулять!

Мама снова вздохнула и грустно уходила на кухню.

В субботу, когда мама с папой собрались к бабушке на день рождения, я тоже был страшно занят и с ними не пошёл.

– Саблезубые тигры одолевают индейцев из племени трику-ку! – объяснил я непонятливым родителям. – Нужно выручать!

Даже с Владиком в кино некогда было сходить. Он несколько раз звал. А потом перестал звонить и заходить. Обиделся, наверное. Тоже непонятливый какой-то! Но я не особенно расстроился. Потому что расстраиваться мне тоже было некогда!

То кокосы срочно требовалось посшибать с пальм прямо в пасти крокодилам, то танки наступали, то подводные лодки тонули. Жизнь кипела!

Если б ещё не школа... Уж так не хотелось тратить время на уроки! Да и вставать по утрам тяжело после поздних боёв.

Вот и сегодня. Сижу на математике. А у меня перед глазами так и носятся вампиры с вурдалаками! Так и сбрасывают на меня бомбы с горячими школьными завтраками! А у самих глаза горят, и все как один похожи на нашего завуча Михаила Яковлевича!

И такие меткие! Только что у меня было десять жизней, а теперь уже пять! Четыре! Ой-ой-ой! Уже только три! Я был в ужасе!

– Так сколько у тебя, Ручкин? – участливо спросил чей-то голос.

– Две жизни! – отчаянно завопил я. И очнулся. И увидел гогочущих одноклассников.

– Интересно! По-твоему, Ручкин, для выполнения дневной нормы рабочему требуются две жизни? – усмехнулась наша учительница Алевтина Васильевна. – Не многовато ли? Хотя, конечно, смотря как работать... Слушать надо на уроках! – добавила она строго и поставила двойку.

«Подумаешь! – успокоил я себя. – Зато никто так не врежет космическим чудовищам, как я!»

...Итак, включил я, наконец, свою ненаглядную приставочку. И... ни-че-го!

Пустота! Я нажимал на все кнопки. Дёргал за все проводочки – может, контакты отошли. Всё без толку. Только какой-то кружочек прыгал по экрану. То пропадая, то появляясь вновь.

И это было всё, что осталось от цивилизаций, вампиров, рыцарей, чудовищ.

Что делать? Ждать, когда папа отвезёт в мастерскую? Это же целая вечность пройдёт! Я не переживу! А самому идти страшновато. Вот с Владиком – другое дело. Он длиннющий, как жердь, и очень вежливый.

– Владик! – позвонил я другу. – У меня приставка сломалась! Поехали со мной в мастерскую!

– Не могу, – как-то скучно ответил Владик. – Мне надо рыбок кормить.

Тьфу ты! Не мог придумать что-нибудь поинтереснее! Ладно, подожду папу. А пока можно к дедушке забежать. Он живёт недалеко. Только позвоню на всякий случай.

– Дедушка! – набрал я номер деда. – У меня приставка сломалась! Я тебя сейчас навещу!

– Мне некогда. Не отвлекай! – холодно ответил дед. – Я газету читаю. – И повесил трубку.

«Неужели всё из-за дня рождения обижается? Ну и пусть! Побегу тогда в школу на тренировку. Ещё успею!»

Прибежал я в школу. Все уже в зале.

– Ребята! – крикнул я. – Сейчас переоденусь и к вам!

– Можешь не беспокоиться, – сказал капитан Санька. – У нас полный комплект. Без тебя обошлись.

Ох, и тошно же мне стало! Ну никому, никому я не нужен! Вернулся я домой. Снова уселся перед телевизором. И думаю. Что ж это такое получается? Пока с колдунами и чудовищами сражался, всех друзей растерял. Мне даже показалось, что это не кружочек прыгает по экрану, а вампир. Маленький и ехидный. Тычет в меня пальцем, подмигивает. Ну что, мол, кто кого победил?

И тут в дверь позвонили. Мама, наверное, пораньше вернулась.

На пороге стоял Владик.

– Ладно, – говорит, – понесли чинить твою приставку.

И тут я совершенно неожиданно сказал:

– А ну её! Потом починим. Пошли просто погуляем!

ВСТРЕЧА С ИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ

Владик Гусев частенько захаживал в библиотеку: брал или сдавал книжки, листал журналы. Но особенно ему нравилось слушать писателей, иногда выступающих перед читателями. Поэтому на вечер встречи с известным писателем Григорием Гурькиным Владик очень торопился – боялся опоздать.

– Вот и читатель! – приветствовал запыхавшегося Владика усатый мужчина в очках. – Ты, надеюсь, на встречу со мной так мчался?

– Ага, – кивнул Владик, – если, конечно, вы – известный писатель Григорий Гурькин.

– Он самый! Кто же ещё! – заверил усач. – А кроме тебя, представляешь, никого нет!

– Григорий Иванович, миленький, – взволнованно заговорила заведующая Вера Филипповна, – ещё раз умоляю, извините! Не сердитесь! Честное слово, буквально десять минут назад позвонили из школы, что не могут привезти ребят – все дороги перекрыты из-за выборов. Три класса должны были приехать! Ну никак не могли мы заранее сообщить, что встреча отменяется!

– Ой, как жа-а-алко, – Владик погрустнел и собрался было уходить. Но писатель остановил его:

– погоди. Я уважаю своего читателя. Раз ты пришёл, ничего отменять не будем.

– Ура! – просиял Владик. А Вера Филипповна воскликнула:

– Спасибо, дорогой Григорий Иванович! У вас не только острый писательский глаз, но и доброе сердце!

– Как тебя зовут? – обратился писатель к Владиду.

– Владик Гусев! – ответила за мальчика Вера Филипповна. – Он у нас самый активный читатель. Каждый день приходит!

– Это потому, что живу рядом, – смутился Владик. – Ну и читать люблю. Ваши книжки тоже.

– Неужели? – почему-то удивился писатель. – Как приятно!

И вечер встречи начался.

Григорий Иванович прочитал Владику сказку, отрывок из повести и загадал несколько загадок. Владик был в восторге. Он, в свою очередь, тоже, как мог, порадовал писателя: прочитал наизусть целых три его считалки, потом – отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и стихи собственного сочинения:

*Николаю-лежебоке
Не по праву караоке.
–Замолчите! – крикнул он
И врубил магнитофон!*

и ещё:

*Мы пришли на дискотеку,
Прокричали: «Ку-ка-ре-ку!»
И услышали в ответ:
«Покажите-ка билет!»*

Писатель одобрительно хмыкнул и подмигнул Владику:

– Ходишь на дискотеку?

– Что вы! – замотал головой Владик. – Это про моего дядю Гену и тётю Люсю. – И тут же сочинил стихи про себя:

*Не хожу на дискотеку,
Я хожу в библиотеку!*

– Отлично! – похвалил писатель. – Я, пожалуй, тоже что-нибудь такое придумаю.

– Обязательно придумайте! – вскочила со стула Вера Филипповна. – Это наверняка будет очередной шедевр! А сейчас, извините, я должна вас покинуть! – И Вера Филипповна скрылась в своём кабинете.

– Ты молодец! – сказал Григорий Иванович Владику. – Побольше бы таких читателей! Ты мне очень понравился.

– И вы мне понравились. Побольше бы таких писателей! – ответил Владик и вздохнул: вечер встречи, судя по всему, близился к концу. А ему ужасно не хотелось расставаться с Гурькиным.

Но писатель, похоже, не спешил прощаться.

– Чем ты увлекаешься кроме книжек? – спросил он.

– В школе играю в волейбол, – оживился Владик. – С мамой хожу в театр, плаваю на байдарке. А вчера мы записались в бассейн.

– Папа тоже спортом занимается?

– Не знаю, чем он занимается, – сразу поскучнел Владик, – он с нами не живёт. – И перевёл разговор на другую тему:

– А правда, что сила слова может изменить жизнь? Моя мама мечтает похудеть. И я сочинил стихотворение:

*Похудела мигом мама
На четыре килограмма.*

Как вы думаете, это поможет? Подействует?

– Непременно! – улыбнулся в усы Григорий Иванович. – Тем более что вы в бассейн записались. А у меня, между прочим, первый разряд по спортивной гимнастике. Смотри!

Писатель снял очки, встал на руки и уверенно пошёл по библиотеке.

Вдруг раздался весёлый голос:

– Владик, ты здесь? – в дверях стояла Владикова мама. – А это кто?

– Известный писатель Григорий Гурькин. Просто он сейчас на руках ходит, – объяснил Владик.

– Это я вижу, – усмехнулась мама. – Поздно уже! Ты домой собираешься?

– Ага.

– Приходи скорей!

Мама ушла. А Григорий Иванович перекувырнулся, встал на ноги и задумчиво произнёс:

– Знаешь, Владик, мне твоя мама тоже понравилась. Хочешь, я вам как-нибудь позвоню?

– Очень хочу! – обрадовался Владик. Он продиктовал телефон и с уважением подумал: «Вот что значит острый писательский глаз! Даже без очков, стоя на руках, Григорий Иванович заметил, какая у меня классная мама!»

Так писатель, читатель и его мама нашли друг друга. Получилась счастливая семья. Теперь они все вместе ходят в театр, бассейн и плавают на байдарке. А иногда даже делают стойку на руках.

ДВА АВТОГРАФА

Галка Воробьёва прибежала домой из школы и сразу стала мечтать, как опять побежит в школу послезавтра, в среду. Это будет потрясающий день! В школу, прямо в Галкин класс приедет знаменитая писательница Кери Кин на встречу с ребятами! А значит, и с Галкой!

Галка обожала книги Кери Кин. Особенно «Невероятные приключения комстриков». Это такие компьютерные монстрики, весёлые и находчивые. Они то и дело попадают в немислимые ситуации. Но всегда выходят с победой из любой переделки. И тут же оказываются в очередной!

Галка была в восторге от комстриков. Она постоянно перечитывала «Приключения». И каждый раз открывала для себя что-то новое, интересное.

«Обязательно возьму книжку в школу, – предвкушала Галка. – И сама Кери Кин мне её подпишет!»

Но всё пошло не так.

Вдруг заболелась голова. Галке стало холодно. Потом, наоборот, жарко. Захотелось полежать...

Приехала с работы мама.

– Ты случайно не заболела? Глаза подозрительно блестят, щёки подозрительно горят. – Мама пощупала Галкин лоб. – Померь-ка, красавица моя, температуру.

Ртутный столбик мгновенно подскочил до отметки 38.

В общем, заболела Галка.

Мама уложила дочку в постель, напоила чаем с малиной, потом – чаем с мёдом. И сказала:

– Посмотрим, что будет завтра.

– Завтра я точно выздоровею, – пробормотала Галка и заснула.

Но утром, увы, ничего не изменилось. Упрямый столбик застрял на отметке 38 – и ни с места! Ни за что не хотел опускаться, как Галка его ни уговаривала. Вдобавок появился кашель.

– Всё ясно, – вздохнула мама. – Школа отменяется. – И вызвала врача.

Вскоре прозвенел звонок в дверь. На пороге стояла незнакомая симпатичная тётя.

– Я ваш новый участковый врач, – представилась она.

На бейджике значилось «Гликерия Ниловна Атамашкина».

Доктор внимательно послушала Галку, заглянула в горло и выписала лекарства.

– Лечись! – сказала Гликерия Ниловна. – Через неделю придёшь ко мне в поликлинику.

– А можно я завтра сбегая в школу хоть на часок? – взмолилась Галка. – Мне очень нужно!

– Всегда бы так рвалась в школу, – заметила мама.

А врач покачала головой:

– Ни в коем случае! Сиди дома! Лечись! Нужно полностью выздороветь!

– Понимаете, мне просто позарез надо завтра быть в школе! – Галкины глаза наполнились слезами. – Приедет знаменитая писательница Кери Кин!

– Правда? В твою школу? – удивлённо подняла брови доктор Атамашкина.

– Не только в мою школу, а прямо в мой класс! А вы знаете эту писательницу?

– Слышала про такую.

– Здорово! – Галка обрадовалась: вдруг по случаю Кери Кин её отпустят в школу. – Я её обожаю! Особенно комстриков! – Галка вытащила из-под подушки любимую книжку. – Хотите почитать? Очень рекомендую.

– Спасибо, в другой раз, – кивнула врач. – Но школу всё равно придётся пропустить. А кстати, чем тебя так очаровали эти самые комстрики?

– Они такие классные! Такие весёлые! Никогда не унывают! У них девиз:

*С улыбкою шагай вперёд,
Тогда тебя победа ждёт!*

– Отличный девиз! – согласилась врач. – Советую всегда ему следовать.

– Я стараюсь, но у меня не получается, – Галка захлопала носом. – Как я могу с улыбкою шагать вперёд, если вы не пускаете меня в школу?! Я так мечтала взять автограф у Кери Кин! Так мечтала с ней встретиться!

– Неужели ты действительно так сильно обо всём этом мечтала? – почему-то удивилась Гликерия Ниловна.

– Правда! – Галка готова была зареветь. – Ну, пожалуйста, разрешите мне пойти в школу!

– Насчёт школы я тебе всё объяснила, – строго сказала врач. – А книжку – давай, подпишу.

– Вы-то при чём? – вытаращила глаза Галка. – Мне нужен автограф Кери Кин.

– Видишь ли, – кашлянула доктор, – я и есть автор книжки. Кери Кин – мой псевдоним: часть имени Гликерия и фамилии Атамашкина. Короче, я и врачом работаю, и книжки пишу.

– Как Антон Павлович Чехов! – ахнула мама.

– Почти, – смущённо улыбнулась писательница.

А Галка восторженно захлопала в ладоши:

– Как здорово! – И протянула Атамашкиной книжку. – Подпишите, пожалуйста!

И та написала:

«Дорогая Галочка! Рости здоровой, весёлой и никогда не унывай!»

И подписала: «Кери Кин. А также все комстрики».

– Ура! – просияла Галка. – Значит, я с вами встретила даже раньше моих одноклассников! Как мне повезло!

– Получается, так, – усмехнулась врач и одновременно писатель. – Завтра я приеду в твою школу. А сейчас я должна торопиться к больным детям. Выздоровлявай, Галочка! Жду тебя через неделю.

– Спасибо! Спасибо! – наперебой благодарили мама и Галка. – А мы вам желаем поменьше больных и побольше книжек!

Кери Кин, она же Гликерия Ниловна Атамашкина ушла.

– Всё-таки случаются иногда в жизни совершенно поразительные везения, – задумчиво произнесла мама.

– Просто я очень сильно мечтала, – объяснила Галка и схватила выписанный рецепт. – Надо обязательно сохранить! Здесь ведь тоже автограф!

ЗВОНИТЕ, ВАМ СПОЮТ!

В воскресенье мы пили чай с вареньем и слушали радио. Как всегда, в это время радиослушатели в прямом эфире поздравляли своих друзей, родственников, начальников с днём рождения, днём свадьбы или ещё с чем-нибудь знаменательным; рассказывали, какие они расчудесные, и просили исполнить для этих прекрасных людей хорошие песни.

– Ещё один звонок! – в очередной раз ликующе провозгласил диктор. – Алло! Мы слушаем вас! Кого будем поздравлять?

И тут... Я ушам своим не поверил! Раздался голос моего одноклассника Владьки:

– Это говорит Владислав Николаевич Гусев! Поздравляю Владимира Петровича Ручкина, ученика четвёртого класса «Б»! Он получил пятёрку по математике! Первую в этой четверти! И вообще, первую! Передайте для него лучшую песню!

– Замечательное поздравление! – восхитился диктор. – Мы присоединяемся к этим тёплым словам и желаем уважаемому Владимиру Петровичу, чтобы упомянутая пятёрка была не последней в его жизни! А сейчас – «Дважды два – четыре»!

Заиграла музыка, а я чуть чаем не поперхнулся. Шутка ли – в честь меня песню поют! Ведь Ручкин – это я! Да ещё и Владимир! Да ещё и Петрович! И вообще, в четвёртом «Б» учусь! Всё совпадает! Всё, кроме пятёрки. Никаких пятёрок я не получал. Никогда. А в дневнике у меня красовалось нечто прямо противоположное.

– Вовка! Неужели ты пятёрку получил?! – мама выскочила из-за стола и бросилась меня обнимать-целовать. – Наконец-то! Я так мечтала об этом! Что же ты молчал? Скромный какой! А Владик-то – настоящий друг! Как за тебя радуется! Даже по радио поздравил! Пятёрочку надо отпраздновать! Я испеку что-нибудь вкусное! – Мама тут же замесила тесто и начала лепить пирожки, весело напевая: «Дважды два – четыре, дважды два – четыре...».

Я хотел крикнуть, что Владик – не друг, а гад! Всё врёт! Никакой пятёрки не было! Но язык совершенно не поворачивался. Как я ни старался. Уж очень мама обрадовалась. Никогда не думал, что мамина радость так действует на мой язык.

– Молодец, сынок! – замахал газетой папа. – Покажи пятёрочку!

– У нас дневники собрали, – соврал я. – Может, завтра раздадут, или послезавтра...

– Ну ладно! Когда раздадут, тогда и полюбуемся! И пойдём в цирк! А сейчас я сбегая за мороженым для всех нас!

Папа умчался, как вихрь, а я кинулся в комнату, к телефону. Трубку снял Владик.

– Привет! – хихикает. – Радио слушал?

– Ты что, совсем очумел? – зашипел я. – Родители тут голову потеряли из-за твоих дурацких шуток! А мне расхлёбывать! Где я им пятёрку возьму?

– Как это – где? – серьёзно ответил Владик. – Завтра в школе. Приходи ко мне прямо сейчас уроки делать.

Скрипя зубами, я отправился к Владику. А что мне ещё оставалось?..

В общем, целых два часа мы решали примеры, задачи.... И всё это вместо моего любимого триллера «Арбузы-людоеды»! Кошмар! Ну, Владька, погоди!

На следующий день на уроке математики Алевтина Васильевна спросила:

– Кто хочет разобрать домашнее задание у доски?

Владик ткнул меня в бок. Я ойкнул и поднял руку. Первый раз в жизни.

– Ручкин?! – удивилась Алевтина Васильевна. – Что ж, милости просим!

А потом... Потом случилось чудо. Я всё решил и объяснил правильно. И в моём дневнике заалела гордая пятёрка! Честное слово, я даже не представлял, что получать пятёрки так приятно! Кто не верит, пусть попробует...

В воскресенье мы, как всегда, пили чай и слушали передачу «Звоните, вам споют». Вдруг радиоприёмник опять затараторил Владькиным голосом:

– Поздравляю Владимира Петровича Ручкина из четвёртого «Б» с пятёркой по русскому языку! Прошу передать для него лучшую песню!

Чего-о-о-о?! Только русского языка мне ещё не хватало! Я вздрогнул и с отчаянной надеждой посмотрел на маму – может, не расслышала. Но её глаза сияли.

– Какой же ты у меня умница! – счастливо улыбаясь, воскликнула мама.

КОЗА СИДОРОВА

Загадка фразеологизма

Много лет назад жила-была милая девушка по фамилии Сидорова. За резвость и весёлый нрав люди прозвали её козой. Так и говорили про неё с любовью: «Наша Сидорова – коза». Работала Сидорова-коза по своему призванию – уборщицей. Была она ловкая и умелая. За что ни бралась – всё так и горело у неё в руках. Ну хоть пожарных вызывай! Особенно хорошо она драила полы. В народе даже появилась поговорка: «Драить, как Сидорова-коза». То есть, значит, скрести до блеска.

Однажды приехал известный журналист из местной газеты, чтобы написать небольшой очерк о лучших людях микрорайона, где трудилась Сидорова. Лучших людей оказалось очень много (конечно же, среди них была наша коза), поэтому о каждом из них пришлось писать очень коротко, буквально одну строчку и, разумеется, только самое лучшее. В результате про нашу героиню только и было в очерке сказано, что, мол, есть в народе микрорайона поговорка «Драить, как Сидорова-коза». И всё. Без всяких подробностей и пояснений. Но самым ужасным было то, что в слове «драить» пропустили букву «и»! Старожилы микрорайона утверждают, что это произошло не случайно, а тоже для большей краткости.

Сидорова страшно возмутилась. Она написала в газету резкое опровержение, что «так называемая Сидорова-коза никогда никого не драла». И тоже без подробностей. Потом оклеветанная бедняжка с горя вышла замуж и уехала на Крайний Север.

В газете приняли к сведению опровержение и решили, что, раз коза никого не драла, то, значит, драли её саму. И вместо того, чтобы поставить на место «и», взяли и изменили падеж у самой Сидоровой. А про чёрточку вообще якобы забыли. (Однако существует версия, что чёрточку опустили не случайно, а опять-таки для экономии места).

Получился фразеологизм «драть, как Сидорову козу», который и нашёл широкое распространение благодаря прессе. Новое опровержение на этот раз писать было некому – Сидорова на Крайнем Севере читала уже другие газеты. Да и козой её там никто не называл. Разве только муж, да и то изредка. Гораздо чаще она его теперь называла козлом. В шутку, конечно.

КРОССВОРД С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

В воскресенье вечером мы всей семьёй разгадывали кроссворд.

– «Великая русская река!» Пять букв! – объявил папа. И тут же сам ответил: – Волга!

– Ха-ха-ха! Ой, не могу! Ой, насмешил! – Мой младший братишка Кирюша прямо повалился на пол и схватился за живот. – Волга – это же дяди Васина машина! Ты ещё скажи, что есть река Жигули и озеро КамАЗ!

– Безобразие! Ребёнок, кроме машин, ничего не знает! – возмутилась бабушка. – Мы сейчас же начнём изучать географию!

Бабушка отнесла хохочущего Кирюшку к себе в комнату и плотно закрыла дверь.

– «Грузинская царица, двенадцатый век». Шесть букв! – продолжил папа. И снова сам ответил: – Тамара!

– Ой! – вскочила мама. – Совсем забыла! Нужно срочно позвонить тёте Томе! – И мама кинулась к телефону.

– Ну и кроссворд! Прямо руководство к действию! Вот что значит творческий подход к разгадыванию! – засмеялся папа. – Поехали дальше. «Человек с загадочной улыбкой, портрет которого написал Леонардо да Винчи».

Я пожал плечами.

– Джоконда! – торжественно провозгласил папа.

– А кто такой Джоконда? – поинтересовался я.

– Не «такой», а «такая». Это прекрасная женщина! Неужели никогда не слышал?

– Никогда!

– Какой кошма-ар! – застонал папа. Он отшвырнул газету с кроссвордом, бросился к книжному шкафу и вытащил альбом с репродукциями. – Вот «Джоконда», величайшее творение мастера! Чему она так загадочно улыбается? Несколько столетий миллионы людей ломают над этим голову.

– Почему? – удивился я.

– Загадочность всегда привлекает внимание. – Папа снова взялся за кроссворд. – Продолжим?

Но мне уже было не до кроссворда.

«Вот то, что надо! – осенило меня. – Вот как я смогу привлечь внимание!» Конечно, не на несколько веков и не милли-

онов людей, а хотя бы одной девочки, Светы Петуховой. Она новенькая в нашем классе.

Чего только я не придумывал, чтобы Света мной заинтересовалась! И пицал, как мышка, на уроке природоведения, и сидел на парте по-турецки, и надевал купальную шапочку на пении! И всё без толку.

Оказывается, нужно просто загадочно улыбаться. Но придётся потренироваться.

Я схватил репродукцию и подбежал к зеркалу. Смотрю на «Джоконду» и улыбаюсь то так, то этак.

– Что с тобой? – изумился папа.

– Ничего! Картина очень понравилась, – уклончиво ответил я.

Утром я примчался в школу и прямо в раздевалке столкнулся со Светой Петуховой.

– Привет! – сказала Света.

Я кивнул и загадочно улыбнулся. Света на меня удивлённо посмотрела и пошла в класс.

Моя улыбка явно подействовала. На уроках Света то и дело поворачивалась в мою сторону. И каждый раз я загадочно улыбался. Как Джоконда, разумеется.

После занятий Света подошла ко мне и встревоженно спросила:

– Лютиков, ты не заболел? Проводить тебя до дома?

– Я здоров, как бык! Сам тебя провожу! – разволновался я. – Можно?

– Можно! – обрадовалась Света. – Только ты больше не будешь так морщиться? А то страшно становится!

Теперь я каждый день провожаю Свету домой. Мы весело болтаем о том о сём. Она классная девчонка! И, оказывается, давно хотела со мной подружиться.

Всё-таки здорово, что Леонардо да Винчи нарисовал Джоконду, а мы с папой творчески разгадали кроссворд!

ОЙ, ЦВЕТЁТ КАЛИНА...

Галка Воробьёва сидела на уроке «Окружающий мир», а в голове у неё задушевно пел хор «Бурёнушки».

Вчера голосистые красавицы выступали по телевизору. Да так здорово! Галка с мамой даже подпевали им! Ну а сегодня «Бурёнушки» переместились всем хором прямоком в Галкину голову, не умолкая ни на минуту. Они, безусловно, тоже являлись частью окружающего мира – чего только нас не окружает! Но тема урока была, к сожалению, другой.

– Обитатели нашего леса! – объявила учительница Мария Николаевна и начала записывать тему на доске. И тут у неё в руке – хрусть! – сломался мел.

– Ой! – вскрикнула от неожиданности Мария Николаевна. Да так громко! В точности как солистка «Бурёнушек». Ну, Галка сразу и подхватила: «...цветёт калина в поле у ручья...». Все захохотали. А учительница вместо того, чтобы продолжить: «... Парня молодого полюбила я...», коротко скомандовала:

– Воробьёва, дневник на стол!

И написала замечание: ПЕЛА НА УРОКЕ!

Ох, как не хотелось Галке огорчать маму!

«Что бы такое сделать с этим замечанием? – размышляла Галка после занятий. – Как превратить его в мамину радость? Может, добавить ШИ? Получится: ШИПЕЛА НА УРОКЕ. Или СО – получится СОПЕЛА. Или ХРА – будет ХРАПЕЛА. А если добавить СВИРЕ, получится СВИРЕПЕЛА НА УРОКЕ! Но всё это тоже вряд ли порадует маму... Ага, придумала!» – Галка довольно заёрзала на стуле и приписала к слову ПЕЛА буквы У и С. А перед ними вывела слово ВСЁ.

Замечание превратилось в прямо-таки восторженное послание от учительницы: ВСЁ УСПЕЛА НА УРОКЕ!

«Хотя, стоп! Успокаиваться рано! – спохватилась Галка. – Не очень-то понятно, что именно я успела. Может, как раз то, чего делать ни в коем случае нельзя!» И решительно стёрла добавления, а заодно и букву П.

Получилось: ЕЛА НА УРОКЕ!

«Вот теперь то, что надо! Молодчина! – от души похвалила себя Галка. – Мама наверняка будет довольна, что у дочки отличный аппетит – даже на уроке ест! А руки, скажу, на перемычке помыла!».

Вечером мама открыла дневник и... совсем не обрадовалась, а, наоборот, возмутилась:

– Почему замечание наполовину стёрто чуть ли не до дыр? Что здесь было написано? Может, ты свистела на уроке? Или гудела? Гремела? Дудела, ревела, тарыхтела?!

– Нет! Нет! Нет! – мотала головой Галка.

– Тогда что же ты делала?

– Пела!

– У-у-ф, – облегчённо вздохнула мама. – Это ещё ничего. А вот дневник портить – форменное безобразие. Так что сегодня мультики отменяются. – И мама пошла на кухню, задумчиво напевая: «Ой, цветёт калина в поле у ручья...».

СПЛОШНАЯ ПОЛЬЗА

– Наконец-то мы попали во Всемирную Сеть! – торжественно объявил папа, когда наш компьютер подключили к интернету. – Ура!

– Ура! – отозвался я.

– Главное, пользоваться интернетом с умом, – папа назидательно покачал указательным пальцем. – Тогда от него – сплошная польза: можно найти нужную информацию о чём угодно и о ком угодно.

– Даже про меня? – удивился я.

– Сейчас посмотрим.

Папа быстро набрал в поисковике: «Владимир Петрович Ручкин». Затем щёлкнул мышкой, и... весь экран заполнили Владимиры Петровичи Ручкины. Я и не подозревал, что их так много!

Чем только не занимались эти самые Ручкины!

Один Владимир Петрович, доктор наук, нашёл гриб-дождевик весом пятнадцать килограммов; другой – сочинил стихи на китайском языке; третий, крутой босс, купил для своей бабушки парочку островов Зелёного Мыса. А ещё одного Ручкина назначили министром образования!

– Владимир-то Петровичи – ого-го! – радовался я за тройных тёзок.

Правда, затесались в их ряды и позорящие наше доброе имя, а также отчество с фамилией.

Например, некий Владимир Петрович похитил жирафа из зоопарка, другой – буянил на дискотеке, полицейские с трудом сняли его с потолка...

Мне было стыдно за таких!

В общем, кучу всего мы прочитали про Ручкиных. А про меня – ни слова.

– Не переживай, – утешал папа. – Ещё успеешь прославиться! И про тебя напишут, как, скажем, про этого мальчика. – И показал заметку «Гордость Северного края» из газеты «Тайга»:

«Владимир Петрович Ручкин, ученик четвёртого класса школы №1 деревни Оленья тропа, стал победителем сразу двух всероссийских олимпиад – по математике и по русскому языку. Поздравляем чемпиона!»

– Ишь, какой! – позавидовал я.

А папа сурово сдвинул брови:

– Ты уроки сделал?

– Не-а.

– Живо садись заниматься! А я в интернете ещё кое-что посмотрю.

– Сейчас всё сделаю, – заверил я. – Только давай про твоих тройных тёзок тоже почитаем. Очень уж интересно!

– Ладно, – согласился папа и набрал: «Пётр Владимирович Ручкин»...

Надо признать, что Пётры Владимировичи ни в чём не уступали Владимирам Петровичам. Среди них обнаружился и учё-

ный-физик, и лётчик-испытатель, и миллионер-мошенник, и пьяница-дебошир...

Папа ещё пошарил мышкой по экрану и воскликнул:

– Гляди-ка, опять деревня Оленья тропа!

И мы стали смотреть ролик – интервью с Петром Владимировичем Ручкиным, отцом уже известного нам чемпиона.

«Посоветуйте, пожалуйста, как воспитывать детей, чтоб они учились так же замечательно, как Ваш сын?» – спрашивала корреспондентка Северного телевидения.

«Надо, чтоб ребятишки побольше книжек читали, а не в интернете сидели, – строго отвечал Пётр Владимирович. – Сильно отвлекает интернет от учёбы. Я и сам в него залезаю, только если для работы потребуется. Дела нужно делать, а не всякой ерундой заниматься!»

– Действительно, – спохватился папа. – Дел – невпроворот! Кто бы мне про них напомнил, если б не интернет! Очень это полезная штука!

И выключил компьютер.

ХОРОШО БЫТЬ ОПТИМИСТОМ!

Стасик сидел за компьютером, когда мама пришла с работы.

– Как дела, сынок? – мама ласково потрепала Стасика за вихры. – Не скучал один?

– Ни капельки! – бодро ответил Стасик. – Я радовался, что могу играть на компьютере, сколько душе угодно!

– Всё ясно, – покачала головой мама. – Тогда, наверное, ты огорчился моему приходу: я же не разрешаю тебе часами сидеть у компьютера!

– Нет, я опять очень рад! Я уже по тебе соскучился! – Стасик решительно выключил компьютер. – Да и поужинать очень хочется. Ты ведь принесла что-нибудь вкусенькое?

– Молодец! – засмеялась мама. – Ты настоящий оптимист!

– Кто-кто?

– Оп-ти-мист, – по слогам повторила мама. – Это человек, который во всём находит хорошее, никогда не унывает.

– А тот, кто унывает?

– Того называют пессимистом. Например, если отключили горячую воду и дома стало холодно, пессимист ноет: «О-о-ох, я простужу-у-усь!». А оптимист говорит: «Отлично! Самое время зарядку сделать!» – и р-раз! Р-раз! Помашет руками, поотжмается и согреется.

– А если слишком жарко?

– Пессимист стонет: «Ох, как плохо!». А оптимист: «Ах, как приятно залезть под холодный душ! Самое время закаляться! – Мама на секунду задумалась. – Или размораживать холодильник!».

– А если они оба заболели? – продолжал допытываться Стасик.

– Пессимист, ясное дело, причитает: «Бедный я, несчастный!». А оптимист себя подбадривает: «Скоро выздоровею! Начну заниматься спортом и не буду болеть. А пока посижу дома, книжек побольше почитаю». И выздоравливает быстрее пессимиста!

– Здорово! – захлопал в ладоши Стасик. – А ты, мамочка, оптимист?

– Конечно, – улыбнулась мама. – Я стараюсь никогда не унывать.

– Правильно! – обрадовался Стасик. – Значит, ты не очень огорчишься, что я сегодня двойку получил! Я ведь её обязательно на пятёрку исправлю!

ЭЛЕМЕНТАРНО, ВАТСОН!

Посмотрел я в очередной раз фильм про Шерлока Холмса и доктора Ватсона и твёрдо решил: буду сыщиком. Самого высокого класса, как Шерлок Холмс. Главное в этом деле – наблюдательность, умение мыслить логически и специальные знания. Прямо сейчас и начну тренироваться.

Тут в комнату вбежал Кирюшка. Рот у него был перемазан свёклой. Я пристально посмотрел на братишку, и мысль моя заработала.

«Кирюшка весь в свёкле. Значит, он её ел. Логично. Но одну только свёклу Кирюшка есть не станет – не любит. Зато он обожает свекольник и винегрет – вот и специальные знания пригодились. – Я довольно потёр руки. – Поехали дальше. Свекольник исключается: Кирюшка обязательно облился бы этим самым свекольником. Остаётся винегрет! А я его, между прочим, тоже люблю!»

Я кинулся на кухню к бабушке:

– Можно винегретика?

– Как ты узнал, что я его приготовила? – удивилась бабушка.

– Элементарно, Ватсон, – я пожал плечами. – Метод дедукции!

– Дедукция, говоришь? – заглянул в кухню дед. – А ты мою газету можешь найти? Ума не приложу, куда она подевалась. Всю квартиру обыскал! – Дедушка начал было сокрушённо вздыхать, но неожиданно заметил комара, севшего ему на руку. – Ух, мерзавец! – Дедушка хлопнул комара. – Ни днём, ни ночью нет покоя от этих кровопийц!

– Дедушка, – я прищурил глаза, как Шерлок Холмс, – ты ночью бил комаров?

– Ещё как! Столько их за день налетело! Весь потолок облепили!

– Отлично! – Разгадка была близка. – А чем ты их бил?

– Газетой!

– Значит, твоя газета на шкафу, – заключил я. – Ты комаров на потолке бил, затем газету на шкаф положил и забыл!

Дедушка бросился в комнату и через минуту вернулся сияющий, с газетой в руках.

– Точно! Хорошая штука – дедукция. Спасибо!

Потом я решил поупражняться во дворе.

Вышел на улицу и тут же встретил Владика Гусева.

– Привет! – говорю. – Спорим на миллион, что ты идёшь из больницы! А маму твою ещё не выписали.

МАРИНА ДРУЖИНИНА

– Привет, – удивлённо захлопал глазами Владик. – А как ты догадался?

– Элементарно, – отвечаю. – Если бы твою маму выписали, ты бы не ходил в больницу. Логично?

– Логично, – согласился Владик.

– А то, что ты был в больнице, – развиваю дальше свою мысль, – можно определить, если внимательно посмотреть на твои ноги: в больничных бахилах по улице не ходят!

– Ой, правда! – захохотал Владик. – Забыл снять! Так и бегаю!

– Но это не всё, – попыхивая соломинкой, как трубкой, продолжал я. – На спине у тебя рюкзак. Значит, ты пошёл в больницу сразу после школы. Следовательно, ты ещё не обедал, – логический ход моих мыслей наконец завершился. – Айда ко мне винегрет есть!

– Айда! – обрадовался Владик. – Я ужасно голодный. Спасибо!

...После обеда мы посмотрели ещё одну серию про Шерлока Холмса, и Владик отправился к себе домой. Вскоре пришла моя мама.

– Здравствуй, сынок! – поцеловала меня мама. – А почему ты до сих пор уроки не сделал?

– Как ты узнала? – настал мой черёд удивляться.

– Элементарно, Ватсон! – засмеялась мама. Но вместо объяснения строго добавила:

– Не теряй время! Садись заниматься.

Как всё-таки она догадалась? Вроде, нет никаких улик...

Да-а-а, пожалуй, Шерлоку Холмсу далеко до моей мамы!